ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

КОПЫЛОВА Татьяна Рудольфовна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КОММУНИКАЦИЯ» В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
доктор пед. наук, профессор
Ворожцова И.Б.

Ижевск – 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3
ГЛАВА I. НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ЯДРО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 14
§ 1. Основные категории современной лингвокогнитологии: дискурс и текст 14
1.1. Проблема определения дискурса в современном языкознании 14
1.2. Специфика научного дискурса 24
1.3. Специализированный научный лингвистический дискурс как подтип научного дискурса 30
§2. Научный концепт как единица научной картины мира 31
2.1. Научная картина мира: проблема универсальности и объективности научных знаний о мире 31
2.2. Особенности лингвокогнитивного концепта 38
2.3. Структура концепта 43
2.4. Концептуальный анализ в современной лингвистике 45
2.5. Научный концепт как лингвокогнитивный концепт 48
Выводы к главе I 54
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА «КОММУНИКАЦИЯ» В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 56
§ 1. Научный концепт «коммуникация» как один из ключевых концептов лингвистической частнонаучной картины мира 57
§ 2. Терминологическое обозначение научного концепта «коммуникация» 63
§ 3. Формирование научного концепта «коммуникация» 67
§ 4. Структура научного концепта «коммуникация» 74
4.1. Понятие «коммуникация» как ядро научного концепта 74

4.2. Общее и специфичное в структуре научного концепта «коммуникация» 84
4.3. Влияние языковой картины мира на содержание научного концепта «коммуникация» 94
4.4. Роль культуроспецифических особенностей в формировании научного концепта «коммуникация» 104
4.5. Влияние научной традиции на репрезентацию научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе 121
4.6. Связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка 157
Выводы к главе II 160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 161
БИБЛИОГРАФИЯ 165
ПРИЛОЖЕНИЯ .....

ВВЕДЕНИЕ

Современная наука о языке характеризуется осознанием роли языка как средства накопления, хранения и передачи знания, что обусловливает интерес исследователей к изучению концепта как некоего кванта знаний.

Концепт как компонент сознания и знания о мире долгое время являлся предметом изучения философии и психологии. Новая научная онтология, антропоцентрический подход к изучению языка позволяют рассматривать концепт как одну из основных проблем исследования современной науки о языке. На сегодняшний день можно выделить несколько подходов к определению концепта: лингвистический, психолингвистический, лингвокультурологический и др. [Булыгина 1997; Лихачев 1997; Степанов 2001; Шмелев 2002 и др.]. Концепт как «операционная единица мысли», представляющая собой способ и результат категоризации знаний, лежит в основе лингвокогнитивного подхода [Болдырев 2002; Воркачев 2003; Кубрякова 1996; Маслова 2005 и др.].

Представляя собой идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления, лингвокогнитивные концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996]. Связывая концепт и познавательную деятельность, С.Г. Воркачев рассматривает концепт как способ и результат квантификации и категоризации знания; в качестве объекта концепта «выступают ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым концепт не только описывает объект, но и создает его» [Воркачев 2003: 6].

Концепты вербализуются в языке. В качестве средств репрезентации концепта могут выступать лексемы, фразеосочетания, словосочетания,

предложения, тексты и совокупности текстов. В исследованиях, посвященных концепту, особо подчеркивается его принадлежность этнокультурному миру человека. Его смысловое наполнение интерпретируется в контексте форм мысли носителей языка и культуры, что помогает воссоздать этнокультурный образ, особенности менталитета носителей языка [Фесенко 2000: 144].

Активизация изучения концепта в современной науке обусловливает и проблему структуры и анализа концепта, которая находит свое освещение в трудах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Л.О. Чернейко, С.Е. Никитиной, Р.М. Фрумкиной, В.А. Масловой, И.А. Стернина и др. [Карасик 1996; Маслова 2005; Никитина 1991; Степанов 2001; Стернин 2001; Фрумкина 1992; Чернейко 1997]. Исследователи исходят из того, что концепт – «многомерное идеализированное формоообразование» [Ляпин 1997: 16], обладающее сложным характером структурной организации, обусловленным тем, что за концептом могут стоять знания разной степени абстракции. По мнению Н.Н. Болдырева, концептом может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие концепты и задающая другие степени абстракции [Болдырев 2002].

В описании структуры концепта многие ученые опираются как на хронологический принцип, и в этом случае выделяются основной (актуальный) признак, дополнительный (пассивный), внутренняя форма [Степанов 2001], так и на семантические параметры, позволяющие выделить понятийные, образные, ценностные, поведенческие, этимологические, культурные измерения [Ляпин 1997; Степанов 2001; Карасик 2001]. По мнению С.Г. Воркачева, оптимальным для полноты описания смысловой наполненности концепта является выделение трех составляющих: *понятийной*, *образной* и *значимостной* [Воркачев 2002]. Сложная и многомерная структура концепта приводит к тому, что под методом концептуального анализа понимается совокупность приемов и методов,

необходимых для исследования концептов и репрезентации их содержания [Маслова 2005].

Особым подтипом лингвокогнитивного концепта, отражающего научные знания как результат научного познания окружающей действительности, является научный концепт.

В поле внимания лингвистов научный концепт попадает в основном в связи с изучением научного дискурса или научного текста [Красных 2001; Матвеева 1984; Ракитина 2006]. Объективируясь в языке, концепт отражает сущность заключенного в нем нового знания.

Являясь единицей научного сознания, мыслительным образованием, научный концепт актуализируется в научном дискурсе – «совокупности всех наличных (и потенциально возможных) текстов, вербализующих научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки» [Чернявская 2006: 25]. В основе такого понимания научного дискурса лежат, во-первых, понимание дискурса как когнитивного процесса, связанного с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения [Кубрякова 1998; Архипов 2001; Баранов 2005], во-вторых, соотношение текста как продукта, как результата, как статичной формы и дискурса как процесса, деятельности, что обусловливает определение дискурса как текстовой протяженности, последовательности, совокупности текстов, позволяет трактовать дискурс как корпус текстов и ввести понятие дискурсивной формации как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [Чернявская 2006: 21].

Научный дискурс традиционно привлекал внимание лингвистов: исследования научного дискурса проходят в связи с коммуникативными позициями участников дискурсивной деятельности [Карасик 2000], с особенностями научного текста как фрагмента научного дискурса, вытекающими из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах [Аликаев 1999; Матвеева 1984], с осознанием того,

что содержанием научного текста является вербализованное знание, процессы текстопорождения в научном дискурсе отражают закономерности познавательного процесса [Баженова 2001; Котюрова 1996], в научном дискурсе репрезентируется научная картина мира [Ракитина 2007].

Вербализуясь в научном дискурсе, научный концепт рассматривается как отправной момент при порождении научного текста, с одной стороны, с другой – как конечная цель его восприятия [Красных 2001].

Научный текст – особый вид текста. Он является продуктом дискурсивной деятельности его создателя (исследователя); структурно связан с уровнем развития науки в исследуемой области, с профессиональным знанием ученого, с особенностями жанра.

Научный текст как результат познавательной деятельности ученого содержит относительно завершенное научное знание, структурируется в соответствии с авторской концепцией, являющейся частью концептуальной картины мира, которая выступает моделирующей структурой, включающей базовые концепты, концепции и способной представить целостную научную картину мира как совокупность научных знаний [Ракитина 2007].

Научная картина мира (НКМ), отражающая научное сознание, представляет собой «всю совокупность научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [Корнилов 2003: 9]. НКМ находится в постоянной динамике, она все время стремится ко все большей адекватности отражения объективного мира, так как постоянно расширяются знания о мире. Научная картина мира вербализована в языке науки, ядро которого составляет терминология, т.е. совокупность обозначения научных понятий и категорий, которыми оперирует та или иная наука.

Традиционно считалось, что научные знания, образующие НКМ, универсальны (едины) для всех языковых сообществ, так как они объективны, свободны от «языкового» субъективизма, не зависят от специфики языка того или иного народа, его менталитета, традиций,

нравственных приоритетов, национальной культуры в целом, чем НКМ противопоставлена языковой картине мира национального языка. Однако, как самостоятельный предмет лингвистических исследований, научная картина мира изучена мало, кроме того, есть ряд высказываний, ставящий под сомнение тезис об ее объективности и универсальности: «граница между научной картиной мира и языковой, скорее всего, менее отчетлива, чем это принято считать» [Яковлева 1994: 10]; «интуитивное представление о вещах не всегда расходится с научным, и вообще, «историческая практика человечества неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий» [Апресян 1995: 299]; «НКМ в языковой оболочке любого национального языка так же, как и языковая картина мира, дает пищу для размышления о национальном образе мышления, отражает менталитет нации» [Корнилов 2003: 14]. В целом же следует признать, что вопрос об универсальном и специфичном в НКМ до сих пор остается открытым.

Современные исследования научной картины мира, научного концепта актуализируют проблему и соотношения науки и культуры.

Наука является неотъемлемой частью культуры, поэтому влияние культуры на науку практически неизбежно. Связь науки и культуры отражается в понятии научной традиции, культурной схеме накопления, сохранения и трансляции научного опыта; интегрального основания научного знания, позволяющего объединить научное направление с контекстом.

Проблема универсального и специфичного в НКМ непосредственно связана с особенностями научного концепта.

Научный концепт привлекает внимание лингвистов в основном последние два десятилетия. При этом отметим, что понятие научного концепта до сих пор лингвистами не определено. Часто исследование научного концепта сводится к изучению его термина, имени научного

концепта, который отображает результат именования фрагментов новых знаний, рожденных в процессе познания мира, и наряду с другими единицами занимает важное место в экспликации НКМ.

В исследованиях термина и терминологии рассматривается «этимология термина», которую еще называют «история термина» и «аксиология термина», связанная с внутренней формой понятия, которая меняется «в связи с перегруппировкой понятий в науке, в связи с развитием самой науки, с развитием новых представлений, взглядов» [Капанадзе 1965: 78]. По сути, исследование этимологии термина выводит исследователей на изучение формирования научного концепта.

Обозначая процесс формирования как эволюцию, С.Г. Ракитина различает исходный научный концепт и завершающий - ядро концепции или теории, содержание которого составляет квант, «зародыш» смысла нового знания; эволюцию составляет динамика от исходного к завершающему [Ракитина 2007].

Значением термина является понятие, стоящее за ним [Шелов 2003], которое не совпадает по своему смысловому объему с концептом: концепт шире, чем понятие. Научное понятие является ядром научного концепта, выделяя его логические признаки, выявленные и доказанные в результате познавательной деятельности. С этой точки зрения понятие содержит в себе универсальное научное знание, отражающее единый для всех ученых-носителей различных лингвокультур когнитивный процесс. Понятие вербализуется в дефиниции средствами того или иного национального языка. Обусловливает ли это наличие специфичного в научном концепте – данный вопрос пока не затрагивался исследователями [Болдырев 2002; Прохоров 2006; Ракитина 2007].

Как лингвокогнитивный концепт, научный концепт многомерен, имеет полевую структуру с ядром, представляющим суть научного понятия, приядерную зону, куда входят основные понятия, раскрывающие содержание концепта, и периферию. Структура научного концепта имеет и свои

особенности, обусловленные статусом научного концепта как смыслопорождающего источника научного текста, тем не менее следует отметить, что специальных исследований, посвященных структуре научного концепта, насколько нам известно, не проводилось. Остаются открытыми вопросы: возможно ли выделить в научном концепте, как во всех лингвокогнитивных, специфичные компоненты, детерминированные особенностями этнолингвокультурного сообщества, отражающие ментальные особенности исследователя-автора научного текста, какие факторы могут оказывать влияние на содержание и структуру научного концепта в процессе его вербализации посредством национального языка.

Непроработанность данных вопросов обусловлена тем, что научный концепт как самостоятельный предмет исследования редко рассматривается в современной лингвистике.

Таким образом, **актуальность** данного исследования обусловлена недостаточностью методологического описания научного концепта.

Объектом исследования в данной работе является специализированный научный лингвистический дискурс. **Предмет исследования** составляет научный концепт «коммуникация» как ядро специализированного научного лингвистического дискурса.

Основную гипотезу диссертационного исследования можно определить следующим образом: научный концепт как мыслительная категория отражает универсальное научное знание; в своей языковой репрезентации он обнаруживает черты, присущие определенному языковому сообществу, что обусловливает специфичное в его структуре и содержании.

Цель работы **-** анализ языковой репрезентации научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи** исследования:

1) определить на основе анализа научной литературы содержание и структуру понятий *дискурс*, *научный дискурс*, *концепт*, *научный*

концепт и описать специализированный научный лингвистический дикурс как подтип научного;

2) обосновать научный концепт «коммуникация» в качестве единицы исследования;
3) рассмотреть особенности формирования научного концепта «коммуникация»;
4) выявить основные лексические репрезентанты научного концепта «коммуникация» в научном лингвистическом дискурсе;
5) соотнести общее и специфичное в структуре и содержании научного концепта «коммуникация» и определить факторы, оказывающие влияние на их формирование.

Материалом для исследования являются данные из академических и толковых словарей английского, французского, русского, испанского языков (Большой энциклопедический словарь «Языкознание», Большой академический словарь, Diccionario de Real Academia, Longman Dictionary of English Language and Culture, Dictionnaire Le ROBERT и др.), результаты опроса респондентов, современные научно-теоретические тексты (монографии, научные статьи, диссертации), посвященные проблемам коммуникации, отечественных и зарубежных лингвистов на русском, испанском и английском языках.

В качестве респондентов и информантов привлекались специалисты в области русского языка и испанского языка – носители русской и испанской лингвокультур.

Место проведения исследования: Гранадский университет, Институт Сервантеса (Испания), Удмуртский государственный университет.

Всего было опрошено 40 специалистов в области испанского языка, носителей испанской лингвокультуры, и 40 специалистов в области русского языка, носителей русской лингвокультуры, среди опрошенных – преподаватели, аспиранты, студенты-выпускники; 100 носителей русской лингвокультуры, 100 – испанской.

В качестве информантов выступали лингвисты – преподаватели Гранадского университета и Института Сервантеса.

Теоретической основой нашего исследования служат работы по речевой деятельности (Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Л.В. Щерба), по языковой картине мира (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Й.Л. Вайсгербер, В.И. Постовалова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, Р.Й. Павиленис и др.), по проблемам дискурса (П.Серио, Р. Барт, Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Л.М. Алексеева и др.), по проблемам изучения концепта (А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, В.И. Карасик и др.), по речевому взаимодействию (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.З. Демьянков, Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин, И.П. Сусов, И.Б. Ворожцова и др.).

Цель и задачи предопределили использование следующих **методов исследования**: концептуальный анализ, описательный метод, метод компонентного анализа, сравнительный метод, структурный анализ, лингвопсихологический эксперимент.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые

1) рассматривается научный концепт «коммуникация» как самостоятельный предмет исследования;
2) определяется структура, содержание и средства репрезентации научного концепта «коммуникация» на материале научно-теоретических текстов на русском, испанском, английском языках;
3) выявляются факторы, оказывающие влияние на формирование общего и специфичного в структуре научного концепта.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении понятия *научный концепт*; в развитии теории научного концепта; в разработке определения понятия *специализированный научный лингвистический дискурс* как подтип научного, в котором вербализуется лингвистическая частнонаучная картина мира; в выявлении общего и специфичного в

структуре научного концепта; в установлении связи научной картины мира и языковой картины мира национального языка.

Достоверность научных результатов обеспечивается большим объемом исследуемого материала (выделено 397 единиц, проанализировано 350 научно-теоретических текстов), внутренней непротиворечивостью результатов работы и их соответствием теоретическим положениям современной лингвистики, философии, этнопсихологии, культурологии.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования, связанные с определением научного концепта, его особенностями, могут быть использованы при подготовке курсов и спецкурсов по теории языка (раздел «Проблемы взаимосвязи языка и мышления»), лингвокогнитологии, межкультурной коммуникации; при подготовке зарубежных специалистов по русскому языку как иностранному.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Научный концепт «коммуникация» репрезентируется в научном лингвистическом дискурсе, определяемом как последовательность и/или совокупность научных лингвистических текстов, которые являются результатом вербально опосредованной деятельности профессиональной языковой личности в специальной лингвистической сфере.

2. Научный концепт «коммуникация» является ключевым концептом лингвистической частнонаучной картины мира. В основе научного концепта «коммуникация» лежат знания, полученные в результате речемышления исследователей, в процессе рождения новых концепций ученых–представителей разных научных традиций, что позволяет рассматривать научный концепт как универсальный, т.е. отражающий когнитивный процесс, единый для многих ученых-носителей разных лингвокультур.

3. Научный концепт «коммуникация» имеет сложную структуру. Ядро научного концепта «коммуникация» составляет понятие *коммуникация,* отражающее коммуникацию как деятельность и процесс коммуникации как действия. Исследование языковой репрезентации показало, что в структуре

научного концепта «коммуникация» выделяется общее, отражающее универсальное знание о человеческой коммуникации, и специфичное, свойственное только определенному лингвокультурному научному сообществу.

4. Специфичное в содержании и структуре научного концепта характеризует человека говорящего, его культуру, ценности, идеи и обусловлено тем, что 1) на процесс терминообозначения и смысловой объем некоторых компонентов-репрезентантов оказывает влияние языковая картина мира; 2) ключевые концепты национальной языковой картины мира определяют этнокультурные особенности коммуникативного взаимодействия, которые, в свою очередь, эксплицируются в структуре научного концепта «коммуникация»; 4) на содержание научного концепта «коммуникация» может оказывать влияние и научная традиция.

Цель и задачи определили **структуру** диссертационного исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающей 222 наименования на русском, испанском и английском языках, приложений. Общий объем диссертационного исследования составляет 195 страниц печатного текста.

ГЛАВА I. НАУЧНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ЯДРО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО НАУЧНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

§ 1. Основные категории современной лингвокогнитологии: дискурс и текст

1.1. Проблема определения дискурса в современном языкознании

1.1.1. Термин «дискурс» стал употребляться в науке о языке в 70-е гг. XX в. в первоначальном значении «функциональный стиль», тексты в их текстовой данности и в их особенностях. Но до сих пор дискурс – понятие многозначное и четко не определенное. Т.М. Николаева, указывая на омонимичность значений данного понятия, отмечает, что дискурс понимается и как связный текст, и устно-разговорная форма текста, и диалог, и группа высказываний, связанных между собой по смыслу, и речевое произведение как данность – письменная или устная [Николаева 1978: 467 - 472].

П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь»; 2) единица, по размерам превосходящая фразу; 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации; 4) беседа как основной тип высказывания; 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции; 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация; 7) социально или идеологически ограниченный тип высказывания; 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста [Серио 1999: 26-27].

В Лингвистическом энциклопедическом словаре дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как

целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [ЛЭС 1990: 137].

В современной лингвистике выделяется несколько подходов к пониманию дискурса, что, в свою очередь, определяет и подходы к его анализу – «междисциплинарной области знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы семиотического направления, стилисты и философы» [БЭС 1998: 136].

М.Л. Макаров называет основные координаты, которые определяют дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретация. *Формальная интерпретация* основана на понимании дискурса как образования выше уровня предложения, сверхфразового единства, сложного синтаксического целого. *Функциональная интерпретация* – это понимание дискурса как использования языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Дискурс трактуется как целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. Дискурс как процесс противопоставляется тексту как продукту речи, или текст как виртуальная абстрактная сущность – дискурсу как актуализации этой сущности. *Ситуативная интерпретация* дискурса предполагает учет социально, психологически, культурно значимых условий и обстоятельств общения, т.е. поле прагмалингвистического исследования [Макаров 1998: 68-75].

В.И. Карасик предлагает иные позиции, с помощью которых может быть описан дискурс. С позиций *прагмалингвистики* данное понятие трактуется как интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. *Психолингвистика* интересуется дискурсом как

развертыванием переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации. *Лингвостилистический анализ* дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения. *Структурно-лингвистическое* описание дискурса предполагает его сегментацию, освещение собственно текстовых особенностей. *Лингвокультурное* изучение дискурса устанавливает специфику общения в рамках определенного этноса. *Социолингвистический подход* к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. *Дискурс как когнитивно-семантическое явление* изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т.е. различных моделей языковых репрезентаций. При этом исследователь полагает, что данные подходы не являются взаимоисключающими [Карасик 2000: 5 - 20].

В.З. Демьянков, вслед за ним Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова предлагают три инварианта определения дискурса, отражающих этапы становления данного понятия и эволюцию лингвистической науки.

С точки зрения *формального понимания* дискурс соотносится с речью, беседой, научным спором, рассуждением, аргументацией и т.д. В качестве формальных характеристик дискурса называются связный текст устно-разговорной формы, диалог, группа высказываний, связанных между собою по смыслу, речевое произведение как данность – письменное или устное. *Семантическое понимание* дискурса основано на философии позитивизма и определяет дискурс как «область использования языка, единство которой обусловлено наличием общих для многих людей установок, т.е. типов мышления и общественного обсуждения проблемы» [Аберкромби 2000: 77]. *Прагматическое направление* в определении дискурса отличается особым акцентом на речевую ситуацию и участников речи. В основе данного понимания дискурса лежат исследования Т.А. ван Дейка, который понимает

под дискурсом «существенную составляющую социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели, стили» [Дейк ван 1989: 53]. Прагматическое понимание дискурса опирается на параметры взаимодействия «говорящего - слушающего», естественно-ситуативный характер речи/текста, зависимость речи/текста от социального контекста, порядок организации выражений, значений и действий, социальный акт, предзадающий цельность порождающихся в дискурсе текстов.

К прагматическому тесно примыкает *когнитивное* направление, нацеленное на понимание дискурса как когнитивного процесса, связанного с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения [Кубрякова 1997; Архипов 2001].

В.Е. Чернявская, анализируя определения термина «дискурс», приходит к выводу, что дискурс сводится либо к конкретному коммуникативному событию, фиксируемому в письменных текстах и устной речи, осуществляемому в определенной когнитивно типологически обусловленном коммуникативном пространстве, либо к совокупности тематически соотнесенных текстов [Чернявская 2001].

Анализ подходов к определению дискурса показал, что дискурс выходит за рамки традиционных лингвистических исследований. Выделяемые исследователями подходы позволяют изучить дискурс лишь в одном из аспектов, и современными лингвистами осознается некая фрагментарность исследования дискурса и, как следствие, предпринимаются попытки к его комплексному анализу (Л.М. Алексеева, М.К. Бисималиева, О.Г. Ревзина, В.Е. Чернявская, С.В. Ракитина и др.), следствием чего является выделение *коммуникативно-прагматического подхода к пониманию и анализу дискурса*, предложенного в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания.

Развивающаяся *когнитивно-дискурсивная парадигма научного знания* стремится к адекватному описанию дискурса как явления многостороннего,

отражающего когнитивные процессы, имеющие место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи. Когнитивные и коммуникативные аспекты дискурсивной деятельности тесно связаны между собой, что делает очевидным изучение и собственно лингвистических параметров коммуникации и их ментальных репрезентаций. «Наступил момент подойти с точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода и к понятиям текста, и дискурса, значит, в известном смысле пересмотреть их место в иерархии лингвистических единиц, причем как по той роли, которую они выполняют в процессах когниции, с одной стороны, так и по их назначению в коммуникации, с другой» [Кубрякова 2004: 521].

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы дискурс понимается как диалектический когнитивно-коммуникативный процесс, знаково опосредованный развитием личности и когнитивно опосредованный развитием знака [Алексеева, Мишланова 2002: 20].

Когнитивно-дискурсивный подход уже достаточно плодотворно применялся в лингвистических работах последних лет (Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, В.Е. Чернявская, Л.В. Цурикова, Ю.Е. Прохоров, С.В. Ракитина и др.).

На наш взгляд, когнитивно-дискурсивный подход особенно актуален при исследовании научного дискурса, так как предназначение научного текста – фрагмента научного дискурса – служить средством хранения, переработки и представления знаний.

1.1.2. Изучение дискурса в современной лингвистике актуализирует проблему соотношения понятий *дискурс* и *текст*.

В Лингвистическом энциклопедическом словаре *текст* определяется как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой является связность и цельность» [ЛЭС 1990: 507].

Представляя собой сложный феномен, текст выполняет самые разнообразные функции: это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций и т.д. Все это обусловливает многообразие подходов к описанию и определению текста.

С точки зрения узколингвистического аспекта текст является высшим уровнем в языковой системе наряду с такими языковыми единицами, как фонема, морфема, слово, словосочетание. Как единица речи, текст рассматривается как «язык в действии», как результат использования языковой системы в речи. Также текст является единицей общения, отражающей цели участников коммуникации – адресанта и адресата, обладающей относительной смысловой завершенностью [СЭС РЯ: 2003; Гальперин 2005].

Текст всегда соотносится с коммуникативной ситуацией, включающей пять экстралингвистических факторов, ориентированных на человека, «присваивающего» язык: 1) функционально-коммуникативная сфера, в которой создается или воспринимается текст; 2) индивидуально-социальные характеристики речевого субъекта, порождающего текст; 3) характер отношения субъекта речи к ее адресату; 4) характер отношения автора текста к его теме; 5) взаимодействие с языковым кодом [Текст – дискурс – стиль 2003: 17; Чернявская 2006: 12 - 13].

Все языковые единицы, включенные в текст, становятся, таким образом, включенными в языковую ситуацию.

Текст обладает рядом характеристик, среди которых выделяют когезию, когерентность, информативность, интенциональность, адресованность, интертекстуальность. В своей совокупности они дают ***представление о тексте*** как ***о синтаксически, семантически и прагматически связанной (т.е. когерентной), завершенной последовательности языковых знаков*** [Чернявская 2006: 14].

Соотношение понятий *текст* и *дискурс* является одной из актуальных проблем лингвистики.

Одна из первых попыток дифференциации текста и дискурса была предпринята в западной лингвистике еще в 70–е гг. прошлого века. Дискурс предлагалось трактовать как текст плюс ситуация, соответственно, текст – это дискурс минус ситуация [более подробно: Прохоров 2006: 20].

Указывая на отличия дискурса от текста, Н.Д. Арутюнова отмечает, что термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются. «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [ЛЭС 1990: 137]. Однако, по справедливому замечанию Ю.Е. Прохорова, в современной лингвистике наметилась тенденция к применению методологии анализа дискурса и самого этого термина к языковому материалу разной культурно-исторической соотнесенности, например, к библейским текстам и апокалипсической литературе, к текстам массовой культуры, психоанализу и др. [Прохоров 2006: 21].

В работах М.М. Бахтина, Л.П. Якубинского, Э. Бенвениста и других исследователей дискурс как интерактивный способ речевого взаимодействия противопоставлен тексту, принадлежащему, как правило, одному автору [Бахтин 1979; Бенвенист 1974; Якубинский 1986].

С точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода дискурс является процессуальным, деятельностным явлением, связанным с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, в то время как текст - конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную, законченную и зафиксированную форму [Кубрякова 1998; Архипов 2001; Баранов 2005].

Соотношение текста как продукта, как результата, как статичной формы и дискурса как процесса, деятельности обусловливает понимание современными лингвистами ***дискурса*** как ***текстовой протяженности, последовательности, совокупности текстов.*** Современными лингвистами

вводится понятие и ***дискурсивной формации - интегративной совокупности текстов, связанных семантическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении*** [Чернявская 2006: 21].

Анализ подходов к определению дискурса, соотношения понятий «дискурс», «текст» позволяет нам выдвинуть следующие рабочие определения:

Дискурс – ***совокупность или последовательность текстов как результата речевой деятельности, связанных семантическими отношениями, объединенных коммуникативными и функционально-целевыми отношениями.***

Текст – ***единица коммуникации, результат речевой деятельности, детерминированный коммуникативной ситуацией, представляющий собой синтаксически, семантически и прагматически связанную и завершенную последовательность знаков.***

1.1.3. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет рассмотреть *дискурс* и *как особый способ отражения ментальности*.

Мысль о тесной связи дискурса и ментальности является основной в работах Ю.С. Степанова. По мнению ученого, дискурс – это особое использование языка для выражения особой ментальности, что влечет за собой активизацию некоторых черт языка, особую грамматику, особые правила лексики. Дискурс способен создать «особый «ментальный мир» [Степанов 1995: 39]. Каждый дискурс – это один из возможных миров.

В сложной структуре дискурса особое место занимают компоненты вербальной и ментальной репрезентации. Ментальность понимается как «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [КФЭ 1994: 263].

И Т. ван Дейк, и Е.С. Кубрякова, и В.З. Демьянков и другие отмечают, что особенностью ментальных репрезентаций является взаимодействие

различных типов знаний, активируемых в речевых процессах, включающих в себя языковые знания и знания о мире: о событиях, состояниях, действиях и процессах, адресате. В качестве основного типа репрезентации знаний рассматривается модель ситуации, в основе которой лежит личностное знание носителей языка, включающее предшествующий индивидуальный опыт, установки, намерения, чувства и эмоции [Дейк ван 1989].

По мнению В.В. Красных, в когнитивной совокупности представлений и знаний человека говорящего возможно выделить когнитивную базу национально-лингво-культурного сообщества и два типа когнитивных пространств: индивидуальное и коллективное. Каждый человек существует в индивидуальном когнитивном пространстве, где содержится личный опыт, «социальные» знания, коллективные представления, в ряде коллективных когнитивных пространств (семейных, профессиональных и др.) и обладает когнитивной базой национально-лингво-культурного сообщества, в котором существует [Красных 2001: 164].

1.1.4. Дискурс может существовать как в устной, так и письменной форме, в форме диалога или монолога. Специфика дискурса содержится в его типологии.

В современной лингвистике существуют различные классификации типов дискурса. Например, В.И. Карасик в работе «О типах дискурса» предлагает выделять *персональный* (личностно-ориентированный) и *институциональный*. Если в первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, то во втором – как представитель определенного социального института. На наш взгляд, данная классификация отражает лишь один аспект дискурсивной деятельности – участников общения как представителей той или иной социальной группы и обстоятельств общения в широком социокультурном контексте и является следствием социолингвистического подхода к исследованию дискурса [Карасик 2000].

Наиболее интресной на кажется классификация В.Е. Чернявской, в основе которой лежит идея дискурсивной формации. По ее мнению, дискурсообразующими характеристиками, т.е. критериями отбора текстов, выступают сферы человеческой коммуникации и практики, области знания, типологии текста и др. (ср.: научный дискурс, медицинский дискурс, дискурс функциональной стилистики, дискурс фашизма, дискурс средств массовой коммуникации) [Чернявская 2006].

Особенностью классификации дискурса, предложенной Л.М. Алексеевой и С.Л. Мишлановой, является языковая личность и ее деятельности в определенной сфере. Принимая во внимания такие критерии, как характер ситуации дискурса, т.е. деятельности в определенной специальной/профессиональной сфере, специальное образование участников дискурса, освоение значения термина, исследователи выделяют следующие типы дискурса:

- *Наивный* дискурс как дискурс, для которого не являются релевантными ни ситуация общения, ни специальное знание, ни освоение термина;
- *Практический* дискурс как дискурс носителей языка, не имеющих специального образования в определенной области знания, однако часто вовлекаемых в ситуации обсуждения проблем, связанных с данной областью знаний;
- *Профессиональный* дискурс, для которого важны и ситуация общения, и освоение термина, и специальное знание;
- *Научный* дискурс, актуализирующий преимущественно знание специальное [Алексеева, Мишланова 2002: 104 - 105].

Отметим, что, независимо от классификаций дискурса, учеными всегда выделяется *научный дискурс* как институциональный (В.И. Карасик, Е.В. Михайлова, Т.А. Филоненко), как интегративная совокупность научных

текстов (В.Е. Чернявская), как особый дискурс, актуализирующий специальное знание (Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова).

1.2. Специфика научного дискурса

Научный дискурс традиционно привлекает внимание лингвистов [Аликаев 1999; Матвеева 1984; Котюрова 1988, 1996; Баженова 2001; Очерки 1996]. Разделяя точку зрения В.Е. Чернявской, определим ***научный дискурс*** как «***совокупность всех наличных (и потенциально возможных) текстов, вербализующих научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки»*** [Чернявская 2006: 25].

Можно выделить несколько направлений в исследовании научного дискурса.

Первое направление характеризует ряд работ, где *научный дискурс анализируется с коммуникативных позиций, выделяются его конститутивные признаки.* Научный дискурс имеет институциональный статус, но оппозиция институциональность/персональность здесь выражена не так явно, как в других типах дискурса. По мнению В.И. Карасика, характерной особенностью научного дискурса является *относительное равенство всех участников – исследователей, представителей научной общественности* – в том смысле, что никто не обладает монополией на истину, а бесконечность познания заставляет каждого ученого критически относиться как к чужим, так и своим изысканиям. [Карасик 2000: 5 - 20]. К другим конститутивным признакам исследователи относят *особую цель (решение научной проблемы)*, т.к. научный дискурс направлен на познание объективной природы окружающего мира, и *диалогическую форму существования*, т.к. научный текст принципиально диалогичен – как имплицитно, в связи с прямыми и косвенными ссылками на научный контекст, так и эксплицитно, благодаря явному обращению к адресату и вовлечению его в рассуждение [Михайлова 1999; Филоненко 2005].

Особая роль при анализе научного дискурса отводится *участникам дискурсивной деятельности*, обозначенным в работах как *адресант, адресат*, *исследователь, автор научного текста, профессиональная языковая личность*.

Адресант осмысляет научное знание, переводит язык смыслов на язык текстовых и языковых значений в их направленности на адресата. Адресат осваивает в дискурсе пространство научного текста как носителя нового знания. Общей характеристикой участников научного общения является нейтрализация всех статусных признаков (в научном сообществе принято уважительное обращение *коллега*), с одной стороны, с другой – установление различных барьеров для посторонних (степень научной квалификации, академические звания и др.). Вследствие того, что задачей ученого является не только добыть, оценить и сообщить знания, но и подготовить новых ученых, участники научного общения выступают в нескольких ипостасях, обнаруживая различные статусно-ролевые характеристики: ученый-исследователь, ученый-педагог, ученый-эксперт, ученый-популяризатор [Карасик 2000].

Поскольку *цель научного общения – внести вклад в научную картину мира*, очевидно, что *адресат выступает как носитель данной картины*, поэтому *адресат* – не просто читатель, слушатель, наблюдатель, но и *партнер* и *со-мыслитель* [Михайлова 1999].

Наиболее интересными представляются исследования, где адресант характеризуется с точки зрения категории авторства, сущностью которой является намерение автора, побуждающее его продуцировать научный текст. В порождаемом автором тексте отражаются знания автора о мире, оценочные установки, особенности культуры, личностные особенности, интеллектуальные характеристики и др. Таким образом, можно сказать, что в *дискурсе проявляет себя языковая личность*. Порожденный ею дискурс обусловлен особенностями языковой личности как индивида, с одной стороны, с другой – принадлежностью личности к некоему социуму, что, в

свою очередь, детерминировано временем, уровнем общей культуры, особенностями национальной культуры, принадлежностью к определенной профессиональной деятельности и т.д. [Алексеева, Мишланова 2002].

Исследуя научный дискурс, С.В. Ракитина выделяет особый тип языковой личности – *языковая личность автора научного дискурса*, обладающая определенной системой знаний, представлений, мнений об окружающем мире, интерпретирующая в произведенном тексте научную картину мира, при этом представляющая свое понимание ее признаков и характеристик, вытекающее из природы жизнедеятельности, воззрений, мировидения, что раскрывается в ценностном, познавательном и поведенческом ракурсах. Научный дискурс может характеризоваться определенным идиостилем автора-ученого [Ракитина 2007].

С целью изучения особенностей дискурса, обусловленных профессиональной принадлежностью языковой личности, лингвистами вводится понятие *профессиональной языковой личности*, сущностными характеристиками которой являются:

1) деятельность в специальной (профессиональной) сфере; эта деятельность формируется по мере освоения научной картины мира как последовательное «прохождение» разного уровня сложности этой деятельности;

2) социальная полифункциональность, понимаемая как способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира; как правило, большинство этих ролей требует обыденного уровня сознания, однако в репертуаре социальных ролей обязательно присутствует профессиональная, осуществляемая благодаря формированию научной картины мира в сознании носителя языка;

3) формирование научной картины мира в процессе образования; процесс формирования научной картины мира представляет собой континуум последовательных переходов от наивной к научной картине мира,

обусловливающий многомерность сознания носителя языка [Алексеева, Мишланова 2002].

Второе направление в исследовании научного дискурса связано с *особенностями научного текста как фрагмента научного дискурса*, вытекающими из специфики языковых единиц, используемых в соответствующих текстах [Аликаев 1999; Матвеева 1984].

Научный текст – особый вид текста. Он является продуктом дискурсивной деятельности его создателя (исследователя); структурно связан с уровнем развития науки, с профессиональным знанием ученого, с особенностями жанра. В.Е. Чернявская в работе «Интерпретация научного текста» рассматривает научный текст как выражение и отражение научного стиля – особого способа когнитивных и коммуникативно-речевых действий субъекта, решающего в процессе формулирования текста задачу сообщения нового знания о действительности и доказательства истинности этого знания. Научный стиль реализует теоретическое мышление в понятийно-логической форме. Его характеризуют объективность, некатегоричность, обобщенность, подчеркнутая логичность, доказательность, точность, ясность, а также сфокусированная направленность на адресата, т.е. диалогичность изложения. Данные доминанты научного стиля отражают типичные, регулярно повторяющиеся, стандартизированные характеристики, общие для каждого научного текста [Чернявская 2006].

Исследование Р.С. Аликаева «Язык науки в парадигме современной лингвистики» посвящено подстилям научного стиля и их прагматическим характеристикам. Автор выделяет собственно *научный (академический) подстиль, научно-учебный, научно-технический, научно-публицистический, научно-информационный, научно-разговорный подстили*. К их прагматическим характеристикам он относит 1) типизированный отстраненный субъект и объект речи, 2) типизированные условия общения, которые предполагают свободный обмен мнениями, 3) равные

пресуппозиции участников, 4) сформированную традицию общения и 5) наличие значительного пласта общих текстов [Аликаев 1999: 81, 116]. В классификации других исследователей, например, Е.С. Троянской, выделяется еще и *научно-критический подстиль* [Троянская 1986: 17].

В рамках функционально-стилистического подхода к анализу научного дискурса рассматривается вопрос и *жанров научной речи*. По мнению В.А. Салимовского, жанры можно рассматривать как «устойчивые формы (модели) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, в художественной, научной, правовой и других сферах) на ступени ее объективизации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения» [Салимовский 2002: 13]. Традиционно к жанрам научной речи относятся *монография, диссертация, статья, доклад, тезисы, автореферат* и т.д.

По мнению В.Е. Чернявской, термин «жанр» традиционно связан с описанием художественно-эстетических произведений, поэтому более целесообразно ввести понятие «*тип текста*», понимая под ним модель, образец, схему построения и восприятия аналогичных текстов. Типы текстов научного дискурса различаются по принципу первичности/вторичности, т.е. зависимости от содержания сообщаемого научного знания. В современной лингвистике выделяются тексты *академические (научно-теоретические), научно-информационные, научно-критические, научно-популярные, научно-учебные.*

Выделяя *третье направление* в исследовании научного дискурса, мы исходим из того, что *содержанием научного текста является вербализованное знание, а процессы текстопорождения в научном дискурсе отражают закономерности познавательного процесса*. М.П. Котюрова в работе «Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект)» доказывает идею детерминированности смысловой структуры научного текста сложным

комплексом субъектно-объектных отношений научно-познавательной деятельности и ее продукта – научного знания. Введенное ею понятие эпистемической ситуации определяется как результат осознания автором научного текста трех основных аспектов познавательной деятельности: онтологического, связанного с предметным содержанием научного знания, методологического, связанного с процедурой получения знаний, аксиологического, связанного с ценностной ориентацией субъекта науки [Котюрова 1996]. Е.А. Баженова рассматривает эпистемическую ситуацию в качестве метамодели процесса познания, представляющей собой универсальное экстралингвистическое основание текстотворчества в науке [Баженова 2001].

Онтологический аспект познавательной деятельности связан с двумя важнейшими структурными компонентами научного знания: новым и старым знанием, существующими как соотношение «своего», авторского, впервые представленного в тексте, ранее не известного научному сообществу, и «чужого», т.е. созданного другими авторами или относящегося к общекультурному фонду [Данилевская 2003; Философия науки 1995]. Новая научная информация представляет собой чередование компонентов старого и нового знания. Данный принцип выступает не только как один из текстообразующих механизмов в научном стиле, но и является смыслообразующим механизмом познавательной деятельности, а также особенностью самой организации научного мышления.

Научный текст как результат познавательной деятельности ученого, содержащий относительно завершенное научное знание, структурируется в соответствии с авторской концепцией, которая являются частью концептуальной картины мира, выступающей моделирующей структурой, включающей базовые концепты, концепции и способной представить целостную научную картину мира как совокупность научных знаний. *Репрезентация в научном дискурсе научной картины мира (научного знания) также является одним из направлений исследования дискурса*. Наиболее

интересной с этой точки зрения представляется нам работа С.В. Ракитиной «Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста», где рассматривается, как дискурсивные процессы зарождения концепций, реализующихся в текстах как научные теории, пополняющие научную картину мира конкретным смысловым содержанием, так и закономерности появления концептов на основе новых знаний. По мнению автора, научный дискурс обладает мощным потенциалом в углублении смысловой перспективы ранее созданной картины мира за счет приращения новых смыслов. Это становится возможным благодаря системным взаимоотношениям концептов, способным при осмыслении нового знания выстраивать в многоярусной концептосфере ученого новые схемы, новые научные концепции [Ракитина 2007].

1.3. Специализированный научный лингвистический дискурс как подтип научного дискурса

Анализ подходов к определению дискурса, к его классификации, анализ исследований научного дискурса позволили выделить ***специализированный научный лингвистический дискурс***.

Специализированный научный лингвистический дискурс определяется нами как **последовательность и/или совокупность научных лингвистических текстов, являющихся результатом вербально опосредованной деятельности профессиональной языковой личности в специальной лингвистической сфере.**

Последовательность текстов предполагает их логически обоснованный порядок, закономерное вытекание одного из другого (например, исследования одного ученого продолжают исследования другого или основаны на них); *совокупность* определяется как общее количество текстов, объединенных одной тематикой; исследования, представленные в тексте, могут не находиться в логической зависимости друг от друга

(например, исследования разных ученых, объединенных темой «языковая личность»).

Лингвистический дискурс может быть практическим, так как в языковое образование включены практически все носители той или иной лингвокультуры; профессиональным, когда один из участников общения является, например, учителем/преподавателем языка. В этом случае стратегии, материал (тематика) общения, выбор прецедентных текстов, жанров определяет цель дискурсивной деятельности – обучение языку. Мы рассматриваем лингвистический дискурс как подтип научного, где вербализуется специальное лингвистическое знание, что и обусловливает определение лингвистического дискурса как *специализированного*, т.е. предназначенного для специального использования – исследования фактов языка.

Профессиональная языковая личность характеризуется, с одной стороны, как языковая личность, носитель определенной лингвокультуры, с другой – как личность в многообразии форм ее профессиональной деятельности, из которых нас более интересует научно-исследовательская деятельность, находящая свое выражение в научно-теоретических текстах.

§2. Научный концепт как единица научной картины мира

2.1. Научная картина мира: проблема универсальности и объективности научных знаний о мире

Совокупность знаний о мире образует картину мира. Феномен **картины мира** является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира совпадает по времени с процессом антропогенеза, тем не менее предметом научно-философского осмысления картина мира становится лишь в недавнее время и по сей день находится на стадии своего формирования.

Понятие картины мира впервые прорабатывается классиками неогумбольдтианства, что было связано с мыслью о существовании особого языкового мировидения, сформированной как научно-философская проблема В. Гумбольдтом еще в начале XIX века [Гумбольдт 1984, 1985]. Осмысление понятия *картина мира* мы встречаем и в работах Й.Л. Вайсгербера, и Х. Штайнталя, и Г. Габеленца [Вайсгербер 2004; Радченко 2005]. По мнению К. Ясперса, картина мира представляет собой «совокупность предметных содержаний, которыми располагает человек». Человек воспринимает картину мира как нечто само собой разумеющееся, непроизвольно он принимает часть мира, которой обладает как картиной мира, за весь мир в целом. Люди вполне способны пробраться за пределы картины мира при помощи знания, но затем это знание наполняет их неизбежно предрассудками: «то, что расположено за пределами этого, мы не видим, поскольку мы даже не подозреваем об этом» [КФЭ 1994: 558].

Картина мира отображается в сознании человека, запечатлевая в себе «определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отображением мира» [Серебренников 1983: 60]. Картина мира есть определенное видение и конструирование мира в соответствии с логикой миропонимания. Человек, по мере приобретения опыта и знания, трансформирует их в концепты, которые, логически связываясь между собой, образуют концептуальную систему. Фиксируясь в языке, картина мира образует *языковую картину мира, или языковую репрезентацию мира*. Ю.Н. Караулов определяет языковую картину мира как «взятое во всей совокупности все концептуальное содержание данного языка» [Караулов 1976: 246]. В современной лингвистике говорят о множестве языковых картин мира, что обусловлено разными видами человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Исследователями выделяется научная языковая картина мира, языковая картина мира национального языка,

языковая картина мира отдельного человека и др. [Урысон 2003; Шмелев 2002; Апресян 1995].

В основе научной картины мира лежит научное познание и научное знание как его результат.

В современной науке научная картина мира имеет достаточно сложную трактовку: 1) как раздел философского знания, 2) как специфическая составная часть, компонент научного мировоззрения, 3) как форма систематизации научного знания и, наконец, 4) НКМ как исследовательская программа [Кравец 1983: 5].

Вслед за О.А. Корниловым мы понимаем **под научной картиной мира (НКМ) «всю совокупность научных знаний о мире, выработанных всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества»** [Корнилов 2003: 9]. НКМ вербализована в языке науки, *ядро* которого составляет *терминология*, т.е. совокупность обозначения научных понятий и категорий, которыми оперирует та или иная наука. Различают *общенаучную картину мира* (ОНКМ), выражающую мировоззренческие позиции субъекта, и *частнонаучную картину мира* (ЧНКМ), напрямую связанную с научным знанием в той или иной области: ОНКМ и ЧНКМ – «это различные, хотя и родственные кое в чем, структуры, выполняющие различные нормативные миссии. Первая структура – это компонент мировоззрения… Структура второго типа – это системы главных принципов и фундаментальных понятий каждой отрасли знаний или их разделов» [Дышлевой 1983: 38 - 39].

Различение общенаучной и частнонаучной картин мира позволяет нам выделить **лингвистическую частнонаучную картину мира,** определяемую нами как **совокупность научных лингвистических знаний, вербализованную в подъязыке науки, ядром которой является лингвистическая терминология**.

НКМ находится в постоянной динамике, она стремится ко все большей адекватности отражения объективного мира, так как постоянно расширяются знания о мире, но НКМ всегда меньше объективного мира, так как, во-

первых, пределов познания не существует, нет ничего непознаваемого, а во-вторых, мир никогда не может быть познан до конца, познание бесконечно.

Особое место в исследовании НКМ занимает тезис об ее универсальности и объективности.

Вопрос об универсальности научного знания и, следовательно, научной картины мира начал решаться еще классиками неогумбольдтианства и до сих пор остается открытым. Э. Кассирер полагал, что на определенной стадии развития мышления научное познание обособляется от языкового и приобретает черты автономного культурного феномена, равноположенного языку. Й.Л. Вайсгербер же возражал против такой трактовки научного познания, против взгляда на научное понятие как нечто объективное. По его мнению, научное познание вовсе не обходится без эмоционального участия, телеологичность присуща как языковым понятиям, так и научным, они просто «отличаются степенью осознанности». Средства подъязыка науки черпаются из мыслительных средств данного языка, что и вовсе превращает идею «освобождения от оков языка науки» в фантасмагорию [Радченко 2005].

XX в. выносит тезис об универсальности и объективности научной картины мира как основной, при этом научная картина мира понималась как картина мира физическая, формирование которой проходит в два этапа: первый этап – чувственное, субъективное, многообразное восприятие мира; второй этап – замена «пестрого субъективного многообразия» объективным законом, порядком, универсальным знанием о мире [Планк 1958: 106]. И по В.И. Вернадского, и А. Эйнштейна, научная картина мира формируется посредством соединения в процессе развития науки отдельных частных явлений в целое, которое дает единую картину Вселенной и образует универсальное научное знание [Эйнштейн 1967; Вернадский 1978].

Такое понимание научной картины мира связано с пониманием науки.

Как известно, наука – это «сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая схематизация объективных

знаний о действительности» [КФЭ 1994: 287]. Наука стремится к универсализму, всестороннему и всеохватывающему знанию, и претендует на объективность знаний о мире. Претендует, потому что наукой занимается человек, который может быть лишь приближен или удален относительно объективного познания мира. Объективность противопоставляется субъективности, и соотносятся как *рациональность* и *иррациональность*, что лежит в основе деления науки на собственно *науку* (*естественную*) и *науку о духе*, которая занимается транссубъективными и коллективными духовно-историческими образованиями, важными для отдельного человека; духовными нормами отдельного человека и его духовно-культурной жизни и деятельности. Долгое время научная картина мира понималась как совокупность научных знаний, полученных в результате научно-естественных исследований, - естественная, или физическая, картина мира, представление о мире и его процессах, выработанное на основе эмпирического исследования и теоретического осмысления [Там же: 479]. Физическая картина мира следует за ходом развития науки, отсюда тезис о динамике научной картины мира, ее прогрессивности, связи с окружающим миром как объектом познания. Эмпиричностью исследования обусловлены и объективность, и универсальность как обязательные характеристики научного знания.

Антропологическая парадигма научного знания активизирует исследования человека в науке. Антропоцентризм в научном исследовании заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Человек становится точкой отсчета в анализе, вовлечен в этот анализ, определяет его перспективу и конечные цели, и, как результат, стирается грань между науками о духе и естественными науками: «гуманитарные науки активно участвуют в создании новой – ноосферной – парадигмы научного мировоззрения, в биологию, физику и космологию возвращается

телеологизм, от которого они, казалось бы, окончательно отошли к XVIII в.; обнаруживаются области не только соприкосновения, но и наложения наук, не представимые ранее…» [Руденко, Прокопенко 1995: 118]. Субъективность становится такой же характерной чертой научного знания, как и объективность; субъективность в науке предполагает и наличие специфичного в противовес универсальному.

В науке о языке традиционно считается, что научные знания, образующие НКМ, универсальны (едины) для всех языковых сообществ, т.к. они объективны, свободны от «языкового» субъективизма, не зависят от специфики языка того или иного народа, его менталитета, традиций, нравственных приоритетов, национальной культуры в целом. Однако следует отметить, что лингвистов в основном интересует языковая (наивная) картина мира, которая противопоставляется научной: языковая картина мира национально (культурно) обусловлена, научная картина мира универсальна и объективна. Как самостоятельный предмет лингвистических исследований научная картина мира изучена мало, но те немногие исследования, которые существуют на сегодняшний день, позволяют говорить о том, что граница между НКМ и языковой, скорее всего, менее отчетлива, чем это принято считать [Яковлева 1994: 10]. По мнению Ю.Д. Апресяна, интуитивное представление о вещах не всегда расходится с научным, «историческая практика человечества неизбежно приводит ко все более широкому вторжению научных знаний в сферу бытовых представлений, отпечатываемых в фактах языка, или к расширению сферы этих бытовых представлений за счет научных понятий» [Апресян 1995: 299]. В исследовании О.А. Корнилова «Языковые картины мира как производные национальных менталитетов» не просто устанавливается связь НКМ и картины мира национального языка, но автор считает, что «НКМ в языковой оболочке любого национального языка так же, как и языковая картина мира, дает пищу для размышления о национальном образе мышления, отражает менталитет нации» [Корнилов 2003: 14]. В целом же следует признать, что

вопрос об универсальном и специфичном в научной картине мира пока остается открытым.

Современные исследования языковой картины мира, концепта актуализируют проблему соотношения науки и культуры.

В философии культура трактуется как «совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов» [КФЭ 1994: 229]. Культура распадается на различные области и сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, общественно-политическое устройство, экономика. Неотъемлемой частью культуры является и наука, отсюда мы знаем еще одно определение: наука как отрасль культуры. Подобное понимание «культуры» и «науки» позволяет нам сделать вывод о неизбежном воздействии культуры на науку.

Культура основана на традиции, «передаче духовных ценностей от поколения к поколению» [Там же: 459].

Традиция в науке является актуальным предметом исследования (Т. Кун, Ю.С. Степанов, Д.И. Руденко и др.) и определяется как «культурная схема накопления, сохранения и трансляции научного опыта; интегральное основание научного знания, позволяющее объединить научное направление с контекстом» [НФЭ]. Научная традиция проявляет себя в исследованиях, которые опираются на одно или несколько прошлых достижений, признающихся определенным научным сообществом как основа для развития науки.

Таким образом, научное знание может формироваться под воздействием культуры, в рамках определенной научной традиции, что обусловливает в его структуре наличие как универсального, так и специфичного, свойственного только определенному предмету, обособленного, отличительного.

2.2. Особенности лингвокогнитивного концепта

В конце XX в. отечественную филологию характеризует новое направление – концептуально-культурологическое. Речь идет о широком взгляде на слово, которое изучается «на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания – лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствознания и культурологии» [Нерознак 1997: 8]. Концептуально-культурологическое направление начинается с работы С.А. Аскольдова «Концепт и слово» (1928 г.) и продолжается в исследованиях Ю.С. Степанова, Д.С. Лихачева, Н.Д. Арутюновой и др. [Аскольдов 1997; Арутюнова 1999; Лихачев 1997; Степанов 2001].

Слово «концепт» заимствовано русским языком из лат. «conceptus», пассивного причастия, интерпретируемого как «зачатый» [Демьянков 2001: 35]. В.З. Демьянков в работе «*Понятие* и *концепт* в художественной литературе и научном языке», рассматривая историю употребления лексемы *концепт*, отмечает, что современное значение концепта как понятия было чуждо классической латыни, и только в раннем Средневековье в работах последователей и критиков концептуализма как философского течения conceptus встречается в значении «понятие как источник («зародыш») знания о предмете» [Там же: 36].

В современных европейских языках «концепт» и «понятие» - лексемы, близкие по значению. Так, в английском – «идея, лежащая в основе целого класса вещей; общепринятое мнение, точка зрения» [OD 1974: 176]; во французском языке концепт понимается как абстрактная, обобщенная ментальная репрезентация объекта [DR 1989: 207]. Испанский язык понимает под концептом «мысль, понятие, мнение» [DL 1995: 144]. В русском узусе *концепт* в обыденной речи не употребляется. Данной лексемы нет в словарях современного русского языка, *концепт* принадлежит в основном подъязыку науки.

Концепт как термин в научной литературе стал употребляться в 80-е гг. XX в. Причем, по наблюдению В.З. Демьянкова, «пика употребительности в русском языке концепт достигает, когда этот термин начинает употребляться в значении ином, чем просто «понятие», особенно в гуманитарных науках» [Демьянков 2001: 45].

В работе С.А. Аскольдова «Концепт и слово», где рассматривается вопрос о природе концептов, или общих понятий, или универсалий, концепт определяется как мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода [Аскольдов 1997: 267]. Функция заместительства является основной функцией концепта, при этом концепт есть заместитель не только реальных предметов, но и сторон предмета, реальных действий, чисто мыслительных операций.

Продолжая рассуждения С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачев предложил считать концепт «алгебраическим выражением значения, которым носители языка оперируют в устной и письменной речи» [Лихачев 1997: 281].

Если для А.С. Аскольдова и для Д.С. Лихачева процесс образования концептов представляется как процесс редукции воспринимаемой многообразной действительности до лимитов, налагаемых ограниченностью ресурсов человеческой памяти и сознания, то иной подход к определению концепта предлагается Н.Д. Арутюновой. Концепт трактуется ею как понятие обыденной философии, являющейся результатом взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения, система ценностей. Концепт образует «культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [Арутюнова 1993: 3]. В рамках данного подхода устанавливается связь формирующегося в сознании индивида или коллектива концепта с уже усвоенными глобальными общественными ценностями данного социума.

Связь концепта и культуры очевидна и для Ю.С.Степанова, который определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде

чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей, - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 43]. Концепты существуют в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека.

Несмотря на множество попыток ученых определить, что такое концепт, в современной науке данное понятие не имеет единого определения. Выделяется несколько подходов к пониманию концепта: *лингвокультурологический* (концепт как основная ячейка культуры в ментальном мире человека); *лингвистический* (концепт как содержание языкового знака); *психолингвистический* (концепт как функционирующее в речемыслительной деятельности человека базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера).

Для нас больший интерес представляет **лингвокогнитивный подход**, рассматривающий концепт как единицу ментальных ресурсов сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека [Маслова 2005: 35].

В основе концепта в когнитивном понимании лежит знание о мире, знание как результат познавательной деятельности, ключевыми понятиями которой являются понятия *концептуализации* и *категоризации*. И концептуализация, и категоризация представляют собой классификационную деятельность, но различаются по своему результату и/или цели. Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания, это осмысление поступающей информации, мысленное конструирование предметов и явлений, которое приводит к образованию определенных представление о мире в виде концептов, т.е. фиксированных в сознании человека смыслов. Процесс категоризации нацелен на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, категории, предполагает деление мира на категории, т.е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных

объектов или событий, включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов [Болдырев 2002: 22; Кубрякова 1996: 93].

Представляя собой идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления, концепты отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. При анализе, сравнении, соединении разных концептов в процессе мыслительной деятельности возможно формирование новых концептов. Такое понимание концепта содержится в определении, данном в Кратком словаре когнитивных терминов: **концепты** – это «идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессе мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц – «квантов знания» [Кубрякова 1996: 90]. Связывая концепт и познавательную деятельность, С.Г. Воркачев рассматривает концепт как способ и результат квантификации и категоризации знания, в качестве объекта концепта «выступают ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым концепт не только описывает объект, но и создает его» [Воркачев 2003: 6].

В лингвокогнитологии четко разделяются *понятие* и *концепт*: понятие отражает наиболее общие, существенные (логически конструируемые) признаки предмета или явления, возникает на основе выделения и осмысления существенных характеристик в результате постепенного отвлечения от их второстепенных, индивидуальных признаков, т.е. в результате теоретического познания. Концепт же является результатом когниции, т.е. обыденного познания. Понятие – это рациональный, логически осмысленный концепт [Болдырев 2002; Прохоров 2006].

Концепты вербализуются в языке. В качестве средств репрезентации концепта могут выступать лексемы, фразеосочетания, словосочетания, предложения, тексты и совокупности текстов. Вполне допустимым для лингвокогнитологов является и существование концепта невербализованного, лингвистически значимыми оказываются даже лакуны [Попова, Стернин 1999: 26 - 28].

В исследованиях, посвященных концепту, особо подчеркивается его принадлежность этнокультурному миру человека. Его смысловое наполнение интерпретируется в контексте форм мысли носителей языка и культуры, что помогает воссоздать этнокультурный образ, особенности менталитета носителей языка. «Концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [Фесенко 2000: 144].

В лингвокогнитивной лингвистике различают концепты *универсальные*, т.е. отражающие единый для всех людей когнитивный процесс, *ключевые*, являющиеся основными в языковой картине мира.

Таким образом, основным моментом в определении концепта лингвокогнитологами является его связь со знанием как результатом познавательной деятельности человека, выраженном в языковых единицах. Лингвокогнитивный концепт этнокультурно обусловлен, отражает ментальность того или иного лингвокультурного сообщества.

Анализ работ, отражающих лингвокогнитивный подход к определению концепта, позволил нам определить **концепт как способ и результат категоризации и квантификации знаний, полученных в результате познавательной деятельности человека и выраженных как вербально, так и невербально.**

2.3. Структура концепта

Проблема определения структуры концепта поднимается в трудах многих исследователей [Карасик 1996; Маслова 2005; Никитина 1991; Степанов 2001; Фрумкина 1992; Чернейко 1997], и все они исходят из того, что концепт – это «многомерное идеализированное формообразование» [Ляпин 1997: 16].

С одной стороны, концепт обладает сложной структурой, так как к концепту относится все, что принадлежит строению понятия, с другой - это исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержательная история, современные ассоциации, оценки, коннотации. Усвоить некоторый концепт – значит построить структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов рассматриваемого концепта [Павиленис 1981: 101 - 102].

Концепт представляется исследователям и как «слоистое» строение, где разные слои являются результатом культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, имеет особую структуру, включающую в себя:

- основной (актуальный) признак,
- дополнительный (пассивный, исторический) признак,
- внутреннюю (обычно не осознаваемую) форму [Степанов 2001: 23].

В.И. Карасик предлагает выделенные слои рассматривать как отдельные концепты. Активный слой («основной актуальный признак, известный каждому носителю культуры и значимый для него») входит в общенациональный концепт; пассивные слои принадлежат концептосферам отдельных субкультур; внутренняя форма концепта, не осознаваемая в повседневной жизни, но определяющая внешнюю, знаковую форму выражения, для большинства носителей культуры является не частью

концепта, а одним из детерминирующих его культурных элементов [Карасик 1996: 3].

В описании структуры концепта многие ученые опираются не на хронологический принцип, а на семантические параметры, позволяющие выделить понятийные, образные, ценностные, поведенческие, этимологические, культурные измерения [Ляпин 1997: 18 – 19; Степанов 2001: 41; Карасик 2001: 10]. *Понятийный* элемент формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте, служащей основой для образования концепта. В основе понятия находится целостная совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта; центральными считаются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта. *Образная* составляющая связана со способом познания действительности, исторически предшествующему понятийному. Образное познание всегда имеет своим результатом наглядное, чувственное представление (мысленную картинку, звуковой образ и т.д.).

Ценностная составляющая обусловлена тем, что концепты являются ментальными образованиями с доминирующим аксиологическим началом. Следует различать ценности, культивируемые официально, и ценности, которые функционируют лишь на уровне обыденного сознания.

По мнению С.Г. Воркачева, оптимальным для описания смысловой наполненности концепта является выделение трех составляющих: *понятийной*, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, *образной,* фиксирующей когнитивные метафоры, и *значимостной*, определяемой местом, которое занимает имя концепта в системе конкретного языка, куда входят его и этимологические, и ассоциативные характеристики [Воркачев 2002].

Какой бы структура концепта ни виделась исследователям, она всегда отличается сложностью и многомерностью, содержит смысловое содержание и оценку, отношение человека к тому или иному объекту. Выделяются следующие компоненты концепта как сложного ментального комплекса:

1. Общечеловеческий, или универсальный.
2. Национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде.
3. Социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою.
4. Групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной или половой группе.
5. Индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей [Болдырев 2002: 30; Маслова 2005: 42].

Структуру концепта можно представить в виде круга (в виде снежного кома), в центре которого лежит основное понятие, ядро концепта, а на периферии находится все то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом.

Сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять знания разной степени абстракции. По мнению Н.Н. Болдырева, концептом может быть и отдельный смысл, и целая концептуальная структура, включающая другие концепты и задающая другие степени абстракции. По своему содержанию и степени абстракции концепты могут подразделяться на несколько типов: конкретно-чувственный образ, представление, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура, фрейм, сценарий, гештальт и т.д. [Болдырев 2002].

2.4. Концептуальный анализ в современной лингвистике

Многомерность и сложность структуры концепта определяет и его анализ. Под **концептуальным анализом** в современной лингвистике понимается метод исследования концептов, репрезентация их содержания. Целью концептуального анализа является выявление признаков изучаемых

концептов. В связи с тем, что концепт имеет сложную структуру, состоящую из нескольких «слоев», анализ, по мнению ученых, представляет собой совокупность нескольких различных методов [Степанов 2001: 49]. Обобщение существующих методов в современной лингвистике представлено в работах Р.М. Фрумкиной, Т.Ю. Передриенко и других исследователей [Передриенко 2005, Фрумкина 1992].

В науке о языке имеется несколько точек зрения на концептуальный анализ. Например, С.Е. Никитина считает, что в описании концептов важно указание их связей с другими концептами той же культуры [Никитина 1991]. Метод Л.О. Чернейко, который заключается в исследовании сочетаемости абстрактного имени с описательными глаголами и дескриптивными прилагательными, дает представление о глубинных, подсознательных, ассоциативных связях слов, вербализующих концепты в языковом сознании носителей [Чернейко 1997]. В.И. Карасик предлагает методику изучения культурных доминант, которая осуществляется в виде наблюдения и эксперимента (сплошная выборка лексических и фразеологических единиц, прецедентных текстов из словарей, сборников пословиц и афоризмов). Изучение концептов должно быть дополнено данными других дисциплин – культурологии, истории, психологии и т.д. [Карасик 1996].

В работах по исследованию концептов мы находим и обращение ученых к их этимологии, к данным лексикографических источников, анализу синонимов и дериватов имени концепта, анализу сочетаемости и сопоставлению концептов. Использование тех или иных методов, приемов и способов исследования зависит не только от сложности концепта, но и от целей и задач, которые ставит перед собой исследователь, от характера лингвистических источников, являющихся материалом для рассмотрения.

Новая парадигма лингвистического знания – коммуникативно-дискурсивная – выдвигает на первый план и новый метод исследования – интегративный метод, предполагающий комплексный анализ объекта, представляющий собой полное и всестороннее описание, «попытку

синтезировать разные точки зрения на один и тот же объект» [Кубрякова 2004: 520]. Е.С. Кубрякова считает, что концептуальный анализ должен включать в себя и сопоставление всех доступных средств репрезентации концепта в системе языка и речи, что позволит выявить основное содержание концепта, и принципы организации языкового материала, поскольку в основе формирования значений отдельных языковых единиц, их различных классификаций, а также в формировании языковых категорий лежат те или иные концепты. Концептуальный анализ определяется исследователем как поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и предопределяют бытие знака как известной когнитивной структуры.

В современных лингвистических работах выделяется некая последовательность концептуального анализа. Так, Ю.С. Степанов предлагает начать анализ с «буквального смысла», «внутренней формы» или этимологии концепта [Степанов 2001]. Этимологический анализ концепта показывает первоначальное предназначение слова и выражает особенности мировидения представителей определенного лингвокультурного сообщества. В качестве источников, позволяющих изучить концепт в диахронии и установить механизм его формирования, рассматриваются этимологические словари.

С целью наиболее полного выявления структуры концепта и его содержания многие ученые предлагают моделирование концепта, которое становится возможным в результате обобщения регулярно повторяющихся в лексических, фразеологических и текстовых репрезентациях концепта его существенных свойств, обнаруживающих знание о мире, при этом отмечается, что концепты и концептосферы структурированы по принципу поля. «Полевая» модель концепта имеет следующую структуру: ядро, слои, обволакивающие ядро, интерпретационное поле, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта индивидуальным, групповым и национальным сознанием [Попова, Стернин 2001].

Таким образом, под методом концептуального анализа понимается совокупность приемов и методов, необходимых для исследования концептов и презентации их содержания, при этом для установления смыслового объема концепта исследование рекомендуется проводить в такой последовательности:

- Установить место данного концепта в языковой картине мира и языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям, при этом словарную дефиницию считать ядром концепта.
- Обратиться к этимологии и учету ее особенностей.
- В связи с тем, что словарные толкования дают лишь самое общее представление о значении слова, а энциклопедические словари – о понятии, необходимо привлекать к анализу самые разнообразные контексты.
- Полученные результаты необходимо сопоставить с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы [Маслова 2005: 45 - 46].

При этом, как отмечает В.А. Маслова, важность концепта подчеркивается его многократным повторением и интерпретацией в различных текстах.

Для определения смыслового объема концепта большое значение придается сопоставительному анализу с одноименным концептом, характеризующим иную лингвокультуру.

2.5. Научный концепт как лингвокогнитивный концепт

Определим научный концепт как подтип лингвокогнитивного концепта, исходя из того, что основу научного концепта составляют знания, являющиеся результатом научного познания окружающей действительности.

В поле внимания лингвистов научный концепт попадает в основном в связи с изучением научного дискурса или научного текста [Красных 2001, Матвеева 1984, Ракитина 2007].

Научный концепт является единицей сознания, мыслительным образованием, актуализируется в научном дискурсе. Объективируясь в языке, концепт отражает сущность заключенного в нем нового знания. Благодаря своей когнитивно-дискурсивной природе, научный концепт обладает способностью вступать во взаимоотношения с другими научными концептами, при осмыслении нового знания выстраивать многоярусную концептосферу и углублять смысловые перспективы ранее созданной научной картины мира.

Суть научного концепта заключается в том, что он является субъективно-объективным образом познаваемой действительности.

Научный концепт служит отправным моментом при порождении научного текста, с одной стороны, с другой – конечной целью его восприятия [Красных 2001].

Исходя из того, что научный концепт мы рассматриваем как концепт лингвокогнитивный, который отражает научные знания и объективируется в научном дискурсе, определим **научный концепт** как **способ и результат категоризации и квантификации научных знаний, полученных в результате научно-исследовательской деятельности и вербализованных в подъязыке науки.**

Формирование научных концептов осуществляется в процессе развития специальных знаний. Инструментом познания, орудием научного мышления в научном тексте выступают термины, выполняющие функцию упорядочивания и регламентации научных концептов, за которыми стоят научные знания [Куликова, Салмина 2002]. *Термин* – это «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь

через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [ЛЭС 1990: 508]. Термин является именем научного концепта.

Значением термина является *понятие*, стоящее за ним. В исследовательской литературе выражения «определение значения термина», «определение понятия, выраженного данным термином», «определение понятийного (смыслового) содержания термина» рассматриваются как синонимы и соответствуют «выражению термина» [Шелов 2003: 23]. Способом фиксации значения термина является *дефиниция*. В лингвистической науке дефиниции отводится существенная роль, в ней основные значения стандартизируются научными авторитетами.

Являясь значением термина, *понятие не совпадает по своему смысловому объему с концептом: концепт шире, чем понятие*. *Научное понятие является ядром научного концепта*, выделяя его логические признаки, выявленные и доказанные в результате познавательной деятельности. Понятие о конкретном объекте, явлении, пополняясь новыми знаниями, обрастая объективными и субъективными признаками, может перейти в концепт [Ракитина 2007].

Таким образом, термин как имя, понятие как ядро являются элементами структуры научного концепта.

Специальных исследований, посвященных структуре научного концепта, насколько нам известно, не проводилось. Но, рассматривая научный концепт как лингвокогнитивный, мы можем предположить, что научный концепт сохраняет слои, выделенные в лингвокогнитивном концепте: *понятийный*, отражающий его признаковую и дефиниционную структуру, *образный,* фиксирующий когнитивные метафоры, и *значимостный*, определяемый местом, которое занимает имя концепта в системе конкретного языка, куда входят и его этимологические характеристики.

По мнению С.В. Ракитиной, структура научного концепта имеет свои особенности, обусловленные статусом научного концепта как

смыслопорождающего источника научного текста: во-первых, выделятся *специальный слой, содержащий признаки научного видения мира определенным ученым, научным сообществом, научной школой, направлением*, и, во-вторых, структурно научный концепт находится во взаимосвязи с научной концепцией и составляющими категории «научная картина мира» [Ракитина 2007].

Известно, что в структуре любого концепта выделяются специфичные компоненты, детерминированные особенностями этнолингвокультурного сообщества. Насколько такие компоненты можно выделить в структуре научного концепта, сказать сложно, так как, насколько нам известно, специальных исследований по данному вопросу пока не проводилось. Очевидно, что проблема национально-культурной специфики научного концепта напрямую связана с проблемой влияния этнолингвокультуры ученого на его научное видение мира, наивной картины мира – на научную, которая также еще не решена современными лингвистами окончательно. Тем не менее выделение специальных слоев, отражающих видение мира учеными, представителями той или иной лингвоэтнокультуры, научным сообществом, которое развивается в рамках определенной научной традиции, позволяет сделать предположение о наличии этнокультурной специфики научного концепта.

Вопрос о структуре научного концепта напрямую связан с вопросом о его анализе. Элементом анализа научного концепта можно считать исследование термина, который не просто является его именем, но и отображает результат именования фрагментов новых знаний, рожденных в процессе познания мира. Термин, наряду с другими единицами, занимает важное место в экспликации научной картины мира.

Сам по себе термин имеет сложную структуру, предполагающую многогранность и многоаспектность терминологического анализа [Авербух 2001; Володина 2001]. Это обусловлено особенностями современного взгляда на термин, заключающегося в том, что термин понимается как компонент

динамической модели языка, диалектически сочетающий в себе стабильную знаковую систему и ее постоянное переосмысление, а терминология – как одна из актуализированных частей целого творческого процесса в области науки. Термин может быть рассмотрен как своеобразный коррелят некоторой ментальной операции, протекающей в сознании исследователя, и на этом основании в термине усматриваются субъективные свойства, представляющие в целом субъективный мир его создателя [Алексеева 1998: 37].

В исследованиях термина и терминологии рассматривается «этимология термина», которую еще называют «история термина» и «аксиология термина», связанная с внутренней формой понятия, которая меняется «в связи с перегруппировкой понятий в науке, в связи с развитием самой науки, с развитием новых представлений, взглядов» [Капанадзе 1965: 78]. *По сути, исследование этимологии термина выводит исследователей на изучение формирования научного концепта*. Примером можно считать работу Ю. Асояна и А. Малафеева «Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс – Новое время)» [Асоян, Малафеев 2000].

Эволюционирование научного концепта является основой диссертационного исследования С.В. Ракитиной «Коммуникативно-дискурсивное пространство научного текста». Ученый предлагает различать исходный научный концепт, побуждающий к выстраиванию новой концепции, созданию научной теории, и завершающий научный концепт, вбирающий смысловое ядро концепции или теории, отсюда его содержание составляет квант, «зародыш» смысла нового знания, и субстрат сущностей научной концепции.

По мнению С.В. Ракитиной, научный концепт структурно связан с научной теорией, научной концепцией, находящих свое отражение в научном тексте, поэтому в исследовании научного концепта, ядра научного текста, особое место занимает контекст, включающий и лексическое окружение

имени концепта, и научные события, и пресуппозиционные знания, что, собственно, и является научным дискурсом.

Итак, обобщим исследования научного концепта как единицы научной картины мира, вербализованной в научном дискурсе:

- Исходя из того, что научный концепт является единицей сознания, мыслительным образованием, рассмотрим научный концепт как лингвокогнитивный, отражающий знания об окружающем мире и определим его как способ и результат категоризации и квантификации научных знаний, полученных в результате научно-исследовательской деятельности и вербализованных в подъязыке науки.
- Именем научного концепта является термин, ядро составляет понятие, которое выделяет его логические признаки, выявленные и доказанные в результате познавательной деятельности.
- В процессе развития специальных знаний осуществляется формирование научных концептов. Различают исходный научный концепт и завершающий - ядро концепции или теории, содержание которого составляет квант, «зародыш» смысла нового знания; динамика от исходного к завершающему концепту составляет эволюцию научного концепта.
- Как лингвокогнитивный концепт, научный концепт многомерен, имеет полевую структуру с ядром, представляющим суть научного понятия, приядерную зону, куда входят основные понятия, раскрывающие содержание концепта, и периферию; в структуре научного концепта выделяются специальный слой, содержащий признаки научного видения мира определенным ученым, научным сообществом, научной школой, направлением. Вопрос, возможно ли выделить в научном концепте специфичные компоненты, детерминированные особенностями этнолингвокультурного сообщества, характеризующие любой лингвокогнитивный концепт, пока остается открытым.

- Понятие включает основное содержание научного концепта, полученное и доказанное в результате научно-исследовательской деятельности, отражает универсальное научное знание.
- Научный концепт, являясь способом и результатом категоризации и квантификации научных знаний, отражает единый инвариант научного знания, тем не менее остается недостаточно разработанным вопрос о том, какие факторы могут оказать влияние на содержание и структуру научного концепта в процессе его вербализации посредством национального языка: языковая картина мира, традиция в науке и т.д.

Выводы к главе I

Таким образом, научный концепт является единицей сознания, мыслительным образованием, актуализируется в научном дискурсе. Объективируясь в языке, концепт отражает сущность заключенного в нем нового знания, что дает основание рассматривать научный концепт как лингвокогнитивный, т.е. как способ и результат категоризации и квантификации научных знаний, полученных в результате научно-исследовательской деятельности и вербализованных в подъязыке науки.

Научный концепт является ядром научного дискурса - «совокупности всех наличных (и потенциально возможных) текстов, вербализующих научное знание как результат познавательной деятельности субъектов науки». В основе такого понимания научного дискурса лежит, во-первых, понимание дискурса как когнитивного процесса, связанного с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, во-вторых, соотношение текста как продукта, как результата, как статичной формы и дискурса как процесса, деятельности, что обусловливает определение дискурса как текстовой протяженности, последовательности, совокупности текстов, позволяет трактовать дискурс как корпус текстов и ввести понятие

дискурсивной формации как интегративной совокупности текстов, связанных семантическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении.

В дискурсе проявляет себя языковая личность. Порожденный ею дискурс обусловлен ее особенностями как индивида, с одной стороны, с другой – принадлежностью личности к некоторому социуму, что, в свою очередь, детерминировано временем, уровнем общей культуры, особенностями национальной культуры, принадлежностью к определенной профессиональной деятельности и т.д.

Основу научного дискурса составляет научный текст, продукт дискурсивной деятельности его создателя (исследователя), содержанием которого является вербализованное научное знание.

В научном дискурсе репрезентируется научная картина мира; научный дискурс обладает огромным потенциалом в углублении смысловой перспективы ранее созданной картины мира благодаря приращению новых смыслов.

Научный специализированный лингвистический дискурс является подтипом научного дискурса и определяется нами как последовательность и/или совокупность научных лингвистических текстов, являющихся результатом вербально опосредованной деятельности профессиональной языковой личности в специальной лингвистической сфере.

В научном специализированном лингвистическом дискурсе репрезентируется лингвистическая частнонаучная картина мира, совокупность научных лингвистических знаний, вербализованных в подъязыке науки, ядром которой является лингвистическая терминология.

ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНОГО КОНЦЕПТА «КОММУНИКАЦИЯ» В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ НАУЧНОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассмотрим содержание и структуру научного концепта на примере репрезентации научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили данные из академических и толковых словарей английского, французского, русского, испанского языков, результаты опроса респондентов, научно-теоретические тексты (монографии, статьи, диссертации) отечественных и зарубежных лингвистов на русском, испанском и английском языках.

В качестве респондентов и информантов привлекались специалисты в области русского языка и испанского языка – носители русской и испанской лингвокультур; для установления ассоциативных связей носителей обыденного русского и испанского языкового сознания было интервьюировано по 100 респондентов-представителей русской и испанской лингвокультур.

Место проведение исследования: Гранадский университет, Институт Сервантеса (Испания), Удмуртский государственный университет.

Всего было опрошено 40 специалистов в области испанского языка, носителей испанской лингвокультуры, и 40 специалистов в области русского языка, носителей русской лингвокультуры, среди опрошенных – преподаватели, аспиранты, студенты – выпускники.

В качестве информантов выступали лингвисты – преподаватели Гранадского университета и Института Сервантеса.

Основой анализа научного концепта является концептуальный анализ, предусматривающий 1) исследование эволюции концепта, в нашем случае –

формирование научного концепта; 2) анализ дефиниции как ядра научного концепта; 3) привлечение к анализу научно-теоретических текстов; 4) сопоставление полученных результатов с результатами опроса респондентов и информантов; 5) сравнение данных, полученных при анализе репрезентации научного концепта «коммуникация» в научном специализированном лингвистическом дискурсе на разных языках; 6) выявление особенностей структуры концепта.

§ 1. Научный концепт «коммуникация» как один из ключевых концептов лингвистической частнонаучной картины мира

Коммуникация характеризуется как один из самых актуальных и частотных предметов исследования как в российской лингвистике, так и в зарубежной. О важности и весомости данного концепта говорит тот факт, что в современной лингвистике выделяется множество научных дисциплин, изучающих коммуникацию.

Актуализация *коммуникации* как предмета исследования проходила на фоне важнейшего методологического сдвига – перехода от лингвистики имманентной с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык «в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [Постовалова 1988: 8]. Исходный тезис антропологической лингвистики состоит в утверждении, что язык есть конститутивное свойство человека: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист 74: 293]. Антропологический подход к изучению языка выдвигает на первый план исследования проблемы, касающиеся связи человека и его языка, в том числе человека и коммуникации. Следует отметить, что в период имманентной лингвистики

проблематика связи языка и человека никогда не исчезала из науки о языке, а только вытеснялась на периферию ее интересов. Выдвижение же проблемы *человек и язык* как самостоятельного предмета исследования было невозможно. Постановка новой проблемы и попытки ее теоретического разрешения обусловили расширение предмета лингвистики и появление новых лингвистических дисциплин интегрирующего характера.

Данный процесс мы можем наблюдать на примере научно-теоретических текстов, являющихся материалом нашего исследования.

Отметим, что все эти тексты не являются чисто лингвистическими с традиционной точки зрения; коммуникация, сложное явление человеческой деятельности, заставляет лингвистов обращаться к общенаучному и культурному контекстам для оптимального изучения человеческой коммуникации как предмета исследования. Так, в центре внимания лингвистов оказываются особенности национального характера, коммуникативного поведения, лингвокультурные типы, культурные детерминанты и др. Расширение предмета исследования, связь с другими отраслями науки позволяет в рамках лингвистики наиболее полно изучить *человека говорящего*.

В конце XX в. коммуникация в отечественной лингвистике является предметом исследования многих лингвистических дисциплин: проблемы коммуникации тем или иным образом поднимаются в риторике, стилистике, культуре речи, психолингвистике, прагмалингвистике, прагматике общения, дискурсивной лингвистике, теории общения, теории речевых актов, науке о коммуникации. На коммуникацию выходят и исследования когнитологического и лингвокультурологического характера.

Последнее время отечественными лингвистами предпринимаются попытки объединить все лингвистические дисциплины, рассматривающие язык как инструмент, в рамках одной - *коммуникативной лингвистики*. Подобные попытки являются следствием интеграции разных подходов к изучению языковых явлений в рамках новой интегральной парадигмы

лингвистического знания – когнитивно-дискурсивной [Кубрякова 2003; Степанов 1991, 1995; Парадигмы 2006]. Коммуникативная лингвистика рассматривается учеными как лингвистическая дисциплина нового типа, нацеленная на синтез, многофакторный анализ, системность [Колшанский 2005: 45].

И.П. Сусов, характеризуя ситуацию, связанную с изучением коммуникации как предмета исследования, отмечает, что первоначально делались попытки решать все проблемы средствами системно-структурной лингвистики, лишь расширяя сферу применения ее концептуального аппарата и методик, пристраивая к ее основному теоретическому зданию дополнительные частные теории. Но сейчас очевидно, что «вся область явлений, относящихся к речи (или речевой деятельности), психологическим и социальным условиям языкового общения, может претендовать на то, чтобы быть предметом новой, самостоятельной лингвистической дисциплины, дополнительной по отношению к системно-структурной, но не выступающей в качестве ее продолжения» [Сусов 1984: 4]. Коммуникативная лингвистика рассматривает язык как динамическую систему, речевую деятельность и последовательно охватывает собой как единство отдельные изолированные элементы с их внутренней, относительно обособленной структурой и обосновывает каждый элемент как составную часть интегральной системы языка. Г.В. Колшанский определяет коммуникативную лингвистику как лингвистику, «ориентирующуюся на теорию языка, прежде всего, в коммуникативном аспекте» [Колшанский 2005: 4]. Коммуникативная лингвистика ставит перед собой цель описать язык во всех его звеньях, выполняющих свои функции в процессе речевого общения. Основой коммуникативной лингвистики служит единство содержательной и формальной сторон языка.

Выделяя коммуникативную лингвистику как отдельную научную дисциплину, исследователи исходят из того, что коммуникация является и функцией, и субстанцией языка, т.к. предназначение самой системы средств

языка в итоге есть коммуникация. Можно поэтому сказать, что коммуникативный аспект языка является его существенной уникальной характеристикой, обрастающей сложными свойствами внутреннего (семантического) и внешнего (звукового) порядка, наслаивающимися на его основную функцию.

Коммуникативная лингвистика включает в себя следующие аспекты исследования: 1) лингвистический, 2) психологический, 3) социально-культурный и 4) семиотический. В качестве языковых единиц она рассматривает те единицы, в которых воплощается коммуникативный смысл, т.е. высказывания и текст.

Попыткой объединить различные научные дисциплины коммуникацией как основным предметом исследования является и прагмалингвистика, занимающаяся вопросами оптимального выбора языковых средств для достижения эффективного воздействия [Матвеева 1984].

Актуализация изучения коммуникации как предмета исследования, выделение новой научной дисциплины синтезирующего характера характеризуют и другие научные системы. Например, в испанской лингвистике новая парадигма – funcional, или comunicativa[1] - противопоставляется парадигме формальной, или лингвистической, (paradigma formal или lingüística). Если формальная парадигма целью исследования определяет язык как систему, структуру (lingüística pura – чистая лингвистика), то парадигма функциональная, коммуникативная, пришедшая на смену формальной, рассматривает язык как средство общения [Alsina Rodrigo 1999; Reyes 2003]. В испанских, английских и других исследованиях мы находим сопоставление данных парадигм; основным моментом является тот факт, что формальная парадигма определяет язык как совокупность предложений, парадигма же функциональная подразумевает под языком инструмент социального взаимодействия. Если основной

[1] Функциональная или коммуникативная

функцией языка с точки зрения формальной парадигмы является функция выражения мысли, то с точки зрения функциональной – функция коммуникативная.

Парадигма определяет подходы к лингвистике как научной дисциплине. El estructuralismo (структурная лингвистика), сформированная в рамках парадигмы formal, изучает язык как систему, делая акцент на грамматический строй языка. Выделяются такие отрасли лингвистики (componentes de estudio de la lingüística), как фонология (fonología), морфология (morfología), синтаксис (sintaxis), фонетика (fonética), семантика (semántica), стилистика (estilística), прагматика (pragmática) [Cestero 2006]. Психолингвистика, социолингвистика находятся на периферии научного знания и практически не определяют вектор развития испанской лингвистики.

Смена парадигмы formal на парадигму funcional вызывает изменения и в лингвистике как науке о языке. Подход к языку как инструменту выдвигает на первый план прагматику и семантику. Современные исследования языка Л.Г. Ньето объединяет термином lingüística comunicativa (коммуникативная лингвистика) [González Nieto 2001]. Lingüística comunicativa определяется как лингвистика, изучающая язык как инструмент социального взаимодействия и рассматривающая коммуникативную функцию как первичную функцию языка. Луис Гонсалес предлагает называть lingüística comunicativa все современные исследования языка, включающие лингвистику высказывания (la lingüística de la enunciación), анализ дискурса (análisis de discurso), лингвистику текста (la lingüística del texto). Однако большинство испанских лингвистов не могут согласиться с Л.Г. Ньето. Если в российской лингвистике на протяжении долгих лет специально не выделялась научная дисциплина, предметом исследования которой являлась коммуникация, то comunicación являлась предметом исследования

прагматики, которая имеет определенные традиции в ее изучении[2] [Bertuccelli 1993; Escandell Vidal 2005; Fernández Cinto 2006; Reyes 2003].

Выделение прагматики в отдельную научную дисциплину связано с именем С. Морриса, который рассматривал прагматику как науку о знаках и об отношении говорящих к ним [Morris 1985].

В современной испанской лингвистике прагматика является отраслью языкознания наравне с фонологией, морфологией, синтаксисом, фонетикой, семантикой, стилистикой. «La pragmática es un subcampo de la linguística. Es el estudio del modo en que el contexto influye en la interpretación del significado. El contexto debe entenderse como situación, ya que puede incluir cualquier aspecto extralinguístico»[3]. В ней анализируется, как говорящие продуцируют и интерпретируют высказывание в зависимости от определенного контекста, другими словами, прагматика изучает принципы, которые регулируют человеческую коммуникацию. Несмотря на то, что прагматика является отраслью языкознания, предметом ее исследования являются и экстралингвистические факторы, обусловливающие применение языка. Основными категориями прагматики как науки являются *отправитель, получатель, коммуникативная интенция, контекст, ситуация, говорящий, экстралингвистические факторы, знания о мире* и др. [González Nieto 2001; Fernández Cinto 2006; H. Calsamiglia, A. Tusón 2004].

По мнению испанских исследователей, в рамках прагматики возможны исследования языка как системы динамической, как речевой деятельности. Современная прагматика не сводится лишь к теории речевых актов. В доказательство данного тезиса они приводят новые методы исследования языковых явлений, в частности, метод когнитивный (enfoque cognitivo).

Таким образом, в современной лингвистике в связи со все повышающимся интересом к языку в его связи с человеком и его

[2] Испанская лингвистика полностью отождествляет себя с западной (европейской).

[3] «Прагматика является отраслью языкознания. Это наука о средстве, способе, в котором акцент деляется на контекст, влияющий на интерпретацию значения. Контекст понимается как ситуация, которая также может включать и экстралингвистические аспекты» [DT ELE].

сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью на первый план выходит коммуникация как предмет исследования, что обусловливает выделение новых лингвистических дисциплин синтезирующего характера. Эти процессы характеризуют как российскую науку о языке, так и западную. Все это позволяет выделить «коммуникацию» как ключевой концепт в научной лингвистической картине мира.

§ 2. Терминологическое обозначение научного концепта «коммуникация»

В основе терминообозначения научного концепта лежит лат. communicātio – «сообщение, передача»: рус. *коммуникация*, исп. *comunicación*, англ. *communication,* итал. *comunicazione*, франц. *communication* и т.д. [ССИС 1993; DRA 2006; ЛРС 2000; NED 1981].

В современных европейский языках слово, обозначающее «коммуникация», входит в обширное поле, состоящее из родственных слов, объединенных значением корня ***comun-***. Так, в современном испанском языке данное поле представлено лексемами *común, comuna, comunal, comunaleza, comunería, comunero, comunial, comunicabilidad, comunicado, comunicante, comunicar, comunicativo, comunidad, comunión, comúnmente* и др., в современном итальянском – *comunicazione, comunale, comunanza, comune, comunemente, comunicare, comunicativa, comunicato, comunicazione, comunione, comunità* и др. Все эти слова сохраняют свое исконное неделимое значение – «связывать, делать общим, общаться, обмениваться».

Характеризуясь в общеупотребительной сфере многозначностью, лексема со значением «коммуникация», переходя в научную сферу и становясь термином, максимально конкретизируется. Например, исп. *comunicación* как относящееся к общеупотребительной лексике имеет несколько значений: помимо значения «почта, телеграф, телефон (средства

связи), как пути, связи, каналы, кабели», *comunicación* толкуется как «papel escrito en que se comunica algo oficialmente»[4] или «escrito sobre un tema determinada que el autor presenta a un congreso o reunión de especialistas para su conocimiento y discusión»[5]. *Comunicación* употребляется и в значении «trato, correspondencia entre dos o más personas»[6].

При переходе из общеупотребительной сферы в сферу научную лексема *comunicación* теряет свою многозначность; *comunicación* как термин, имя научного концепта, обозначает «acción y efecto de comunicar o comunicarse»[7], «transmisión de señales mediante un códico común al emisor y al receptor»[8].

В русском языке лексема *коммуникация* также заимствована из латинского языка через польский: «коммуникация – komunikacja > лат. communicātio» [ЭС 2003: 303]. Причем известна уже давно. *Коммуникация* зафиксирована и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «комуникация – сообщения, пути, дороги, средства связи мест» [СД 2000: 149]. Таким образом, исторически *коммуникация* понималась и как инфраструктура, и как социальное явление, связанное с речевой или иной деятельностью человека.

В современном русском языке *коммуникация* имеет несколько родственных слов: *коммуникабельность, коммуникабельный, коммуникативный*.

В Словаре современного русского литературного языка *коммуникация* представлена такими значениями, как «1. Пути, сообщения. 2. Устар. Сообщение, связь, сношение одного места с другим. 3. В языкознании – общение, передача при помощи мыслей и чувств» [БАС 1956: 1246]. Подобные значения выделяются и в Словаре русского языка: «1. Путь,

[4] «Письменный документ, в котором сообщается что-то официальное» [DRA]
[5] «Произведение на определенную тему, которое автор презентует на конгрессе или собрании специалистов с целью познания или обсуждения» [Там же]
[6] «Общение, связь между двумя или несколькими людьми» [Там же].
[7] «Действие и результат коммуникации» [DBE 1995: 65].
[8] «Передача знаков посредством общего кода к отправителю и к получателю» [Там же].

сообщение, связь одного места с другим // линий связи (или энерго-, тепло-, газо- и водоснабжения). 2. Общение, сообщение» [МАС 1981 – 1984: 84].

В Большой советской энциклопедии толкование лексемы «коммуникация» дается в двух словарных статьях, что определяет коммуникации как «пути сообщения, транспорта, связи, сети подземного городского хозяйства…» и коммуникацию как «общение». «Обычно К. определяется как передача информации от человека к человеку. Общение может осуществляться в процессе любой деятельности, напр. производственной, так и при помощи специализированной формы – речевой деятельности или другой деятельности, использующей знаки» [БСЭ 1973: 624].

В словарях зафиксировано не только понимание коммуникации, протекающей в человеческом обществе, но и коммуникации как характерной черты мира животных.

Таким образом, *коммуникация* в общеупотребительной сфере имеет несколько значений: средство связи, инфраструктура, процесс сообщения информации, биологическое взаимодействие, акт общения.

Коммуникация как термин прочно входит в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания. В Лингвистическом энциклопедическом словаре *коммуникация* определяется как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. - специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [ЛЭС 1999: 233]. В отличие от коммуникации биологической, человеческие формы коммуникации характеризуются главным образом функционированием языка; в коммуникативной функции языка проявляется его орудийно-знаковая сущность.

Семантическое и этимологическое тождество заимствованного слова *коммуникация* и исконно русского *общение* («общаться – связывать, делать общим» [СРЯ 2000: 634]) приводит к проблеме соотношения двух понятий, обозначенных данными терминами. Эта проблема поднимается многими

исследователями (Выготский Л.С., Леонтьев А.А., Прохоров Ю.Е. и др.) [Выготский 1996; Леонтьев 2003; Прохоров 2003]. Современная наука характеризуется несколькими подходами к ее рассмотрению:

1. Отождествление *общения* и *коммуникации* вследствие первичного значения обоих терминов.
2. Разделение понятий «коммуникация» и «общение». С точки зрения исследователей, *коммуникация* является чисто информационным процессом – передачей тех или иных сообщений, а общение имеет и практический, материальный, и духовный, информационный, характер. *Коммуникация* есть субъектно-объектная связь, где субъект передает некую информация, а объект выступает в качестве пассивного получателя, а общение, наоборот, представляет субъектно-субъектную связь, при которой нет отправителя и получателя сообщений – есть собеседники, соучастники общего дела.
3. Данный подход основан на понятии информационного обмена. Приверженцы этого подхода считают, что *общение* не исчерпывает все информационные процессы в обществе, охватывающие весь общественный организм и пронизывающие все социальные подсистемы. При этом вербальные средства составляют лишь небольшую часть информационного обмена в обществе. Таким образом, понятие *коммуникация* является более общим по отношению к понятию *общение*.

Таким образом, в основу научного термина *коммуникация* ложится заимствованное слово *коммуникация*; *общение* также входит в понятийный аппарат гуманитарного знания, образуя с *коммуникацией* определенные смысловые связи.

В современной науке о языке термин *коммуникация* имеет несколько синонимов: речевое общение, речевое взаимодействие, речевое воздействие.

Чаще всего *коммуникация* выступает в сочетании с *речевая – речевая коммуникация* (исп. *comunicación verbal*), указывая на отличия *коммуникации вербальной*, предполагающей передачу информации с помощью слов, и *невербальной* – с помощью различных несловесных символов и знаков [Гойхман, Надеина 1997: 7].

В основе выражения *речевая коммуникация* лежит и различие, которое существует между понятиями *язык* и *речь* (англ. *language/speech*; нем. *Sprache/Rede*; франц. *langage/parole,* исп. *lengua/lenguaje*). Если «язык» понимается как система знаков, единицы которой и отношения между ними образуют иерархически упорядоченную структуру, то «речь» - как использование языка для общения с другими людьми или один из видов коммуникативной деятельности человека [Выготский 1996; Леонтьев 2003; Щерба 1974; Соссюр 1977]. *Речь* – это конкретная деятельность, выражающаяся в звуковой либо в письменной форме или результат этой деятельности; это «воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение» [ЛЭС 1990: 414]. Таким образом, в употреблении *речевая коммуникация* содержится указание на деятельностный характер коммуникации.

§ 3. Формирование научного концепта «коммуникация»

Формирование научного концепта происходит в процессе развития науки, в результате пополнения ее новыми знаниями о том или ином предмете исследования.

Изучение коммуникации имеет давнюю историю. Это было связано не только с выявлением сущностных характеристик языка, но и выходило далеко за рамки науки о языке, например, известны исследования коммуникации в животном мире.

Выделение человеческой коммуникации как самостоятельного предмета исследования возникает в исследованиях В. Гумбольдта: именно ему принадлежит идея речевой деятельности и понимание языка как связующего звена между социумом и человеком [Гумбольдт 1985]. В работах Г. Штейнталя, А.А. Потебни мы сталкиваемся с понятиями речевого акта, цели речи, которая направлена на представление и отображение содержания [Штейнталь 1960; Потебня 1989].

Несомненно, предпосылкой изучения коммуникации как самостоятельного предмета исследования является разделение Ф. де Соссюром на язык как систему (языковую способность как функцию индивида) и речь - индивидуальный акт, реализующий языковую способность [Соссюр 1977].

Думается, что перечисление научных теорий, которые впоследствии легли в основу исследования коммуникации, можно продолжать долго. Очевидно, что изучение коммуникации как самостоятельного предмета исследования было бы невозможно без изменения подхода к языку как динамической системе, как речевой деятельности, без признания языка как средства общения с его, по сути, единственной функцией – функцией коммуникации [Сусов 1984].

Сама по себе коммуникация стала привлекать внимание исследователей в XX в., причем интерес к коммуникации как самостоятельному феномену наблюдался далеко за пределами языкознания или психологии. Во второй половине XX в. коммуникация стала рассматриваться и в русле новых лингвистических дисциплин: психолингвистики и социолингвистики.

Скорее всего, история изучения коммуникации как предмета исследования начинается с попыток ученых понять механизм ее протекания. В качестве примера можно привести работы Г.Д. Лассвелла, где выделены участники и элементы коммуникации: *коммуникатор, сообщение, канал, получение, последствия*. Кроме того, ученый намечает и сферы исследования:

содержательная сторона коммуникации, коммуникативная среда, коммуникативное воздействие. К. Шенон добавляет к списку новых понятий еще один – *шум*, связывая его с внешними факторами, которые искажают сообщение, нарушают его целостность и возможное восприятие [Более подробно: Почепцов 2001].

Известно несколько попыток создать модель коммуникации. Одна из самых известных - модель Р.О. Якобсона (См. схему № 1). В модели участвуют *адресант* (отправитель) и *адресат* (получатель), от первого ко второму направляется *сообщение*, которое написано с помощью *кода*; *контекст* определяет содержание сообщения, информацию. Понятие *контакта* связано с регулятивным аспектом коммуникации [Якобсон 1985].

Схема № 1. Модель коммуникации.

Новую страницу в исследовании коммуникации открывает теория речевых актов. Более того, именно с теорией речевых актов современные ученые связывают изучение коммуникации как самостоятельного предмета исследования. В основе теории лежат идеи Дж. Остина и Дж. Серля о том, что единицей коммуникации является *речевой акт*, в котором участвуют коммуниканты, порождающие *высказывания* (тексты) и интерпретирующие их [Austin 1990; Серль 1986]. Основными характеристиками речевого акта рассматриваются *интенция* и *цель высказывания*. Вообще, понятия интенциональности, интенции, намерения, направленности речедействия говорящего составляют основу идеи данных авторов. По мнению Дж. Серля, любое действие человека (в том числе и речевой акт) берет начало в его сознании, его намерениях, желаниях, полаганиях и т.д. Речевой акт

заключается в произнесении говорящим высказывания, адресованного слушающему, в определенной обстановке с конкретной целью. Речевой акт распадается на *локуцию*, *пропозицию*, *иллокуцию* и *перлокуцию* [Серль 1986].

Постепенно знания о коммуникации расширяются, углубляются, конкретизируются. Сам же речевой акт вместе с его структурной организацией, содержанием и смыслом, которые придают коммуникативную ценность этому акту в самых разнообразных, хотя и типизированных, коммуникативных условиях, вместе с множеством второстепенных факторов образуют в итоге целостное явление – *коммуникативный акт*. Р.О. Якобсон называет основные компоненты коммуникативного акта: *ситуация*, *участники*, *цели*, *последовательность актов* (организация *взаимодействия*), *степень формальности / неформальности взаимодействия, средства, нормы взаимодействия и интерпретации, тип взаимодействия, дискурсивная последовательность* [Якобсон 1985].

Идеи Дж. Серля и их развитие в работах П. Грайса составили новое направление в исследованиях коммуникации – интенционализм, учитывающее исходную интенцию говорящего, воздействие на слушающего и интерпретацию слушающего.

С этой точки зрения интересно преломление идей диалогизма М.М. Бахтина применительно к коммуникации. Опираясь на тезис о том, что без слушающего нет говорящего, ученый выделяет необходимый признак любого высказывания - обращенность, адресованность. Всякое высказывание приобретает смысл только в контексте, в конкретном месте и в конкретное время [Бахтин 1979]. Р. Барт утверждает, что слово не имеет постоянного значения. Получая сообщение, читающий создает свой собственный текст. Новое прочтение текста связано с новым знанием. Таким образом, получатель сообщения становится его соавтором [Барт 1989].

Идеи М.М. Бахтина заставляют взглянуть на многие моменты коммуникации по-иному. Например, на речевой акт. Для Т.А. ван Дейка речевой акт – это не элементарная единица общения, а элементарная единица

сообщения, т.е. передача информации только в одном направлении. Коммуникативный акт, по Т.А. ван Дейку, состоит из 1) речевого акта, или акта говорящего, 2) аудитивного акта, или акта слушающего, 3) коммуникативной ситуации, т.е. характеристик говорящего и слушающего, их взаимоотношений, сопровождающих событий и т.п. Речевой акт выступает как отношения между говорящим, произносимым высказыванием, временем и местом произнесения высказывания. Аудитивный акт, соответственно, характеризуется как отношение между слушающим, воспринимаемым высказыванием, временем и местом восприятия высказывания. Тождество произносимого и воспринимаемого высказывания признается как более или менее очевидное [Дейк 1989].

Повышенный интерес к коммуникации в середине XX в. приводит к попытке всесторонне изучить данный феномен. Исследуя формы существования коммуникации, ученые выделяют *коммуникацию письменную, устную, визуальную*, др.; главным критерием отличия называются разные системы кодирования послания. Особое место занимает изучение *коммуникативных средств*, которые, при использовании некоторых технологий, позволяют заполнить временное и пространственное расстояние между отправителем и получателем. С развитием техники на первый план постепенно выходят *средства массовой коммуникации* (СМИ).

Э. Сепир разграничивает фундаментальные средства, первичные, коммуникативные по своей природе, и вторичные, облегчающие процесс коммуникации. К фундаментальным он относит язык, жестикуляцию, имитацию публичного поведения. Вторичные средства направлены на облегчение понимания коммуникативного поведения: языковые преобразования, символизмы, создание физических условий для осуществления коммуникации [Сепир 1993].

Ученые выделяют и виды коммуникации: *коммуникация* может быть *вербальной и невербальной; интерперсональной, межличностной, групповой, массовой, межкультурной*. Выделение видов коммуникации зависит от

коммуникантов, от сферы, где осуществляется коммуникация (бытовая сфера, производственная, научная, образовательная и др.), от особенностей коммуникативной среды, под которой понимается все, что окружает человека, что составляет его среду обитания [Кашкин 2000].

Основной характеристикой коммуникации является ее целенаправленность. Для достижения цели говорящий использует *коммуникативные стратегии* и *тактики*.

Коммуникация как предмет исследования лежит в основе и таких теорий, как этнография речи Д. Хаймса [Hymes 1995], нормы интерпретации высказывания Дж. Гумперца [Gumperz 1996]. В современной западной лингвистике специалистами в области коммуникации большое значение придается теории вежливости [Brown, Levinson 1987].

Особое место в развитии теории коммуникации занимают понятия *компетенция* и *деятельность*, введенные Н. Хомски. Н. Хомски определяет компетенцию как знания о языке, которыми обладает идеальный говорящий/слушающий, и деятельность как практическое применение данной компетенции в конкретной ситуации [Chomsky 1980]. Имея свое развитие в трудах Х. Хаймса, Р. Кампбелла, Дж. Гумперца и др., компетенция стала пониматься значительно шире, чем знание языковых норм. Компетенция говорящего становится обязательным условием для адекватной и эффективной коммуникации в различных коммуникативных ситуациях, детерминированных нормами различных языковых сообществ.

Вопрос, какой компетенцией должен обладать говорящий, чтобы добиться эффективной коммуникации, становится одним из основных вопросов теории коммуникации. В решении данного вопроса участвуют многие современные лингвисты (L. Bachman, J. Cots, H. Widdowson и др.). Приведем в пример модель коммуникативной компетенции Ван Ека, в которой выделяется 5 составляющих компетенций:

- *компетенция социолингвистическая;*
- *компетенция дискурсивная;*

- *компетенция стратегическая;*
- *компетенция социокультурная;*
- *компетенция социальная* [Van Ek 1984].

Таким образом, коммуникация как предмет исследования привлекала внимание лингвистов на протяжении всего XX века. ***По мере накопления знаний о коммуникации происходило формирование одноименного научного концепта, в процессе которого в структуру концепта входили все новые и новые компоненты:***

вербальная и невербальная коммуникация, интерперсональная, межличностная, групповая, массовая, межкультурная, коммуниканты, *отправитель*, *получатель*, *коммуникативная среда*, *коммуникативное воздействие*, *шум*, *сообщение*, *код*, *контекст*, *высказывание*, *интенция*, *говорящий*, *слушающий*, *интерпретация*, *коммуникативные средства*, *виды коммуникации*, *коммуникативная ситуация*, *сфера*, *стратегии*, *тактики*, *компетенция*, *деятельность*, *речевой акт*, *локуция*, *пропозиция*, *иллокуция* и *перлокуция, коммуникативный акт, коммуникация устная, письменная, визуальная, средства массовой коммуникации, степень формальности / неформальности взаимодействия, средства, нормы взаимодействия и интерпретации, тип взаимодействия, дискурсивная последовательность*

В основе научного концепта «коммуникация» лежат знания, полученные в результате речемышления исследователей, в процессе рождения новых концепций ученых – представителей разных научных традиций: англосаксонской, французской, российской и др., что может служить основанием считать, что данный научный концепт является универсальным, т.е. отражающим единый для всех ученых-носителей разных лингвокультур когнитивный процесс.

§ 4. Структура научного концепта «коммуникация»

4.1. Понятие «коммуникация» как ядро научного концепта

Понятие выступает обязательным ядерным компонентом научного концепта. Считается, что именно понятие как ядро научного концепта отражает универсальное научное знание, т.к. выделяет его логические признаки, выявленные и доказанные в результате познавательной деятельности [Болдырев 2002; Ракитина 2007; Ю. Степанов 2001].

В испанском словаре Королевской Академии *comunicación* определяется как «acción y efecto de comunicar o comunicarse; transmisión de señales mediante un códico común al emisor y al receptor» [DRA], где коммуникация рассматривается как действие и результат общения, как передача (обмен) знаков посредством общего кода; подчеркивается однонаправленность коммуникации как действия – к получателю и к отправителю. Как действие и процесс общения рассматривается и *communication* в Словаре английского языка и культуры (Longman Dictionary of English Language and Culture): «the act or process of communicating» [LD 2000: 256]; в дефиниции communicate указывается цель коммуникации – делать мнения, чувства, информацию знакомой и понимаемой другими через речь, письмо, язык тела: «to make (opinions, feelings, information) known or understood by others, for example, by speech, writing or bodily movements» [Там же].

На коммуникацию как действие, процесс и результат указывает и французское понятие *communication:* в словарной статье зафиксированы такие значения, как 1) общение, установление отношений с кем-нибудь, чем-нибудь; 2) действие сообщения чего-либо кому-либо; 3) сообщение, новость и др. [DR 2004: 485].

Можно сказать, что в понятии научного концепта «коммуникация», вербализованном на испанском, английском, французском языках, фиксируется модель (процесс) коммуникации в том или ином объеме. На коммуникацию как обмен указывает и дефиниция на русском языке: «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. - специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [Языкознание 1998: 233], однако понятие коммуникации, вербализованное на русском языке, представлено шире, чем ее модель.

Рассмотрим содержание понятия «коммуникация» путем компонентного анализа словарных дефиниций и последующего отбора наиболее релевантных признаков. В качестве источника анализа мы используем Большой энциклопедический словарь «Языкознание»[9] [Языкознание 1998] и Diccionario de Real Academia [DRA], Diccionario de lexicografía práctica [DL 1995].

4.1.1. В испанском словаре Королевской Академии *comunicación* определяется как «acción y efecto de comunicar o comunicarse; transmisión de señales mediante un códico común al emisor y al receptor» [DRA].

Содержательными компонентами данной дефиниции являются:

1) *comunicación* относится к *acción de comunicar* (действие);
2) *comunicación* есть *efecto* (результат) *comunicar* (общаться) ;
3) *comunicación* определяется как *transmisión de señales* (передача знаков);
4) возможна при условии *un códico común* (общего кода);
5) предполагает двух участников (*emisor y receptor*);
6) характеризуется однонаправленностью процесса, направленностью на участников (al emisor y al receptor)[10].

[9] В ЛЭС представлено то же определение понятия «коммуникация», что и в «Языкознании».
[10] В определении отражено новое понимание коммуникативного акта, точнее, его однонаправленность. Коммуникативный акт состоит из речевого акта, где действие направлено на получателя, и аудитивного акта, где речевое действие направлено на отправителя [Сусов 1984].

Мы видим, что в основе определения *comunicación* лежит модель коммуникации, предложенная, в частности, Р.О. Якобсоном, где коммуникация понимается как конкретное действие, направленное одним участником на другого. Коммуникация проходит в виде передачи знаков и состоится, если участники имеют общий код. В данном случае о коммуникации мы можем говорить лишь в том случае, если получен результат, коммуникация рассматривается и как результат процесса.

Выделим классифицирующие семы дефиниции *comunicación*: *comunicación* как ***acción***, *comunicación* как ***transmisión***, *comunicación* как ***efecto***. *Acción* – «действие», понятие, более узкое, чем «деятельность, элемент деятельности, направленный на достижение определенной промежуточной цели». Результативность действия зафиксирована в словаре: *acción* - «resultado de hacer»[11]. Действие и результат заложены и в семе ***trasmisión***, содержанием которой является «acción y efecto de transmitir»[12]. Сема ***efecto*** прямо классифицирует *comunicación* как результат. Классифицирующая сема ***trasmisión*** содержит линейность движения к участникам. Семы ***receptor***, ***emisor*** характеризуют *comunicación* с точки зрения ее участников и содержат в себе функцию, а не признак: отправитель и получатель.

Рассмотрим еще одно определение понятия *comunicación,* где *comunicación* рассматривается как «trasmisión, a través de un canal, de un mensaje entre un emisor y un receptor mediante un código» [DL 1995: 65].

Данная дефиниция, зафиксированная Diccionario de lexicografía práctica, по сути, является сокращенным вариантом первой. К ее содержательным компонентам отнесем следующие:

1) *comunicación* определяется как *transmisión de un mensaje* (передача сообщения);
2) *comunicación* характеризуется двумя участниками - *un emisor y un receptor*;

[11] Результат от «делать»
[12] Действие и результат от «передавать»

3) осуществляется через канал посредством кода.

Новая сема, характеризующая comunicación, - ***mensaje*** – содержит в себе значение «texto, discurso, enuncio»[13], т.е. «contenido de esta comunicación»[14]. Условия осуществления коммуникации заложено в семе ***mediante un código***: о *comunicación* мы можем говорить, когда *trasmisión* (передача) осуществляется посредством общего кода.

Таким образом, классифицирующие и характеризующие семы позволяют нам сказать, что *comunicación* мыслится как конкретное действие, более точно, как передача конкретного сообщения и конкретный результат данного действия. Действие направлено человеком говорящим на человека слушающего. Результативность действия предполагает правильную интерпретацию, что обеспечивается общим кодом. Определение отражает процесс (модель) коммуникации, вернее, минимальной единицы – коммуникативного акта, что мы и получим, если выстроим цепочку сем (См. схему № 2).

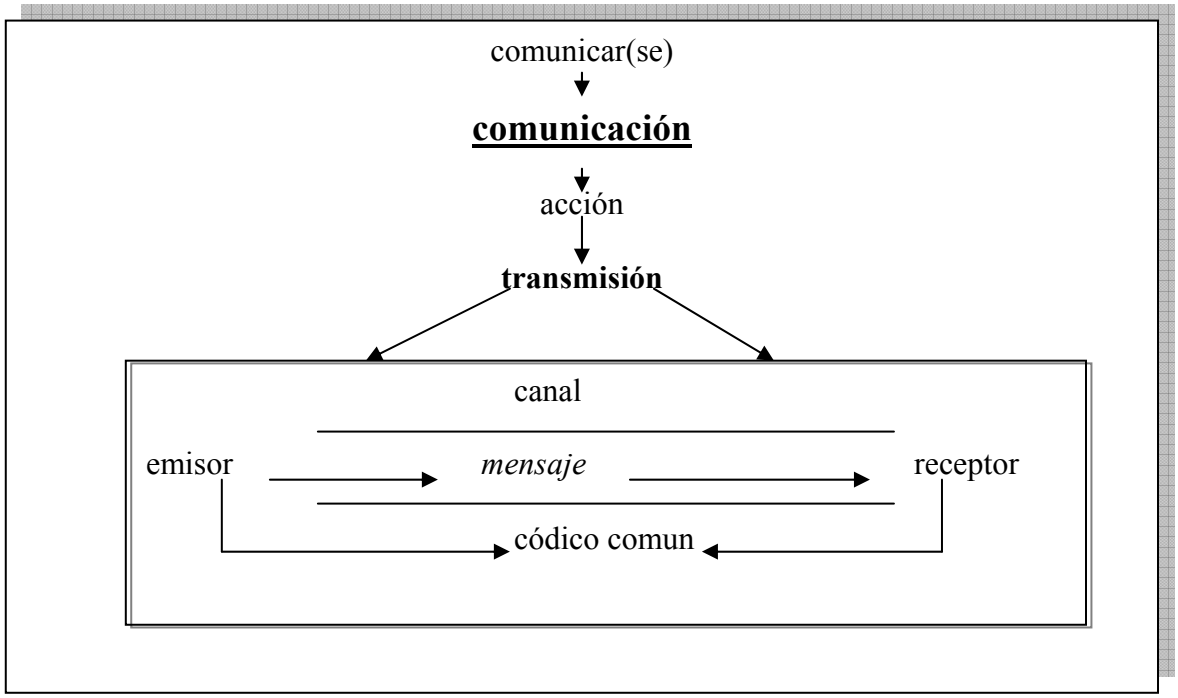


Схема № 2. Дефиниция понятия *comunicación*.

[13] Текст, дискурс, высказывание
[14] Содержание данной коммуникации [DRA].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что понятие *comunicación* образует ядро научного концепта, содержащее такие компоненты, как *acción*, *efecto, transmisión de señales, códico común, emisor, recepto, mensaje, texto, discurso, enuncio*.

Ядро научного концепта «**коммуникация**» отражает ее процесс (модель).

4.1.2. В Большом энциклопедическом словаре «Языкознание» коммуникация определяется как «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д. - специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [Языкознание 1998: 233].

Компонентный анализ данной дефиниции позволил выделить следующие содержательные компоненты:

Коммуникация:

1) относится к взаимодействию людей;
2) является специфической формой;
3) принадлежит познавательно-трудовой деятельности;
4) возможна в процессе;
5) коммуникация как общение;
6) коммуникация как обмен.

В данной дефиниции в качестве ведущего признака определяется принадлежность к познавательно-трудовой деятельности, условием которой является взаимодействие. Специфическая форма, процесс выделены в дефиниции как характеристики коммуникации.

Очевидно, что в основе данного определения лежит философская диалектическая пара: форма и содержание. Коммуникация рассматривается как форма, определяемая через содержание, которым является взаимодействие. Подобное определение возводит понятие *коммуникация* не столько в ранг лингвистический, сколько общефилософский, в его

толковании слова *форма*, *взаимодействие*, *деятельность*, *процесс* осмысляются как некие философские категории.

Выделим основные семы дефиниции как минимальные, предельные единицы плана содержания. К классифицирующим семам отнесем *коммуникация* – ***общение***, *коммуникация* **– *обмен***, *коммуникация* – ***форма***, *коммуникация* – ***взаимодействие,*** *коммуникация* – ***деятельность***.

Общение толкуется как «взаимное сношение, деловая или дружеская связь» [СРЯ 2000: 440], где связь рассматривается как «отношения взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-н.» [Там же: 705]. *Обмен* – от «обменить, -ся и обменять, -ся: взаимно совершить, сделать что-н., что указано существительным» [Там же: 431]. Интересно, что в толковании данных лексем особое место занимает *взаимный* (*взаимно*), «общий для обеих сторон, обоюдный; обусловленный один другим, связанный один с другим» [Там же: 78].

Форма есть «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением» [Там же: 855]. *Деятельность* толкуется через *взаимодействие*: «взаимодействие человека с окружающей действительностью, в процессе которой человек сознательно и целенаправленно изменяет мир» [СМТ 1999: 69]. Деятельность имеет несколько компонентов: *взаимодействие, человек, окружающий мир, целенаправленность, изменение*. Итак, коммуникация как деятельность имеет такие характеристики, как ***сознательность*** (сознательный – «намеренный, совершенный по размышлении, обдуманный» [СРЯ: 744]), ***целенаправленность*** (целенаправленный – «имеющий четко поставленную цель» [Там же: 872]. Анализ дефиниции указывает и на цель коммуникации – изменение мира, который понимается в русской лингвокультуре и как «совокупность всех форм материи в земной и космическом пространстве», и как «Земля, земной шар, а также люди, население земного шара» [Там же: 358], таким образом, коммуникация может протекать как в мире человека,

так и может выходить за его рамки. Взаимодействие указывает на «связь явлений» [Там же: 78].

К характеризующим семам относится и сема ***специфический***. Специфический – «особенный, отличительный, свойственный только данному предмету, явлению» [Там же: 755]. По сути, данная сема не столько характеризующая, сколько уточняющая, конкретизирующая, сужающая. Сема ***процесс*** указывает на динамическое начало коммуникации как деятельности: процесс – «ход, развитие какого-н. явления, последовательная смена состояний в развитии чего-н.» [Там же: 627].

Примененный метод «цепочки» позволяет нам выстроить схему, которая отражает структуру понятия ***коммуникация***; при сопоставлении со структурой понятия ***comunicación*** выделить дифференциальные семы (См. схему № 3)

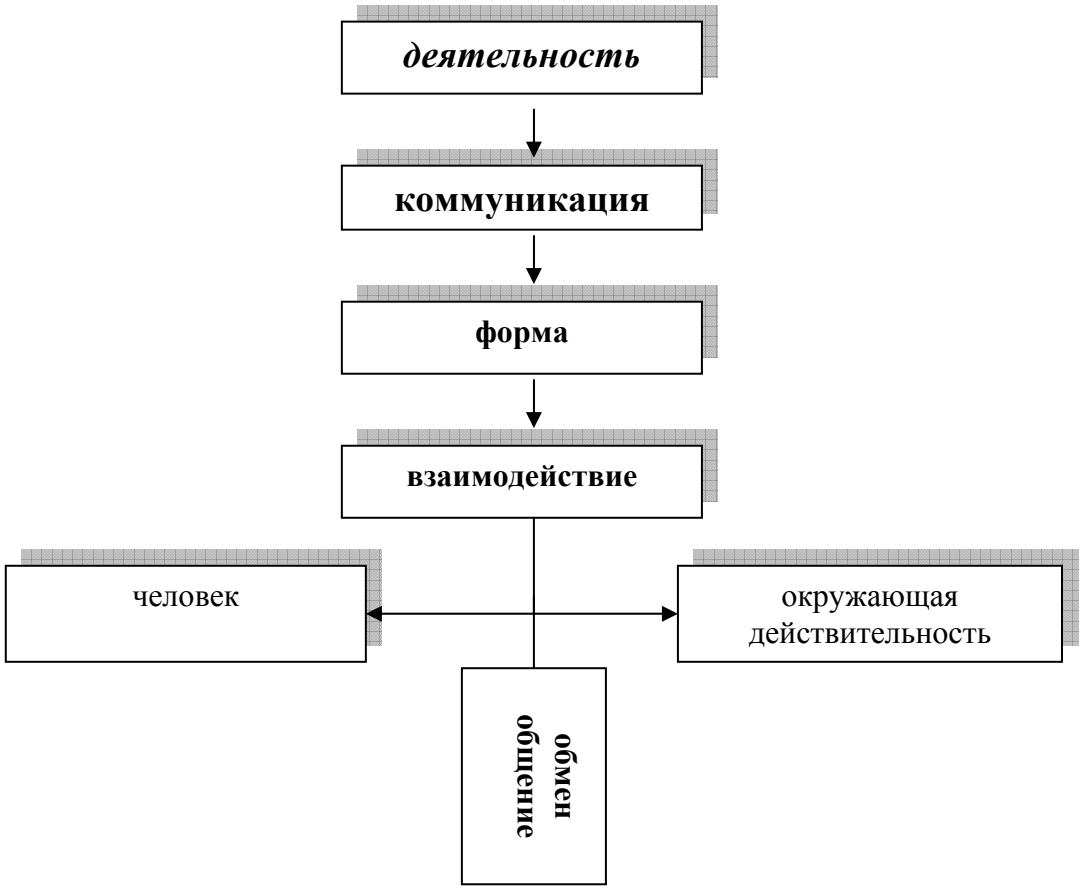


Схема № 3. Дефиниция понятия *коммуникация*.

По сути, перед нами не столько схема понятия коммуникации, сколько схема некой философской концепции. В центре этой схемы находится не сама коммуникация, а деятельность и коммуникация как частное ее проявление (специфическая форма), не человек говорящий или общающийся, а человек деятельный, и коммуникация является лишь частью его деятельности. Человек, вступая в коммуникацию, не преследует конкретную прагматическую, сиюминутную цель, а сознательно и целенаправленно изменяет окружающую действительность, т.е. «мир во всем его многообразии, бытие» [Там же: 157]. Человек, общаясь, воздействует не только на другого человека, а на мир и на человека как его часть.

Таким образом, научное понятие *коммуникация* образует ядро концепта, содержащее такие компоненты, как *общение, обмен, деятельность, специфическая форма, взаимодействие, процесс*, *человек, окружающий мир*.

4.1.3. Сравнение понятий *коммуникация* и *comunicación* позволяет сказать, что ядро научного концепта, вербализованного на русском и испанском языках, составляют разные компоненты: *acción*, *efecto, transmisión de señales, códico común, emisor, recepto, mensaje, texto, discurso, enuncio*, с одной стороны, и *общение, обмен, деятельность, специфическая форма, взаимодействие, процесс*, с другой. На наш взгляд, отличие в составляющих научных понятий, ядра научного концепта «коммуникация», не указывает на отличие в содержании концепта, репрезентирующегося на русском и испанском языках. Определения, заложенные в дефинициях, относятся к разным уровням познания действительности, как на разных уровнях находятся *деятельность* и *действие* (*acción*). Дефиниция на русском языке возводит понятие *коммуникация* в ранг общенаучных понятий, подчеркивается деятельностный характер коммуникации. В дефиниции на испанском языке *comunicación*

рассматривается как конкретное действие, как частное проявление коммуникации как деятельности[15].

Компонентный анализ дефиниций коммуникации на русском и испанском языках позволяет выделить ядро научного концепта «коммуникация» (См. схему № 4).

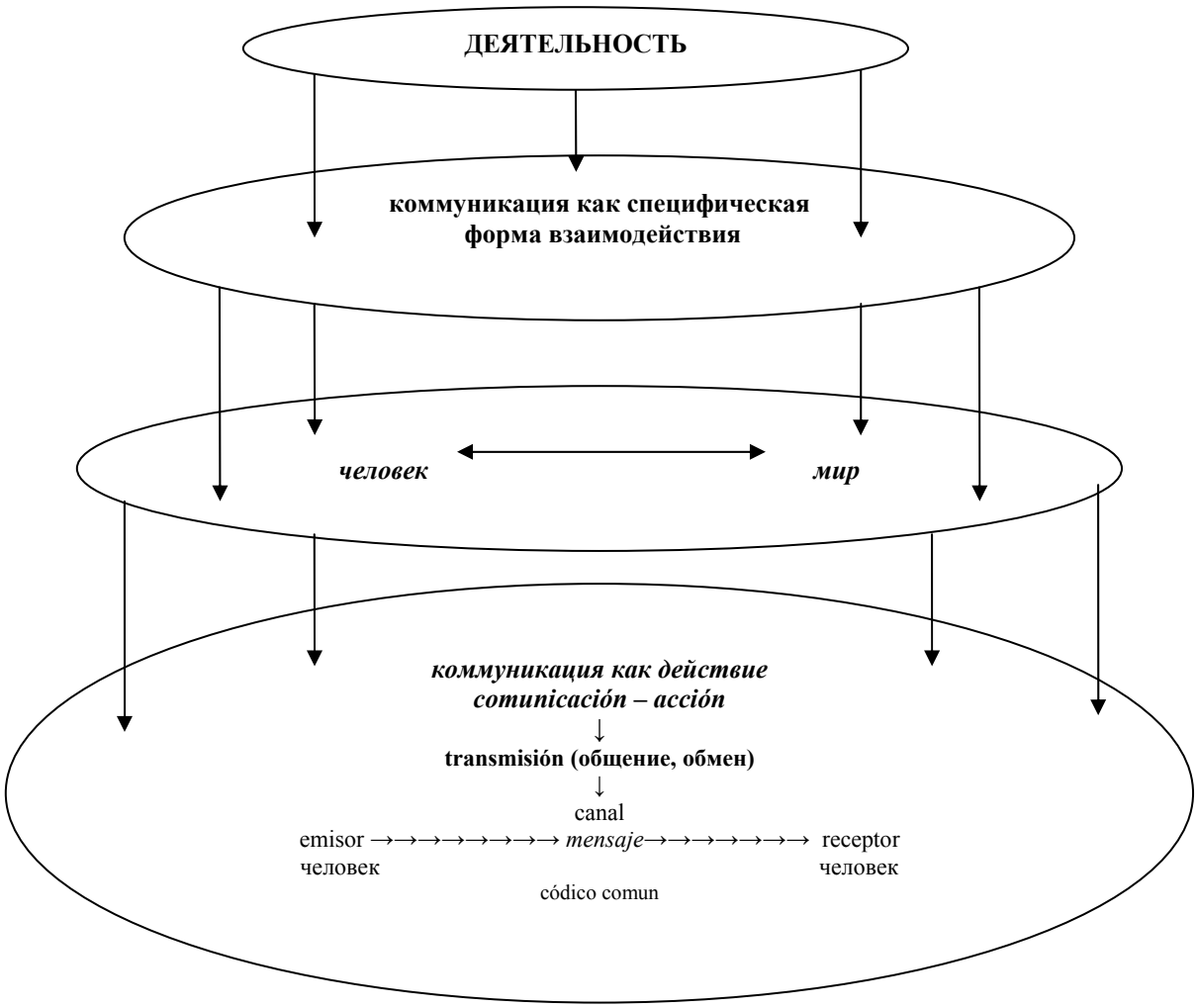


Схема № 4. Ядро научного концепта «коммуникация».

[15] По сути, определение понятия ***коммуникация*** - пример целостного восприятия действительности, синтеза (движения мысли от общего к частному), взаимосвязи разносторонних явлений, стремления к высшим формам опыта.

Определение *comunicación* указывает на такие характеристики научного познания, как линейная логика в описании процесса (*comunicación* является результатом *comunicar*; *acción* – результат *hacer*), четкая категоризация явления, сегментация и узкофрагментарное исследование, анализ.

Данные выводы подтверждаются ранее проведенными исследованиями особенностей русского и западного научного мышления, где, в частности, синтез, целостное восприятие как характерные черты мышления русских противопоставляются рационализму, аналитизму, четкой категоризации в западном типе мышления [Кузьменкова 2005; Лосский 1991; Эрн 2000 и др.].

Таким образом, лексема «comunicación», выступая в роли научного понятия, теряет свою многозначность, семантически сужается, выполняя свое основное предназначение – информацию. «Коммуникация» же расширяет свое значение, отталкивается от познавательно-сообщательной функции.

Расценивая дефиницию как квинтэссенцию того или иного концепта, мы приходим к выводу, что понятие «коммуникация» шире по своему содержанию, чем «comunicación», т.к. коммуникация предполагает не только общение человека с человеком, наоборот, она стремится выйти за рамки человеческого общения. Анализ дефиниции приводит нас к осмыслению коммуникации как взаимодействия «человек – окружающий мир».

Дефиниция на русском языке возводит понятие «коммуникация» в ранг общенаучных понятий, подчеркивается деятельностный характер коммуникации. В дефиниции на испанском языке «comunicación» рассматривается как конкретное действие, как частное проявление коммуникации как деятельности.

Анализ дефиниций на русском и испанском языках понятия «коммуникация» позволил выделить компоненты, составляющие ядро научного концепта «коммуникация»: *деятельность, взаимодействие, человек, окружающий мир, коммуникативное действие, общение, обмен, передача, отправитель, получатель, сообщение, канал, общий код****, в котором подчеркивается деятельностный характер коммуникации и процесс коммуникации как конкретного коммуникативного действия.***

4.2. Общее и специфичное в структуре научного концепта «коммуникация»

Выделим структурные компоненты научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе. Материалом для исследования послужили научно-академические тексты (монографии, статьи, диссертации) отечественных и зарубежных лингвистов на русском, испанском, английском языках[16]. Всего было проанализировано 350 научно-академических текстов на русском, испанском и английском языках.

4.2.1. Методом выборки терминологических единиц выделим языковые репрезентанты, характеризующие научный лингвистический дискурс независимо от его принадлежности к тому или иному языку: русскому, английскому, испанскому. Данные репрезентанты являются единицами метаязыка, «сложного явления, в основе которого, с одной стороны, лежат системные отношения между терминами, с другой – общенаучная лексика, т.е. слова и словосочетания, которые используются при описании разл. аспектов языковедческих исследований» [ЛЭС 1990: 297]. Анализ научно-теоретических текстов[17] показал, что поле «Коммуникация» огромно. В него входят единицы, которые характеризуют и другие научные понятия: ***стиль, жанр, аргументация, нормы речи, красноречие*** и многие другие. Выделим основные, зафиксированные в текстах, посвященных коммуникации как основному предмету исследования, условно назовем их метатерминами: ***диалог, эффективная (успешная) коммуникация, коммуникация вербальная/невербальная, речевой (коммуникативный) акт, иллокуция, перлокуция, коммуниканты, говорящий/слушающий, идеальный говорящий/слушающий), компетенция, компетенция коммуникативная,***

[16] Авторы, название текстов-источников анализа указаны в разделах «Библиография» и «Источники анализа, не вошедшие в раздел «Библиография».

[17] В качестве источников анализа в данном разделе выступили тексты следующих авторов: Дж. Сирля, Дж. Остина, Р.О. Якобсона, Г.П. Грайса, А.Ф. Бахмана, С. Блюм-Кулька, М. Бертучелли. А. Тусона, Ф. Маркоса Марина, А. Олибераса, Н.Д. Арутюновой, Г.В. Кошанского, О.С. Иссерса, Г.В. Елизаровой, Т.Г. Винокур, И.П. Сусова, И.М. Кобозевой.

намерение, сообщение, текст, дискурс, речевое (коммуникативное) действие, речевая (коммуникативная) ситуация, речевое (коммуникативное) поведение, речевое (коммуникативное) взаимодействие, речевое воздействие, коммуникативное пространство, коммуникативный контакт, межкультурная коммуникация, персональная коммуникация, межличностная коммуникация, коммуникация СМИ, культурный шок, культура, недопонимание, коммуникативная неудача, коммуникативный шум, коммуникативные помехи, тактики, стратегии, сферы общения, темы общения, контекст, компетенция, коммуникативные постулаты, код, высказывание, постулаты речевого общения *и другие.*

Данные репрезентанты вступают в определенные смысловые отношения.

Основной единицей коммуникации является речевой (коммуникативный) акт, целенаправленное речевое действие, которое совершается в соответствии с правилами речевого поведения, принятыми в каком-либо лингвокультурном сообществе. Речевой акт отличается интенциональностью, целеустремленностью.

В речевом (коммуникативном) акте участвуют говорящий (отправитель, адресант) и слушающий (получатель, адресат). Адресант (говорящий), имея определенное коммуникативное намерение, выстраивает текст во внутренней речи, затем при переводе во внешнюю речь кодирует в звуки и вступает во взаимодействие с адресатом, отправляя сообщение. Адресат (слушающий), воспринимая поступающий сигнал, декодирует его и распознает смысл высказывания (сообщения, текста).

Адресант может воздействовать на поведение или сознание адресата. Коммуникация будет успешной, если соотносится цель и ожидания говорящего с целями и ожиданиями слушающего, точно понимаются речевые и прагматические характеристики отправителя и получателя в определенной коммуникативной ситуации. Общение может быть

эффективным, если иллокуция соответствует перлокуции: говорящий спрашивает – слушающий может и хочет ответить, говорящий информирует – слушающий нуждается в информации. Если же гармония иллокуции и перлокуции разрушена, коммуникативный успех невозможен.

Важным прагматическим фактором является коммуникативная ситуация, возникающая в различных коммуникативных сферах. Коммуникативная ситуация определяется коммуникативной задачей, реализуя которую коммуниканты должны выполнить комплекс речевых действий; коммуникативные задачи определяют и темы текстов.

В научном лингвистическом дискурсе ситуации описываются с точки зрения:

- места, в котором возникла ситуация;
- социальных коллективов;
- действующих лиц и обстановки;
- выполняемых действий;
- реализуемых типов текстов.

Адресант и адресат выступают в коммуникации как носители определенных социальных ролей и функций, определенной культуры, обладают речевыми навыками, знаниями и представлениями о мире – компетенциями. Компетенции коммуникантов являются залогом успешной коммуникации.

Причиной неэффективной коммуникации могут являться коммуникативные неудачи, невозможность достичь тех целей и реализовать те ожидания, с которыми коммуниканты вступали в коммуникацию. Содержание коммуникативных неудач многообразно: непонимание или неверное понимание одним участником общения другого, отсутствие прогнозируемой реакции (или негативная реакция) со стороны собеседника, изменение когнитивного или эмоционального состояния у адресата в нежелательном для адресанта направлении, создание ошибочного «образа» партнера и т.д.

К причинам несостоявшейся коммуникации относятся и коммуникативные помехи: социальные, ментальные, ситуационные, помехи канала, поведенческие, пресуппозиционные и другие.

В поле «коммуникации» мы выделяем и постулаты речевого общения, которые представлены в четырех категориях: Количества, Качества, Отношения, Способа.

Коммуникативные цели могут быть достигнуты мимикой, жестами, что составляет невербальную коммуникацию, которая вместе с вербальной рассматривается как виды коммуникации. Коммуникация может быть и групповой, межличностной, персональной, межкультурной.

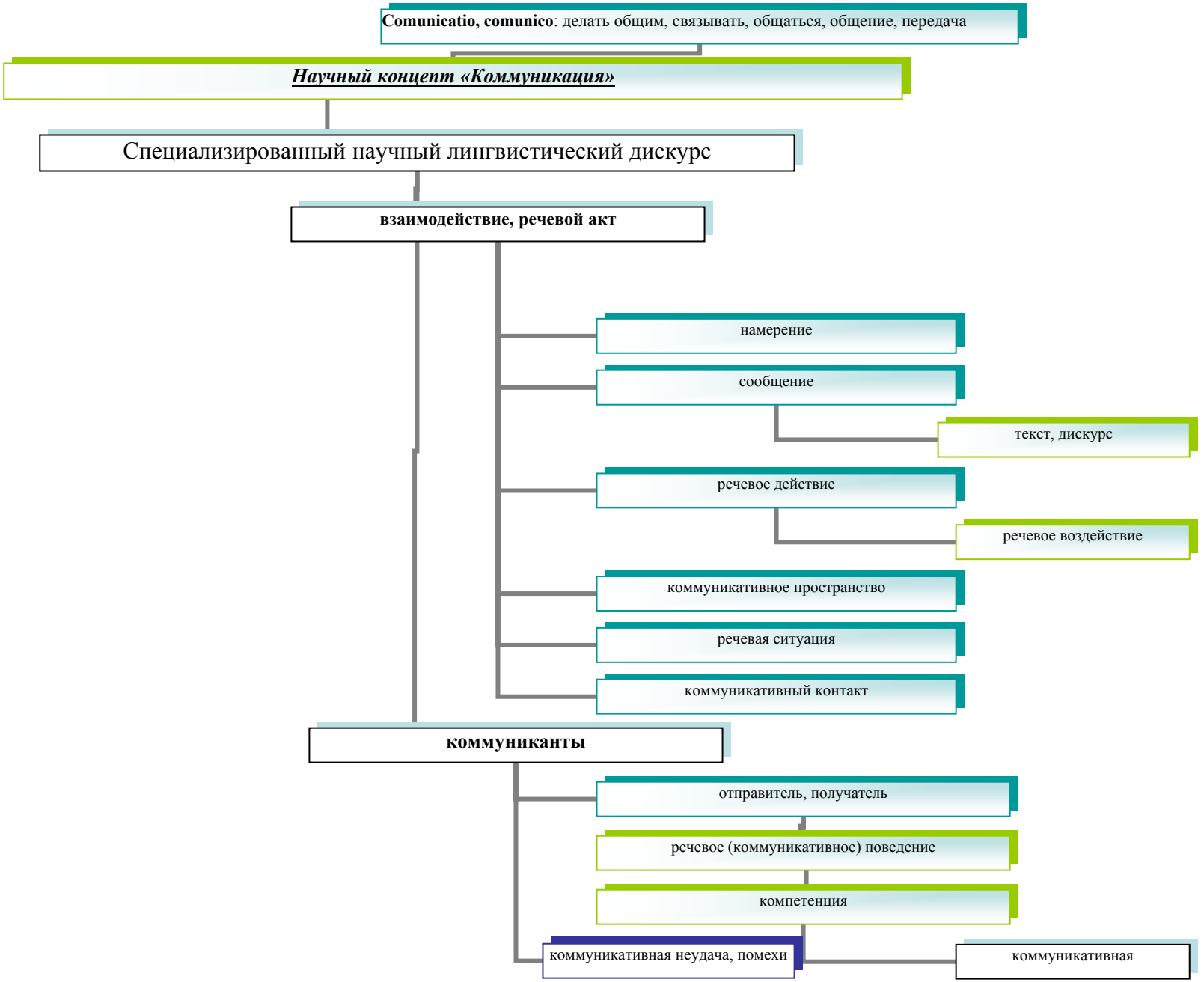
Выделенные нами компоненты, несомненно, отражают универсальное знание о человеческой коммуникации, составляют универсальный инвариант лингвистической частнонаучной картины мира. За каждым метатермином находятся понятия, раскрывающие суть содержания концепта «коммуникация» и составляющие его приядерную зону.

Анализ данных языковых репрезентаций позволяет сказать, что единицы поля «коммуникация» логически делятся на две группы: первую, основную группу составляют единицы, характеризующие коммуникацию как процесс: ***взаимодействие, речевой акт, воздействие, коммуникативное пространство*** и др.; во вторую группу входят те, которые можно объединить как «человек-коммуникант»: ***коммуниканты, адресант, адресат, говорящий, слушающий, отправитель, получатель, компетенция, (речевое) коммуникативное поведение*** и др., при этом следует отметить, что они характеризуют человека по его роли, функции в коммуникавном процесс, являются его частью (См. схему № 5 «Поле научного концепта «коммуникация»).

С целью выявления компонентов, составляющих периферию исследуемого концепта, рассмотрим особенности языковой репрезентации научного концепта «коммуникация», вербализованного средствами

национального языка, в частности, русского и испанского. Материалом для анализа послужили научно-теоретические тексты отечественных и испанских лингвистов, носителей русской и испанской лингвокультур.

4.2.2. В ходе анализа научно-теоретических текстов на русском языке были выделены следующие репрезентанты концепта «коммуникация»: *общение, диалог, речевой акт, коммуникант, намерение, отправитель (адресант), получатель (адресат), сообщение, текст, дискурс, речевое действие, речевая ситуация, коммуникация вербальная и невербальная, речевое поведение, коммуникативное поведение, речевое воздействие, речевое взаимодействие, коммуникативное пространство, коммуникативный контакт, коммуникативная неудача, лингвокультурная общность, компетенция, компетенция коммуникативная и компетенция лингвокультурологическая, межкультурная коммуникация, национальная культура, языковая картина мира, концепт, коммуникативная категория, лингвокультурема, лингвоэпистема, культурные шок, коммуникативный шок, коммуникативное сознание, коммуникативный признак, коммуникативный факт, коммуникативный фактор, аспект коммуникативного поведения, коммуникативное сознание, продуктивное и рецептивное коммуникативное поведение, коммуникативные табу, коммуникативные императивы, коммуникативные допущения, носитель языка и культуры, языковая личность, говорящий, идеальный говорящий / слушающий, национальный характер, молчание, категория авторитетности* и др. Всего было выделено 198 единиц (См. приложение № 1/1).


Comunicatio, comunico: делать общим, связывать, общаться, общение, передача
Научный концепт «Коммуникация»
Специализированный научный лингвистический дискурс
взаимодействие, речевой акт
намерение
сообщение
текст, дискурс
речевое действие
речевое воздействие
коммуникативное пространство
речевая ситуация
коммуникативный контакт
коммуниканты
отправитель, получатель
речевое (коммуникативное) поведение
компетенция
коммуникативная неудача, помехи
коммуникативная

В ходе анализа научно-академических текстов на испанском языке, посвященных comunicación, было выделено 199 языковых единиц, являющихся репрезентантами концепта «коммуникация» в испанском научном лингвистическом дискурсе: *comunicación intercultural, interculturalidad, interacciones intraculturales, intercultirales, transculturales, relativismo cultural, cortesía, comunicación virtual, comunicación de inmigrantes, acto de habla, participantes, mensaje, intención, emisor, receptor, discurso, situación, influencia, interacción, cultura, uso de la lengua, malentendidos, mediador cultural, petición, contacto pluricultural, contacto intercultural, contacto multicultural, contacto plurilengua, multilengua, multiculturalidad, multiculturalismo, multilingüísmo, pluriculturalidad, plurilingüísmo, universalismo cultural, transcultural, transcultura, transculturalidad, aculturación, deculturación, interlengua, universalismo cultural, autodescubrimiento, competencia, comparación no valorativa, identidad cultural, choque cultural, interpretación, comunicación eficaz, relativismo lingüístico, transmisión, efecto de comunicación, acción, tolerancia, imagen pública, prestigio social* и др. (См. приложение № 1/2). Общими единицами являются следующие (См. схему № 6):

диалог (diálogo), эффективная коммуникация (comunicación eficaz), коммуникация вербальная/невербальная (comunicación verbal/no-verbal), речевой (коммуникативный) акт (acto de habla), коммуниканты (participantes), отправитель (адресант)(emisor), получатель (адресат)(receptor), говорящий / слушающий (hablante/oyente), идеальный говорящий / слушающий (hablante/oyente ideal), компетенция (competencia), компетенция коммуникативная (competencia comunicativa), намерение (intención), сообщение (mensaje), текст (texto), дискурс (discurso), речевое (коммуникативное) действие (acción), речевая (коммуникативная) ситуация (situación), речевое (коммуникативное) поведение (comportamiento verbal (comunicativo)), речевое (коммуникативное) взаимодействие (interacción), речевое воздействие (influencia), коммуникативное пространство (espacio comunicativo), коммуникативный контакт (contacto comunicativo), межкультурная коммуникация (comunicación intercultural), культурный шок (choque cultural), культура (cultura), недопонимание (malentendidos), тактики (tácticas), стратегии(estrategias) *и другие*

Схема № 6. Общее в структуре концепта «коммуникация», вербализованного в испанском и русском научном лингвистическом дискурсе.

Выделим единицы, являющиеся характерными для репрезентации концепта «коммуникация» в русском или испанском специализированном научном лингвистическом дискурсе:

Репрезентанты научного концепта «коммуникация» в русском научном лингвистическом дискурсе	*Репрезентанты научного концепта «коммуникация» в испанском лингвистическом научном дискурсе*
лингвокультурная общность, компетенция лингвокультурологическая, национальная культура, языковая картина мира, концепт, коммуникативная категория, лингвокультурема, лингвоэпистема, культурный шок, коммуникативный шок, коммуникативное сознание, коммуникативный признак, коммуникативный факт, коммуникативный фактор, аспект коммуникативного поведения, коммуникативное сознание, продуктивное и рецептивное коммуникативное поведение, коммуникативные табу, коммуникативные императивы, коммуникативные допущения, носитель языка и культуры, языковая личность, говорящий, идеальный говорящий / слушающий, национальный характер, молчание, категория авторитетности и др.	***interculturalidad, interacciones intraculturales, interculturales, transculturales, comunicación virtual, comunicación de inmigrantes, mediador cultural, contacto pluricultural, contacto intercultural, contacto multicultural, contacto plurilengua, multilengua, multiculturalidad, multiculturalismo, multilingüísmo, pluriculturalidad, plurilingüísmo, universalismo cultural, transcultural, transcultura, transculturalidad, aculturación, deculturación, interlengua, universalismo cultural, autodescubrimiento, comparación no valorativa, imagen pública, prestigio social и др.***

Схема № 7. Репрезентанты концепта «коммуникация» в русском или испанском специализированном научном лингвистическом дискурсе.

Выделение структурных компонентов научного концепта «коммуникация» в научном лингвистическом дискурсе позволило найти общее, отражающее универсальное научное знание, и специфичное. Общее составляет 74, 6 %; специфичное, т.е. особенное, отличительное, свойственное только определенному лингвокультурному научному сообществу, – 25, 4 %. Следует отметить, что общими компонентами, характеризующими репрезентацию концепта «коммуникация» как на

русском, так и на испанском языках, являются те, которые характеризуют процесс коммуникации: *отправитель (emisor), получатель (receptor), сообщение (mensaje), коммуникативное пространство (espacio comunicativo)* и т.д., полностью соотносятся с метатерминами, что еще раз подтверждает мысль об универсальном в научном знании о человеческой коммуникации.

Языковые репрезентанты, составляющие специфичное, в основном указывают на характеристики человека говорящего: его культуру, ценности, жизненные позиции (*национальная культура, языковая картина мира, концепт, лингвокультурема, лингвоэпистема, mediador cultural, interculturalidad, autodescubrimiento, comparación no valorativa* и др.)

Таким образом, в структуре научного концепта «коммуникация» выделяется ядро с такими компонентами, как *деятельность, взаимодействие, человек, окружающий мир, коммуникативное действие, общение, обмен, передача, отправитель, получатель, сообщение, канал, общий код***,** в котором подчеркивается деятельностный характер коммуникации и процесс коммуникации как конкретное коммуникативное действие.

Приядерную зону составляют репрезентанты, раскрывающие суть содержания концепта «коммуникация», общие для многих научных лингвокультурных систем: *диалог, эффективная (успешная) коммуникация, коммуникация вербальная/невербальная, речевой (коммуникативный) акт, иллокуция, перлокуция, коммуниканты, говорящий/слушающий, компетенция* и др.

На периферии исследуемого концепта находятся те языковые репрезентанты, которые характеризуют определенный научный лингвистический дискурс (в нашем случае - русский и испанский) и отражают специфичное в научном знании (См. схему № 8).

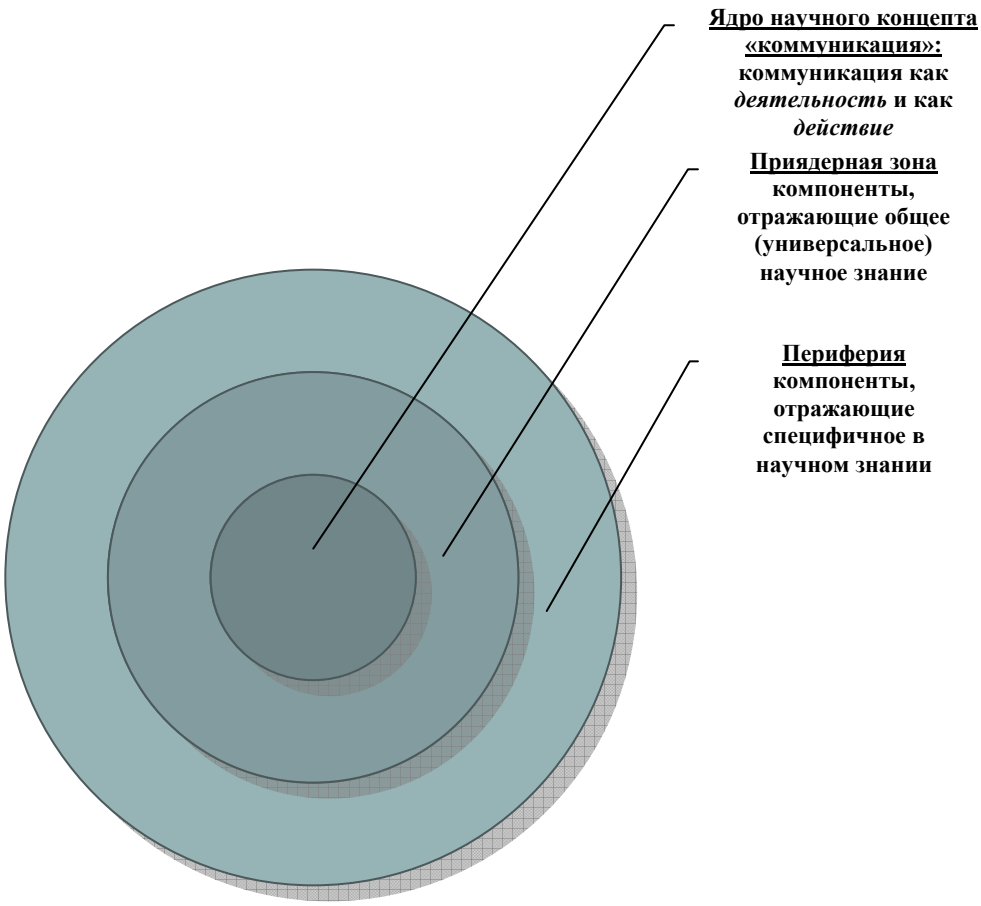


Схема № 8. Общее и специфичное в структуре научного концепта.

Остановимся более подробно на содержании компонентов научного концепта «коммуникация», что позволит определить его смысловой объем и выделить факторы, под воздействием которых формируется специфичное в структуре и содержании исследуемого концепта.

4.3. Влияние языковой картины мира на содержание научного концепта «коммуникация»

Общее в структуре научного концепта «коммуникация» отражает единый для всех лингвокультурных научных сообществ содержательный инвариант в научной картине мира. Данный инвариант получает в каждом национальном языке национальную форму выражения посредством формирования национальной терминологии на родном языке ученых-носителей той или иной лингвокультуры. Рассмотрим, изменяется ли (адаптируется) содержание универсального знания, вербализуясь в научном концепте средствами национального языка.

Материалом для исследования послужили данные академических и толковых словарей на русском и испанском языках, опрос респондентов-лингвистов, носителей русской и испанской лингвокультур, анкетирование носителей русского и испанского обыденного языкового сознания (всего 200 чел.).

При интервьюировании респондентов-лингвистов просили объяснить, как они понимают процесс коммуникации, каковы цели говорящего и слушающего, особенности их коммуникативных установок, отличие в речевом поведении и т.д., как они понимают содержание той или иной категории коммуникативной лингвистики (*воздействие, взаимодействие, коммуникативное пространство; influencia, interacción, espacio comunicativo*). При интервьюировании респондентов-носителей обыденного испанского и русского языкового сознания акцент был сделан на те ассоциативные связи, которые возникают у них в связи с *воздействием, влиянием, influencia*.

4.3.1. В модели коммуникации особое место занимает влияние говорящего на слушающего, обозначенное в лингвистическом дискурсе

терминами *influence (англ.)*, *influsso (итал.)*, *influence (фран.)*, *influencia (испан.)*, *воздействие (рус.) и* т.д.

В основе терминообозначения данного процесса в испанской лингвистике лежит лексема *influencia,* которая обозначает «poder de una persona o cosa para determinar o alterar de pensar o de actuar de alguien»[18] [RAE].

Influencia употребляется в контексте: *influir para el resultado*[19]*, dejarse influir por uno*[20]*, tener una influencia sobre alguien*[21]*; recurrir una influencia para coseguir (un concierto)*[22]*, caer bajo la influenci, dejarse influir*[23].

Influencia имеет синонимом *ascendiente* (старший родственник, влияние, моральное превосходство); *influir* (влиять) - *ejercer (tener) ascendiente sobre uno* (оказывать влияние на кого-либо).

Интересно, что целью *Influencia* является *результат, согласие, гармония*. *Influencia* с силой, давлением имеет в испанской языковой картине мира особую номинацию - *emplear la fuerza, forzar*, также имеющие значения *воздействовать*, *брать силой*, *заставлять*, *вынуждать, принуждать, взламывать, насиловать*.

Опрос носителей испанской лингвокультуры показал, что *influencia* соотносится у них с *достижением результата, уважением, признанием прав и интересов другого, результатом, согласием, толерантностью* (См. приложение № 2).

Influencia может быть позитивной и негативной по отношению к тому, на кого она направлена: *influencia buena, mala*.

Носители испанской научной мысли описывают акт коммуникации с помощью таких выражений, как «*Влияя, говорящий желает, чтобы его сообщение поняли и интерпретировали правильно», «Говорящий и слушающий выступают как партнеры», «Отправитель пытается влиять на получателя», «Говорящий, как бы ни хотел добиться своей цели, уважает*

[18] «Влияние человека или вещи с целью принуждения или изменения в образе мысли или действиях кого-то»
[19] Влиять с целью получения результата.
[20] Испытывать чье-либо влияние.
[21] Иметь влияние на кого-то.
[22] Прибегать к влиянию с целью достижения чего-либо, с целью согласия или гармонии.
[23] Поддаться влиянию, попасть под влияние.

слушающего», «Прагматика испанскими учеными трактуется как наука, думающая о собеседнике», «Равенство позиций говорящего и слушающего объясняется тем, что слушающий стремится стать говорящим, поэтому говорящий только пытается влиять» (См. приложение № 2):

На русский язык *influencia* переводится как «влияние» и «воздействие». В основе терминообозначения процесса влияния говорящего на слушающего при коммуникации лежит лексема *воздействие*. Само слово «воздействие» лакунарно для испанской языковой картины мира: его значение передается либо *influencia*, либо *emplear la fuerza,* либо *forzar*. Лексема *воздействие* толкуется через *воздействовать*, т.е. «оказав влияние, добиться необходимого результата» [СРЯ 2000: 92]. *Влияние* рассматривается как синоним *воздействия*, но в дефиниции данной лексемы отсутствуют семы *добиться*, *результат*: «действие, оказываемое кем-чем-н. на кого-что-н.» [Там же: 86].

Влияние может быть *благотворным, чужим, хорошим, плохим, негативным, сильным*; *влияние* можно *испытать, оказывать, поддаться влиянию, попасть под влияние, пользоваться влиянием*. *Воздействие* же может быть *физическим*, *негативным…;* невозможно *воздействие благотворное*.

В Русском ассоциативном словаре зафиксированы следующие реакции: «влияние – сфера 8; зона, фактор 1; 10 + 3» [40], «влиять – может, факт 1; 2 + 2» [Там же], воздействие же ассоциируется у носителей русского языка с противодействием [Там же: 45].

Опрос носителей русской лингвокультуры показал, что *влиять* звучит более мягко для респондентов, чем *воздействовать*; *влияние* предполагает косвенное, непрямое действие, направленное на кого-либо. *Воздействие* же всегда связано с получением конкретного результата. *Воздействовать* объясняется через *заставлять*, *добиваться*, *изменять*, *давить*, *вступать в непосредственный контакт*. Для респондентов *влияние* может быть

хорошим, *плохим*, *благотворным*, *дурным*… *Воздействие* же, как правило, имеет негативную коннотацию.

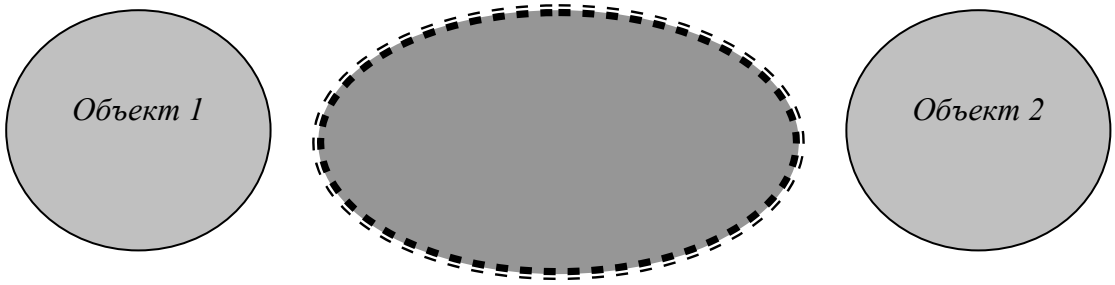
Описывая акт коммуникации, носители российской научной мысли всегда употребляют слово «воздействовать»: «*адресант воздействует на адресат», «говорящий воздействует в процессе коммуникации на слушающего с целью …», «воздействуя, говорящий хочет добиться результата*» (См. приложение № 2).

Воздействие напрямую связано с понятием *взаимодействие*, имеющим соответствие в испанском лингвистическом дискурсе – *interacción*.

Взаимодействие и *interacción* для носителей русского и испанского языков имеют разные смысловые оттенки. Часть сложного слова *взаимо-* имеет значение «общее для обеих сторон, обоюдное» [Там же: 78]. В испанском языке элемент, эквивалентный *взаимо-*, отсутствует. Респонденты предлагают переводить слова типа *взаимопомощь*, *взаимоотношения* как *ayuda* (*помощь*), *relaciones* (*отношения*), либо с помощью контекста, либо с приставкой *inter-*. *Inter-* имеет точное соответствие в русском языке - *меж*, *между*, понимаемое носителями русского языка как положение предмета, лица посередине, среди кого-нибудь, чего-нибудь.

Отличие *взаимо* – от *между* показано на схеме № 9:

- ***между***



- ***взаимо-***

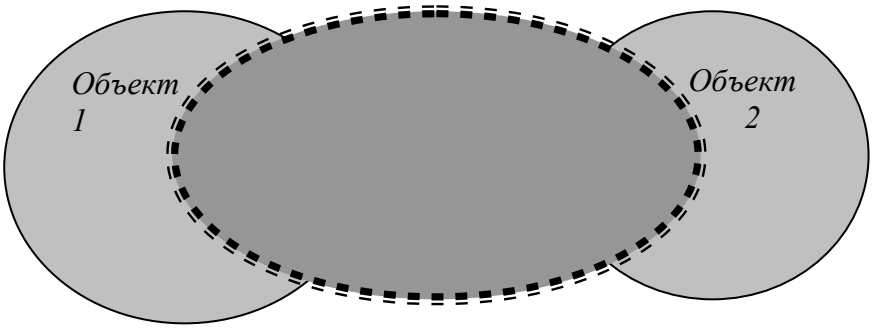


Схема № 9. Отличие *между* и *взаимо-* в русском языке.

В понимании респондентов – специалистов в области русского языка, взаимодействуя, коммуниканты создают пространство, общее для обеих сторон.

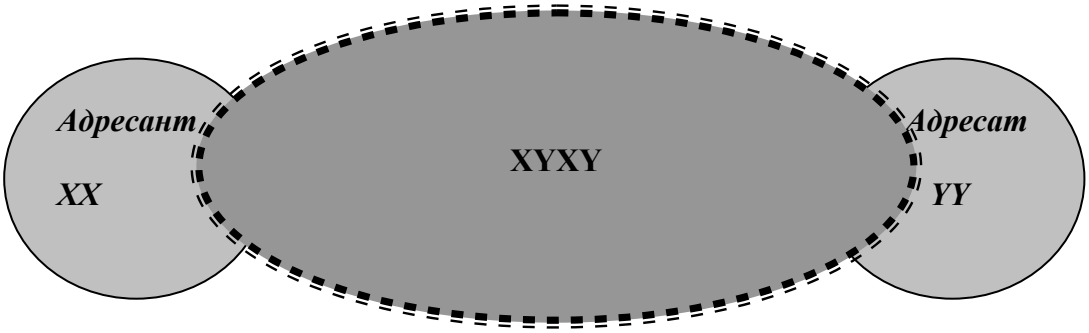


Схема № 10. Коммуникативное пространство в понимании российских исследователей.

Совершенно по-иному представляют *interacción* испанские респонденты.

Interacción для испанских респондентов имеет и отрицательную коннотацию. Например, тогда, когда они употребляют данное слово в значении «столкновение»: *interacción de intereses*[24]. В понятие *interacción* входят две составляющие: *действие* и *между*. Интересно объяснение данного понятия испанцами через другое - *interacción de fuerzaz*[25]. *Interacción de fuerzaz* употребляют, когда говорят о нескольких силах, действующих на

[24] Столкновение интересов.
[25] Взаимодействие (столкновение) сил.

один объект. В результате силы аннулируются, и создается совершенно новая сила с новыми характеристиками.

Подобным образом респонденты – специалисты в области испанского языка, носители испанской лингвокультуры видят механизм коммуникации. Во время *interacción* каждый коммуникант имеет некий прагматический интерес, который направлен на другого коммуниканта. «Каждый получатель стремится стать отправителем». В результате столкновения этих интересов образуется новое пространство с новыми характеристиками, не затрагивающее пространство получателя и отправителя (См. схему № 11).

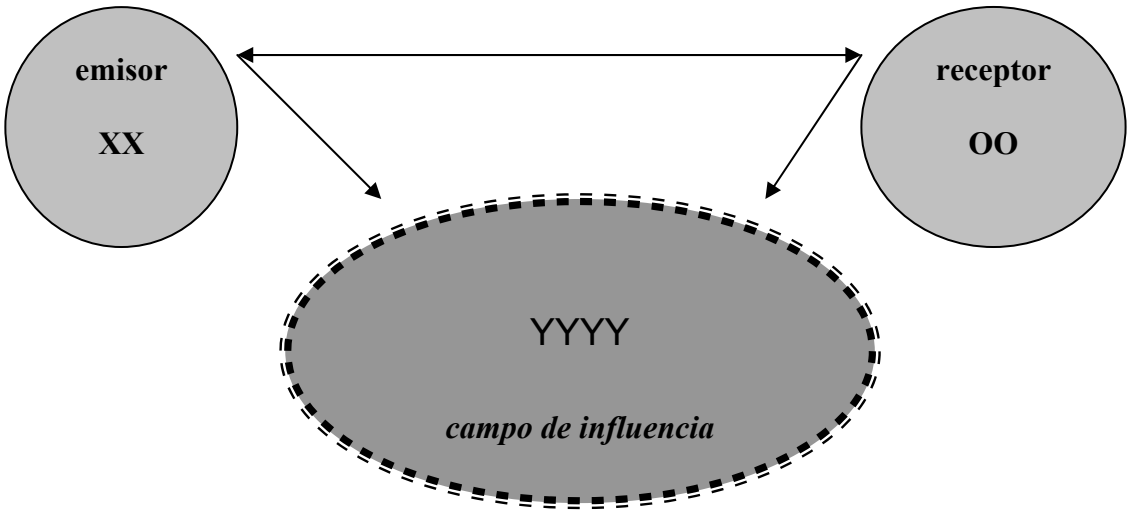


Схема № 11. Коммуникативное пространство в понимании испанских исследователей.

Для обозначения этого нового пространства испанские респонденты применяют понятие *campo de influencia*[26], которое образуется только на время коммуникативного контакта (contacto).

Рассмотрим, детерминировано ли лингвистическое понимание понятий *пространство* и *espacio* особенностями русской и испанской этнолингвокультур.

[26] Поле влияния.

4.3.2. Сопоставим концепты **пространство** и **espacio** в русской и испанской лингвокультурах.

Если пространство для русского человека безгранично, то для испанца оно предельно. Испанец четко различает пространство личное и общественное. В случае вторжения в личное пространство испанец может сказать *Esto es mi espacio, eso es tu espacio*[27]. При этом испанские коллеги подчеркивают вербальный характер вторжения. Если двоекратный поцелуй при встрече рассматривается ими как элемент речевого этикета, частые похлопывания, объятия - характеристики речевого поведения, то вопросы типа *куда ты идешь* или *почему* на реплику *я не пойду в кино*, совет и тому подобное является для них прямым вторжением в личное пространство.

Пространство в русском языке всегда связано с идеей упорядоченности. В испанском языке *espacio* обозначает и пространство, и космос. И испанское, и русское понятия ассоциируются у носителей с гармонией и миропорядком. Если в испанской культуре не упорядочен человеком только хаос, то в русской культуре есть просторы – открытое пространство, свободное, где легко дышится, ничто не давит, ничто не стесняет, есть где разгуляться [Более подробно: Шмелев 2002]. *Espacio* не только упорядочено, оно предельно, замкнуто, обозначает часть чего-то и всегда принадлежит кому-то: «Espacio – 1) contienes de todos los objetos sensibles que existen; 2) parte de este continente que ocupa cada objeto sensible; 3) capacidad de terreno, sitio o lugar» [DRA]. В этом значении оно практически ничем не отличается от пространства, но есть одна существенная разница. В русской культуре пространством, миром, где царит порядок, владеет обязательно род или община, некая совокупность – МЫ. В испанском же языке четко разделено пространство вообще и личное пространство: *espacio público* противопоставлено *mi espacio*. Русский человек не испытывает потребности в личном пространстве как таковом, для него важнее простор и воля. Только на просторе человек может достичь покоя и быть самим собой.

[27] Это мое пространство - это твое пространство.

Русский язык отмечен существованием таких слов, как приволье, раздолье, предполагающих свободу действия, исполнение любых желаний человека. У испанцев нет такой потребности в просторе, где человек находится один на один с собой. Для них важнее личное пространство – mi espacio. Личное пространство как категория только формируется в русском языке, причем это происходит пока только на уровне языка, а не на уровне речи. Для русского человека личное пространство скорее окрашено негативно, чем нейтрально. В испанской культуре абсолютно нормальным считается ситуация, когда человек сигналит о вторжении в его личное пространство: *Esto es mi espacio, y esto es tu espacio*[28]. В этом отношении испанская культура противопоставлена русской как культура, которая предпочитает личное пространство общественному. Любое вторжение в личное пространство оценивается испанцами негативно. Причем подчеркивается вербальный характер вторжения. В некоторых работах российских и зарубежных исследователей чувство пространства часто приравнивается дистанции общения либо они рассматриваются как взаимозависимые. Испанская культура характеризуется короткой дистанцией общения, допускаются прикосновения, общение сопровождается частыми похлопываниями. Испанский этикет предполагает объятия и поцелуи при встрече и знакомстве. Но при этом испанцы очень чувствительны к вербальному вторжению в их личное пространство. Этот вопрос достаточно широко рассматривается в научно-исследовательской литературе: например, именно как вторжение испанцы расценивают вопрос *куда ты идешь*, *у тебя есть дети* (*муж, семья*), вопросы о зарплате, успехах на работе и т.п. Недопустимыми считаются попытки регулировать поведение собеседника, а именно, давать советы, указания, делать замечания, предъявлять претензии; все это расценивается как вмешательство в личные дела другого. Интересно, что русская культура отличается разнообразием конструкций, относящихся к речевому акту замечания, совета, указания, в отличие от испанского языка.

[28] Это мое пространство – это твое пространство.

Обратимся еще к одному аспекту проблемы. Культурная детерминанта ***пространство*** включает в себя и отношение к свободе. В испанском языке *libertad* определяется как естественная потребность человека совершать то или иное действие либо не совершать его, но в том и другом случае он несет ответственность за свой выбор [DRA]. Русское слово *свобода* имеет несколько значений: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития общества и природы; отсутствие значений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь, деятельность какого-нибудь класса, всего общества или его членов и др. Свобода связана с нормой, законом, правом. Как отмечает А.Д.Шмелев, свобода означает мое право делать то, что мне представляется желательным, но это мое право ограничивается правами других людей [Шмелев 2002]. Вместе с тем имеется русское слово *воля*, которое переводится на испанский язык и как *libertad*, и как *voluntad*. *Voluntad* – это порыв души, который позволяет делать или не делать какие-либо вещи [DBE: 679]. Понятие *voluntad* сводится к концепту *я хочу*, *я желаю*. В понятие *voluntad* не заложено то, что заложено в русском: воля как абсолютное отсутствие границ, ограничений, непредсказуемое отклонение от нормы. Русская душа просит воли, а не свободы.

Представляется также интересным, что в русском языке *чувство* – достаточно значимое понятие: *глубина чувств*, *искренность чувств*, *сильное чувство*. Русский не скажет *дать свободу чувствам*, только *дать волю*. Для нас этот момент значим, потому что испанцы, как и русские, очень эмоциональны, часто открыто проявляют свои чувства, но 1) проявление эмоций и чувств в испанской культуре ограничено: выделяются ситуации, где это возможно, а где – нет; определяются собеседники, при которых возможно показать свои чувства, при которых – нет; кто может вообще вести себя искренне (например, дети); 2) эмоциональность и искренность не являются ценностными установками культуры. Испанцы могут позволить

себе эмоциональное поведение, кстати чаще, чем русские, открыто выражают чувства, но такое поведение ограничено условиями и ситуациями, они не ожидают от собеседника сочувствия, сопереживания, выражение чувства подобно информированию.

На наш взгляд, очевидна детерминированность содержания лингвистических понятий *коммуникативное пространство (espacio comunicativo)* содержанием ключевых концептов русской и испанской языковых картин мира **пространство** и **espacio**. Ценности, зафиксированные в языковых картина мира, обусловливают и особенности коммуникативного поведения носителей русской и испанской лингвокультур.

Таким образом, вербализуясь в частнонаучной лингвистической картине мира средствами национального языка, научный концепт расширяет свой смысловой объем за счет смысла, вкладываемого носителями научного сознания, представителями различных лингвокультурных сообществ. Рассмотрим данный процесс на примере компонента «коммуникативное пространство» (См. схему № 12).

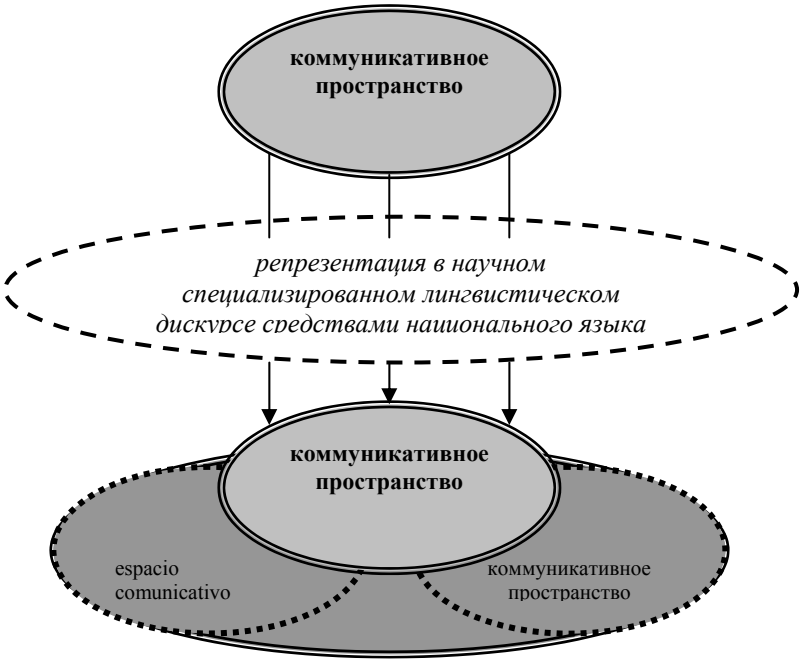


Схема № 12. Расширение смыслового объема понятия в процессе вербализации средствами национального языка.

Таким образом, в структуре научного концепта «коммуникация» выделяются компоненты, отражающие универсальное знание (в частности, процесс человеческой коммуникации) и характеризующие различные научные системы, например, «influence» (англ.), «influsso» (итал.), «influence» (фран.), «influencia» (испан.), «воздействие» (рус.). На процесс их терминообозначения и смысловой объем оказывает влияние языковая картина мира: из средств национального языка выбираются те, которые максимально отражают содержание концепта, обусловленного особенностями той или иной лингвокультуры.

4.4. Роль культуроспецифических особенностей в формировании научного концепта «коммуникация»

4.4.1. Коммуникация культурно обусловлена, детерминирована этнолингвокультурой коммуникантов [Стернин 1996; Тхорик 2005; Язык. Культура. Этнос 1996]. С целью ответа на вопрос, насколько влияет культура общения на содержание научного концепта «коммуникация», определим содержание таких репрезентантов, как *воздействие (influencia), коммуникативное поведение (comportamiento comunicativo, коммуникативное пространство (espacio comunicativo), вежливость (cortecía)*. Материалом для исследования служат научно-теоретические тексты на русском и испанском языках, посвященные проблемам речевого взаимодействия, коммуникативного поведения.

- ***Influencia и воздействие***

Научное понятие *воздействие* (*influencia*) является одним из актуальных предметов современных лингвистических исследований.

Influencia рассматривается в испанской лингвистике как составляющая модели коммуникации: *любая коммуникация сопровождается influencia*

либо *в процессе коммуникации emisor пытается влиять (influir) на receptor* [Escandell Vidal 1996; Fernández Cinto 2006; Marco 2003]. Анализ лингвистической литературы показал, что испанские лингвисты изучают не столько природу *influencia*, сколько текст как средство *influencia*[29]. Другие виды влияния могут противоречить самой идее коммуникации – коммуникация как согласие.

Совершенно иная ситуация наблюдается в российской науке. Проблеме *воздействия* посвящено много работ [см. подробнее: Воронцова 2006: 30 - 32]. Само понятие речевого воздействия трактуется достаточно широко, изучается с двух позиций: процесс воздействия осуществляется как процесс взаимодействия с адресатом и воздействие как однонаправленный процесс, т.е. партнер по речевому взаимодействию является объектом, воспринимающим воздействие со стороны говорящего [Иссерс 2003; Серова 2002]. Коммуникативное воздействие рассматривается как «спланированное воздействие на знания (когнитивный уровень), отношения (аффективный уровень) и намерения (конативный уровень) адресата в нужном для адресанта направлении» [Пирогова 2002: 209]. В отечественной лингвистике говорят и о способах воздействия: воздействие на сознание путем выстраивания рациональной аргументации (убеждение), или воздействие на сознание через эмоциональную сферу, или воздействие на подсознание, воздействие с помощью вербальных или невербальных средств. Эффективность речевого воздействия возрастает, когда методы логически обоснованного убеждения сочетаются со способами эмоционального воздействия на адресата. В.З. Демьянков видит за речевым воздействием определенный тип внушения. Речевое внушение противопоставляется насильственному внедрению в сознание чего-либо чуждого, тем не менее предполагает предварительную обработку этого сознания [Демьянков 1989: 32]. В работах российских лингвистов в качестве одного из главных факторов успешного воздействия рассматривается авторитетность говорящего для

[29] Этим объясняется высокая частотность исследования дискурса в испанской лингвистике.

адресата. «Этот авторитет говорящего складывается из уверенности внушающего в успехе своего воздействия и готовности внушаемого поддаться воздействию» [Поршнев 1979: 155]. В случае же, когда адресант считает себя безусловным авторитетом для адресата, речь идет о речевой агрессии. Явлением одного порядка с речевой агрессией является речевая манипуляция, т.е. «воздействие на человека с целью побудить его сообщить информацию, совершить поступок, изменить свое поведение и т.д. бессознательно или вопреки его собственному мнению, намерению» [Стернин 1999: 153].

Таким образом, составляющими компонентами репрезентанта научного концепта «коммуникация» *воздействие* являются *убеждение, эмоциональное воздействие, внушение, манипуляция, авторитетность говорящего, агрессия*, а *influencia – comunicación (согласие), tolerancia.*

- ***коммуникативное пространство и espacio comunicativo***

Коммуникативное пространство является базовым понятием в понимании концепта коммуникация, тем не менее оно до сих пор не имеет четкого и однозначного определения. *Коммуникативное пространство* может пониматься и как уровень коммуникативной компетенции, и как информационное пространство, и как коммуникативная среда, в которую говорящий погружается в процессе коммуникативной деятельности, и как речевая ситуация (Н.В. Муравьева, Г.Г. Почепцов и др.). Для нас важным является тот факт, что, по мнению российских лингвистов, точкой отсчета в коммуникативном пространстве является сам адресант, говорящий создает и контролирует пространство [Сусов 1989].

В испанской лингвистике понятию *коммуникативное пространство* соответствует 3 понятия: *espacio comunicativo*, *campo de influencia*, *campo de experiencia*[30] [Escandell Vidal 1996; Fernández Cinto 2006; Marco 2003] .

[30] Поле опытности.

Среди этих понятий наиболее часто употребляется *espacio comunicativo*, которое понимается как пространство, где проходит коммуникация, и, скорее всего, соответствует коммуникативному пространству в понимании И.П. Сусова, который определяет коммуникативно-прагматическое пространство как речевую ситуацию, включающую роли говорящего и слушающего, характеристики времени и места, правила согласования целей коммуникантов в рамках кооперативного принципа, правила передачи роли говорящего от одного коммуниканта к другому [Сусов 1989]. Мы можем провести параллель и между *campo de experiencia* и коммуникативным пространством как определенным уровнем компетенции[31].

Наиболее интересным является для нас *campo de influencia*, то новое пространство, которое выстраивается участниками коммуникации в момент коммуникативного контакта. Особенностью *campo de influencia* являются новые характеристики, не присущие ни пространству говорящего, ни пространству слушающего. Данное новое пространство образуется только на время контакта (contacto).

Понимание того, что гармоничное коммуникативное пространство является залогом успешности коммуникации, находит свое место и в трудах отечественных лингвистов, и испанских коллег - с одной лишь разницей: гармоничное пространство в понимании российских ученых находится на пересечении пространств адресанта и адресата, а в понимании испанистов - должно выстраиваться как новое пространство и только на момент коммуникативного контакта с целью достижения прагматического интереса как говорящего, так и слушающего. По их мнению, компромисс и толерантность являются залогом эффективной коммуникации: коммуникация

[31] Experiencia определяется RAE как «hecho de haber sentido, conocido o presentaciado alguien algo», «conocimiento de la vida adquirido por las circunstancias o situaciones vividas» («способность судить, знать и иметь представление о ком-то, чем-то», «приобретенное знание об условиях и жизненных ситуациях») [http: //buscon.rae.es].

есть компромисс[32]. Пересекаются в момент коммуникации лишь *campos de experiencia* (См. схему № 13):

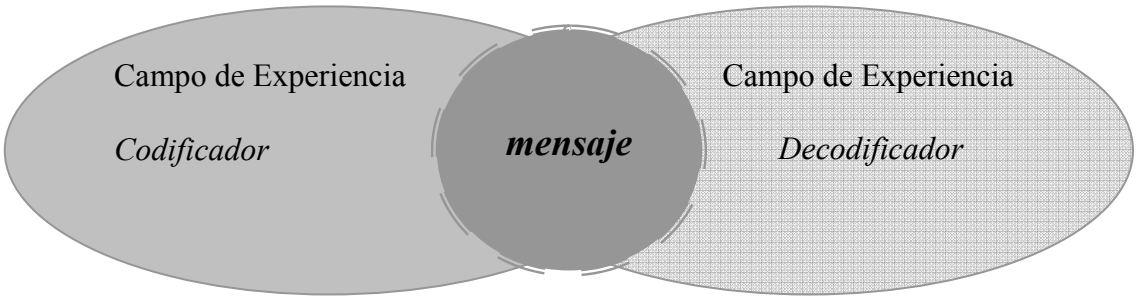


Схема № 13. Campos de experiencia.

Если в понимании российских исследователей пространство контролирует *говорящий*, то, по мнению испанских лингвистов, ответственность за коммуникацию ложится как на *emisor*, так и на *receptor*. *Comunicación* возможна лишь при субъектно-субъектном типе отношений в момент *contacto comunicativo*.

- ***Коммуникативное поведение – comportamiento comunicativo***

Исследования *коммуникативного поведения* в отечественной науке о языке являются одними из самых актуальных [Винокур 1993; Прохоров, Стернин 2002; Стернин 1996; Харченко 2003]. Коммуникативное поведение выступает в реальной коммуникации в двух аспектах: вербальном и невербальном. Вербальный аспект связан с речевыми формами выражения мыслей (речевое поведение), невербальный - с неречевыми, но участвующими в коммуникации (жесты, мимика, дистанция, позы и др.). Коммуникативное поведение находится в центре исследования таких дисциплин, как социолингвистика, психолингвистика, прагмалингвистика. Привлекает внимание тот факт, что все исследования коммуникативного поведения предлагается объединить в отдельную научную дисциплину – коммуникативное поведение, где в качестве основных научных понятий

[32] Tolerancia является признаком comunicación в современном понимании. Подобное понимание коммуникативного пространства объясняет тот факт, что в работах испанских ученых последних нескольких лет самым частотным понятием прагматики является cortecia (teoría de cortesía – теория вежливости, учтивости, уважения). Более подробно об этом - далее.

предлагаются следующие: *коммуникативное поведение* как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей; как разновидность коммуникативного поведения - *национальное коммуникативное поведение*, под которым понимается совокупность норм и традиций общения определенной *лингвокультурной общности*, т.е. совокупности людей, объединенных общим языком и общей культурой. Понятийное поле коммуникативного поведения составляют *коммуникативное пространство, коммуникативные нормы, коммуникативные традиции, коммуникативный шок, коммуникативное сознание, коммуникативная категория, менталитет* и др. [Прохоров, Стернин 2002: 38-44]. Для нас важно, что «коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры» [Там же: 32], другими словами, особенности национальной культуры определяют специфику коммуникативного поведения.

Русское коммуникативное поведение описано достаточно подробно. В традициях российской науки анализировать национальное коммуникативное поведение по схеме: ценности (приоритеты) национальной культуры → черты национального характера → характеристики национального коммуникативного (вербального) поведения [Прохоров 1999; Тер-Минасова 2004; Стернин 2002].

С целью ответа на вопрос, обусловлено ли содержание понятий *воздействие, взаимодействие* и *influencia*, *interacción* нормами национального коммуникативного поведения, выделим характеристики, обусловливающие национальную специфику коммуникации на русском и испанском языках.

Рассмотрим схему № 14, где прослеживается связь между детерминантами русской национальной культуры, чертами национального характера и специфическими характеристиками коммуникации на русском языке.

Детерминанты русской национальной культуры		*Специфические характеристики коммуникации на русском языке*
• Соборность, общинность, коллективность сознания и бытия как национальный приоритет, что проявляется в установке на взаимопомощь, стремление присоединиться к большинству, коллективность в противопоставление индивидуализму, уважение авторитета	→	Негативное отношение к инакомыслию; непонимание, настороженность и враждебность к выражению необщепринятой точки зрения; склонность поддерживать общее мнение; стремление к паритетности и простоте в общении
• Предпочтение общественного пространства личному, коллективистская культура с несформированной автономностью личности как основной единици общества	→	Возможность модификации поведения собеседника; попытки регулировать поведение окружающих людей; отсутствие понимания невмешательства как недопустимости несанкционированного вторжения в личную жизнь собеседника; отсутствие внимания при слушании; отсутствие ориентации на сохранение лица собеседника; коммуникативный эгоцентризм; настойчивость в получении информации
• Азартность, пассионарность, эмоциональные всплески, увлекаемость в деятельности, искренность в проявлении чувств, быстрая смена настроений, неосмотрительность.	→	Искренность в проявлении эмоций и чувств, стремление к переходу от формального, условного общения к эмоциональному, искреннему; эмоциональная реакция на критику; непосредственная эмоциональная реакция на содержание разговора; оценочность общения

• Склонность русского сознания к крайности, отрицание постепенности, эволюционности; бескомпромиссность русского мышления; отношение к компромиссу как к беспринципности, безволию, неумению настоять на своем (*Кто не с нами, тот против нас*)	→	Бескомпромиссность, конфликтность в споре, диалоге; стремление доказать свою правоту; желание заставить собеседника принять свою точку зрения; безапелляционное и решительное поведение в споре; понимание компромисса как беспринципности; публичное высказывание несогласия; категоричность выражения несогласия; категоричность; допустимость конфликтной тематики общения
• Ответственность перед внешним контролем и потребность в идеалах; потребность в авторитете, подчинение авторитету, преобладание иерархических отношений; ослабление внутренней ответственности; русская мечта о сильной руке; привычка к постоянному сильному внешнему контролю; пассивность в решении проблем, стремление возложить ответственность преимущественно на внешние силы, вышестоящие силы, присоединение к мнению авторитета	→	Жесткое соблюдение иерархии общения с вышестоящим, возможность грубого и унизительного общения с нижестоящим; грубость в общении; пренебрежение вежливостью в общении с незнакомыми людьми; избранное проявление вежливости: вежливость к вышестоящим, к детям, к родителям, к учителям
• Небрежное отношение к норме, закону, правилу; из всех правил могут быть исключения; неприятие всех форм нормализации; стремление к воле, а не свободе,	→	Пренебрежение формальной вежливостью; коммуникативная неэтикетность в сфере русского бытового общения; пониженная императивность этикетных норм;

предполагающей ответственность, ограничение своей деятельности	доминантность в неофициальной обстановке; стремление завладеть вниманием своих собеседников (тянуть одеяло на себя) в ущерб интересам других

Схема № 14. Связь культурных детерминант и особенностей русского коммуникативного поведения [Меликян 2000; Прохоров, Стернин 2002].

Данная схема показывает, что в коммуникации, где принимают участие коммуниканты – носители русского языка и культуры, допустимыми являются следующие характеристики: искреннее проявление чувств и эмоций, эмоциональная реакция на собеседника; бескомпромиссность, категоричность в суждении; иерархия в общении начальник – подчиненный, родитель – ребенок, учитель – ученик; возможность грубого и унизительного общения; пренебрежение формальной вежливостью; стремление, с одной стороны, к доминантному поведению в общении (когда роли коммуникантов совпадают), с другой – умение подчиниться авторитету; сосредоточенность русского человека на своих целях и задачах, а не на собеседнике; высокая возможность модификации поведения собеседника; попытки регулировать поведение окружающих людей; отсутствие понимания невмешательства как недопустимости несанкционированного вторжения в личную жизнь собеседника.

В испанской науке о языке исследования испанского коммуникативного поведения нами не зафиксированы, их отсутствие подтверждают и информанты – специалисты по коммуникации. В научно-исследовательской литературе выделяется лишь несколько характеристик коммуникации на испанском языке: *громкий голос, экспрессивность, выраженная жестикуляция, коммуникативная открытость и обязательная*

доброжелательность, большое количество тем-табу[33]*, толерантность, компромиссность, безоценочность, критика в адрес вышестоящих (начальства, правительства, учителей и т.д.), компромиссность как залог согласия, вежливость, этикетность* [Casal Isabel 1999; Cerrolaza 1996; Oliveras 2000; Sampedro 2003]. Наиболее интересными для нас являются установки говорящего и слушающего: «1) No impongas tu voluntad; 2) Indica opciones; 3) Haz que tu interlocutor se sienta bien; sé amable»[34]. В основе данных установок лежат максимы Р. Лакоффа, тем не менее важно, что эти установки приняты как основные факторы эффективной коммуникации с точки зрения носителей испанского языка и культуры. Все условия эффективной коммуникации сводятся к одному: *не нарушать пространство собеседника*. Сохранение своего пространства и пространства другого – одна из основополагающих характеристик испанского коммуникативного поведения [Oliveras 2000].

Суммируем черты коммуникативного поведения русских и испанцев, находящихся по отношению друг к другу в оппозиции, в схеме № 15.

Данные характеристики русского и испанского коммуникативного поведения определяют содержание *воздействие (influencia), взаимодействие (interacción).*

- ***Категория вежливости - Teoría de la cortesía***

Категория вежливости разрабатывается российскими лингвистами, но не так часто привлекает внимание исследователей, как в испанской науке о языке, где *cortesia* рассматривается как основная категория коммуникативной теории.

[33] Темы, табуированные в испанской культуре (вопросы о семье, возрасте, наличии детей, должности, зарплате, политических взглядах и т.п.), вполне допустимы в русской.
[34] 1) не навязывать свою волю; 2) предоставлять право выбора; 3) делать так, чтобы твой собеседник чувствовал себя хорошо; быть любезным [Escandell Vidal 1998: 56].

В основе *Teoría de la cortesía* лежит понятие *asuntos privados*[35], составляющее основу испанских социальных и культурных норм. *Teoría de la cortesía* является, по сути, развитием теории речевых актов, актуализировалась как предмет исследования в связи с пониманием, что речевые акты имеют культурную и религиозную обусловленность [Brown, Levinson 1987; Escandell Vidal 2005; Fernández Cinto 2006].

Схема № 15. Сопоставление русского и испанского коммуникативного поведения.

История теории вежливости связана с именами Р. Лакоффа, Э. Гоффмана, В. Грайса и др. В современной испанской лингвистике вежливость рассматривается как основная речевая стратегия: «la cortesía entendida como una seria de estrategias conversacionales que manifiestan la

[35] Личное (частное) дело.

necesidad del hombre de mantener un equilibrio en las relaciones interpersonales por medio de la palabra»[36]. Речь идет о языковом выборе, который реализуется коммуникантами с целью осуществления определенного речевого акта. Развитие теории вежливости исходит из того, что каждый человек имеет определенный публичный образ (*imagen pública*) и социальный престиж (*prestigio social*) и, прежде всего, стремится сохранить их в процессе коммуникации. При этом подчеркивается, что *imagen pública* и *prestigio social* являются приоритетной ценностью в испанской культуре и нанести вред, ущерб данным ценностям является недопустимым. Этим и объясняется выбор базовых установок говорящего: не навязывать свою волю, признавать выбор собеседника, быть любезным и делать так, чтобы собеседник чувствовал себя комфортно [Alba de Diego 1992; Mulder 1993; Placencia María 2002].

В рамках теории вежливости рассматриваются такие проблемы, как реализация речевых актов в непрямой (косвенной) форме (¿Me puede pasar la sal?[37]), темы, которые рассматриваются как нарушение личного пространства (¿Cuántos años tiene?; ¿Tienes hijos?; ¿Estas soltera o casada?[38]), особое место в исследованиях теории вежливости занимает *petición*[39] как речевой акт, наиболее культурно и социально обусловленный.

Надо отметить, что практически все современные исследования в рамках теории вежливости связаны с идеей сохранения *imagen pública* коммуникантов. С этой целью выбираются и определенные стратегии вежливости, выбор осуществляется с учетом следующих факторов: относительное влияние (как отправителя на получателя, так и получателя на отправителя); социальная дистанция, определяемая степенью знакомства или близости; степень навязывания. Всегда существует опасность нанесения вреда *imagen pública*, например, путем сокращения дистанции общения, или

[36] «Вежливость понимается как ряд речевых стратегий, выражающих необходимость человека поддерживать равновесие в межличностных отношениях посредством слов» [Escandell Vidal 2005: 83].
[37] Можете ли мне передать соль?
[38] Сколько Вам лет? Есть ли у тебя дети? Ты одинока или замужем?
[39] Просьба

когда влияние переходит в силу давления, или навязывание превращается в принуждение. Вслед за М. Брауном, испанские лингвисты предупреждают коммуникантов о риске нарушения *imagen pública*, к которому могут привести три аспекта общения: D + P + G, где D – дистанция, P – относительное влияние и G – степень навязывания [Escandell Vidal 2005].

Являясь одним из наиболее часто встречающихся предметов исследования в современной испанской лингвистике, *Teoría de la cortesía* - одна из значимых составляющих понятия *comunicación*, отражающая ценностные приоритеты в испанской культуре, такие, как уважение к личному и чужому пространству, невозможность модификации поведения собеседника и др.

Что касается российской лингвистики, то теория вежливости не является актуальным предметом исследования, что также объясняется русской коммуникативной культурой, где коммуникативное поведение не нацелено на сохранение лица собеседников.

4.4.2. Характеристика коммуникативного поведения испанцев и русских позволяет нам обозначить культуру общения на русском языке как Я-позиция и общение на испанском языке как Ты-позиция. Идея выделения разных типов культуры общения принадлежит И.Б.Ворожцовой и связана с идеей общения как реализации диалогичности личности. «Рассмотрение Я – Другой (Ты) в единстве, как единого целого внутри одного человека в теории диалогического взаимодействия (М.Бахтин), в философии проблемы человека (М.Бубер), в семиотике культуры (Ю.М.Лотман), позволяет увидеть в этом единстве отправную точку общения, которое может пойти от Я или Ты (Другого)» [Ворожцова 2002: 111].

Основными характеристиками Я-позиции являются оценочность, выражение и открытость чувств, отношений, суждений по отношению к плану сообщений. Я-позиция, или Я-ориентированное, отличается тем, что

говорящий сообщает о своих переживаниях, отношении, эмоциях, высказывает прежде всего свои суждения, считая неосознанно, что Ты включен в ситуацию и владеет информацией. С Я-позицией связывается и определенный тип мышления, которому присуща иррациональность, подчеркивается ограниченность логического познания мира перед непостижимой и непредсказуемой жизнью.

Ты-позиция в общении определяется как способ выстраивания диалогического взаимодействия с включением адресата (Ты) в контекст взаимодействия. В этом диалогическом взаимодействии Я и Ты мыслятся как имеющие свое собственное пространство, и Ты-стратегия состоит в том, чтобы создать поле, общее для обоих коммуникантов, при этом подчеркивается первичность фактов и информирования в общении, воздействие осуществляется через первичные опоры, через рациональное. Ты-позиция как тип общения предполагает 1) установку на отдельность и отделенность коммуникантов, тогда как в Я-позиции Я включает Ты в свое пространство; 2) соблюдение личностных границ; 3) наличие дистанции общения; 4) прямое выражение чувств; 5) недопущение оценочности. Ты-ориентированное общение выстраивается с расчетом на собеседника [Ворожцова 2000].

Хотя идея Я-позиции и Ты-позиции возникла и прорабатывалась И.Б.Ворожцовой на примере русской и французской культуры общения, данная типология подчеркивает противоположности и русской и испанской. Испанская культура экспрессивна, что так или иначе предполагает открытое выражение чувств, характеризуется короткой дистанцией в общении, достаточно оценочна, порой критика доходит до критиканства, но есть установки коммуникантов – не нарушать пространство Другого, комфортное состояние Другого во время коммуникации, которые позволяют обозначить испанскую культуру общения как Ты-позиция.

Таким образом, выделенные нами черты русского коммуникативного поведения позволяют охарактеризовать его как коммуникативное поведение с преобладающим типом отношений субъектно-объектным, обозначить русскую культуру общения как Я-позицию. Основные категории и основные направления исследования, выделенные российскими учеными, детерминированы спецификой коммуникации носителей русского языка и культуры и возможностью корректировки их коммуникативного поведения. Отсюда, адресант воздействует, а не влияет на собеседника, адресант не только воздействует путем выстраивания рациональной аргументации, но и воздействует на сознание и подсознание через эмоциональную сферу, допуская манипуляцию и речевую агрессию. Точкой отсчета коммуникативного пространства является говорящий, который может вторгаться в коммуникативное пространство собеседника. Адресант ответственен и за эффективность коммуникативного взаимодействия. Показательным является тот факт, что фактором успешного взаимодействия является авторитетность говорящего для слушающего. В качестве иллюстрации того, что носители русского языка и культуры считают допустимым модифицировать и регулировать поведение собеседника, приведем описание речевого взаимодействия И.Г. Серовой: «Адресат, как правило, есть лицо, на которое пытается воздействовать адресант, пытаясь манипулировать им и пытаясь управлять его поведением в своих личных целях» [Серова 2002: 11].

Таким образом, особенности коммуникативного поведения на русском языке обусловливает содержание понятий *воздействие, взаимодействие*; данные компоненты научного концепта «коммуникация» находятся в логической соотнесенности с такими, как *убеждение, эмоциональное воздействие, внушение, манипуляция, авторитетность, агрессия*.

Испанская культура речевого взаимодействия противопоставлена русской как Ты-позиция. Описание коммуникативного поведения испанцев

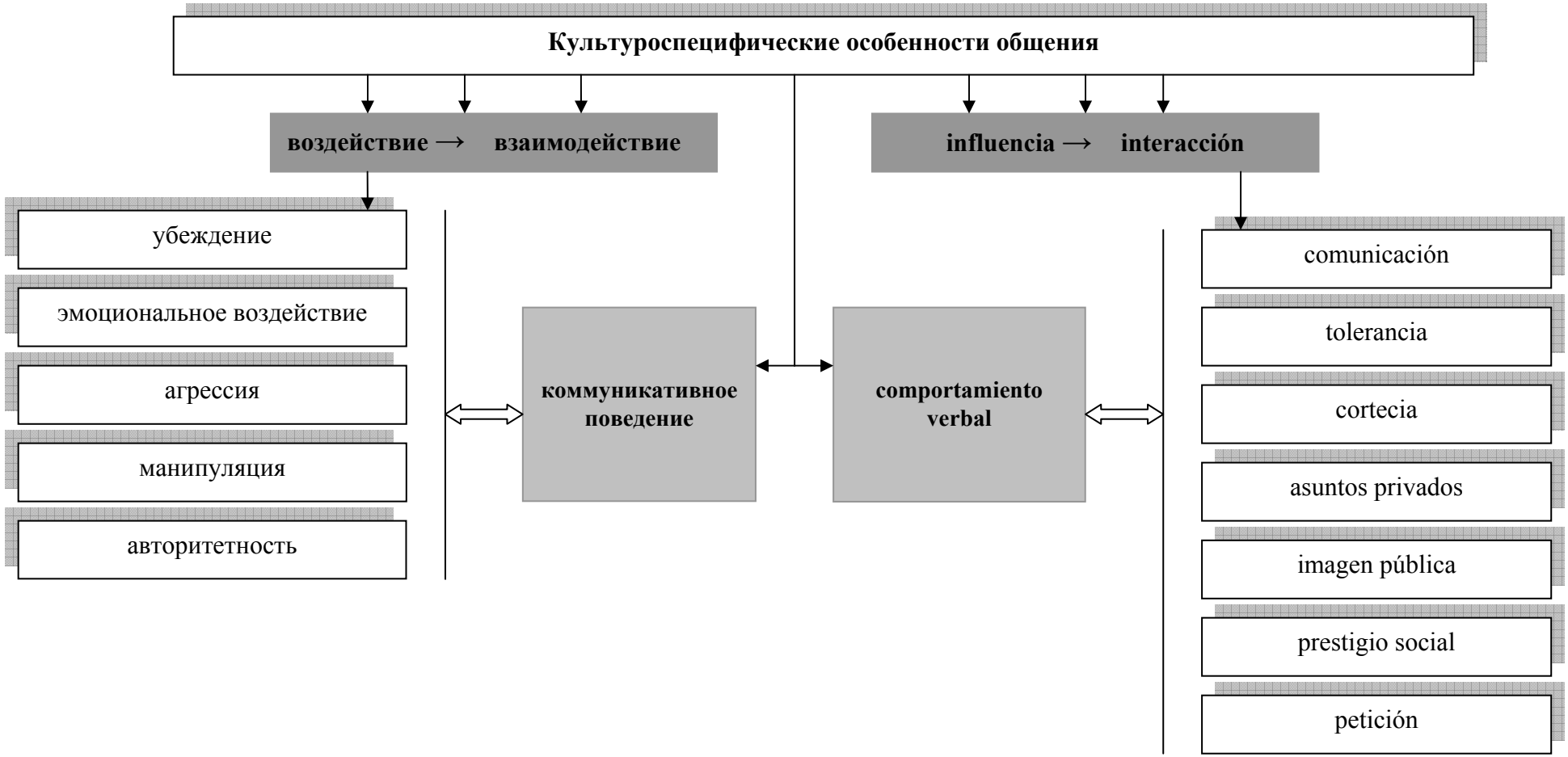
объясняет актуализацию в испанской лингвистике понятий, отличных от актуализированных в российской науке о языке. Низкая частотность понятий *influencia*, *comportamiento verbal* обусловлена самим процессом коммуникации, точнее, культурой коммуникантов, в основе которой лежит толерантность, уважение своего личного пространства и свободы и пространства и свободы другого. Исследования национальной специфики *comportamiento verbal* не представляют интереса для испанских исследователей, т.к. это не обусловливает эффективность коммуникации. По сути, поведение коммуниканта есть его личное дело, каким бы оно ни было; во время коммуникативного контакта коммуникант должен вести себя корректно, т.е. не допускать вторжения в личное пространство собеседника и думать о собеседнике. В противном случае коммуникация не будет нарушена, она просто не состоится.

Особенности коммуникативного поведения на испанском языке обусловливают содержание понятий *influencia, comportamiento verbal,* которые соотносятся с такими, как *comunicación (согласие)*, *tolerancia*, *cortesía, asuntos privados, imagen pública, prestigio social, petición* (См. схему № 16).

Таким образом, репрезентация научного концепта «коммуникация» обусловлена этнокультурными особенностями речевого взаимодействия. Так, в испанском научном лингвистическом дискурсе выделяются такие репрезентанты, как «comunicación» (согласие), «tolerancia», «cortesía», «asuntos privados», «imagen pública», «prestigio social», «petición», в то время как в русском дискурсе – «убеждение», «эмоциональное воздействие», «внушение», «манипуляция», «авторитетность», «агрессия». Содержание данных компонентов определяет смысловой объем научного концепта «*коммуникация*».

Выделение различных репрезентантов на испанском и русском языках указывает на специфичное в структуре научного концепта, обусловленное культурой общения.

Схема № 16. Связь культуры общения и содержания концепта «коммуникация».



4.5. Влияние научной традиции на репрезентацию научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе

Рассмотрим, оказывает ли влияние научная традиция на языковую репрезентацию концепта «коммуникация».

В ранее проводимых исследованиях отмечалось, что в научном концепте выделяются слои, обусловленные научной школой, научным направлением, научным сообществом. Рассмотрим, насколько влияет научная традиция, сформированная в российском и испанском научном лингвокультурном сообществе, на содержание научного концепта «коммуникация».

Материалом для исследования явились испанские и русские научно-теоретические тексты; для уточнения содержания того или иного понятия, вербализованного на испанском языке, привлекались к работе информанты. В качестве информантов выступали специалисты в области испанского языка, специалисты по сопоставительной лингвистике (русский – испанский языки), преподаватели Гранадского университета (Испания), Института Сервантеса. Все информанты являлись носителями испанской лингвокультуры.

4.5.1. Из выделенных компонентов, составляющих специфичное в структуре научного концепта «коммуникация», 91 % составляют репрезентанты, характеризующие межкультурную коммуникацию (См. схему № 17).

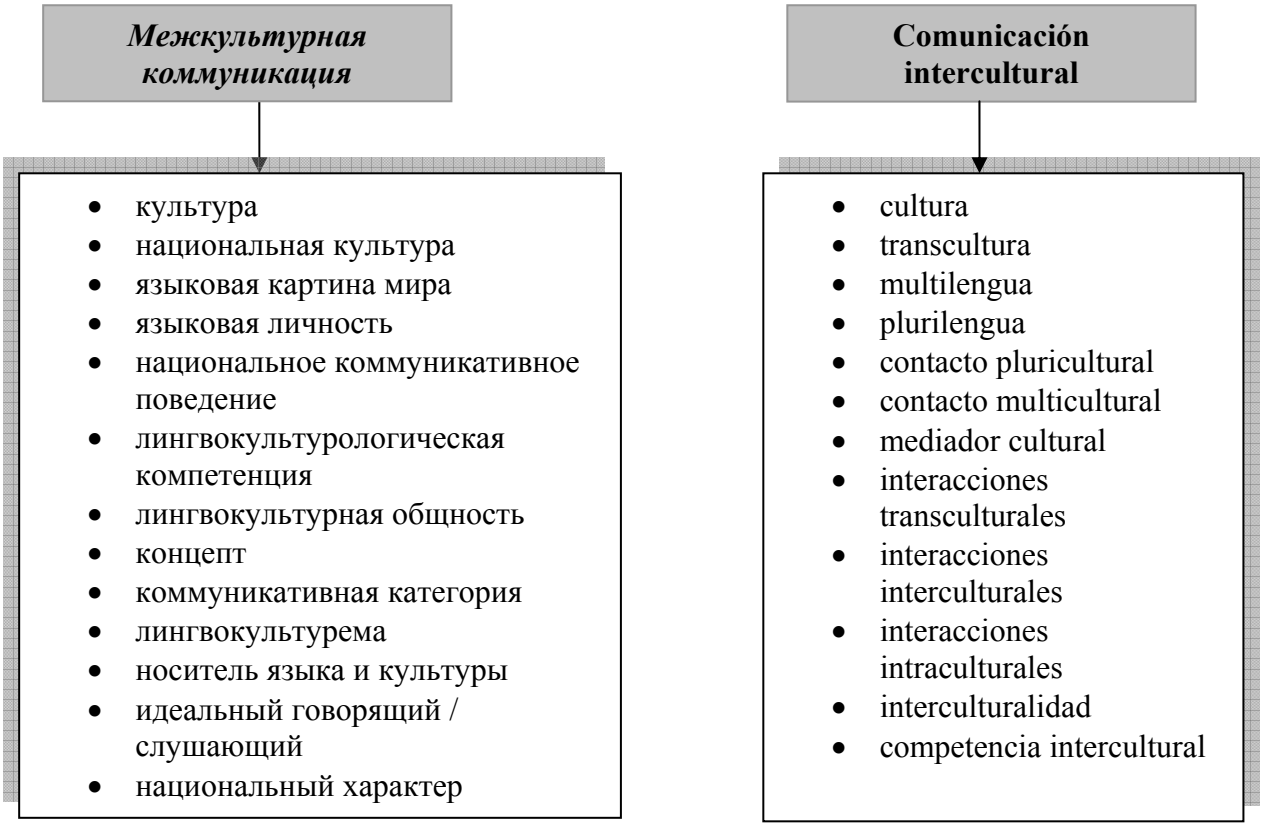


Схема № 17. Репрезентанты, относящиеся к межкультурной коммуникации.

Очевидно, что элементарное сопоставление данных составляющих позволяет говорить нам о разном понимании анализируемых понятий в российской и испанской научных традициях. Рассмотрим, каким образом определяется *межкультурная коммуникация* и *comunicación intercultural* в разных научных сообществах.

Межкультурная коммуникация является одной из самых актуальных проблем исследования в современной науке о языке, как испанской, так и российской [Тер-Минасова 1999; Тхорик, Фанян 2005; Aguirre 1997; Rodrigo Alsina 1999; Sampedro, Llera María del M. 2003].

В российской лингвистике термин *межкультурная коммуникация* имеет множество определений, по-видимому, благодаря прозрачности семантики. С.Г. Тер-Минасова определяет межкультурную коммуникацию как «общение людей, представляющих разные культуры» [Тер-Минасова 2004: 17]. Мы сталкивались с более широким пониманием данного понятия, в частности, М. Проссер под межкультурной коммуникацией понимает

«межличностную коммуникацию, имеющую дополнительные характеристики – сходства и различия в языках, невербальных средствах общения, способах восприятия, ценностях и образах мышления»[40] [Prosser 78; цит. по: Прохорову 2003: 101]. Тем не менее необходимо отметить, что в литературе, посвященной проблеме коммуникации, чаще всего понятие межкультурной коммуникации употребляется в значении «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих разным национальным культурам» [Верещагин, Костомаров 1990: 26].

По сути, выход на межкультурную коммуникацию осуществляется практически во всех работах по лингвокультурологии и когнитологии. Но коммуникация в данных исследованиях носит некий прикладной характер. Есть попытки рассмотреть коммуникацию как предмет исследования отдельной научной дисциплины, например, ***коммуникативное поведение***. Общим началом этих работ является понимание межкультурной коммуникации как коммуникации между представителями различных национальных культур. В определении коммуникативного поведения задается более широкое понимание межкультурной коммуникация, т.к. под *коммуникативным поведением* понимается «совокупность норм и традиций общения между определенной группой людей», но тут же идет оговорка - «коммуникативное поведение является компонентом национальной культуры» [Прохоров, Стернин 2002: 32].

Область исследования, объединенная проблемами межкультурной коммуникации, отличается широтой охвата. Тем не менее все эти исследования можно объединить одной темой – достижение эффективности коммуникации, в которой принимают участие коммуниканты – представители разных национальных культур. Межкультурная коммуникация (более узко – межкультурный контакт) представлена в отечественной лингвистической литературе как коммуникация между

[40] Межкультурная коммуникация как коммуникация между представителями разных культур, не только национальных, понимается, в частности, Л.А. Шкатовой, Е.В. Харченко.

носителем русского языка и культуры и носителем иностранного языка и культуры [Верещагин, Костомаров 1990; Тер-Минасова 2004; Прохоров 2003; Стернин 1993]. Для достижения результата в коммуникации иностранец должен стремиться не знать язык, а «узнать язык». В выражение «узнать язык» вкладывается несколько отличное от традиционного понимание: имеется в виду не способность решать определенные коммуникативные задачи, а глубокое проникновение в план означаемого этого языка, в образ мышления нации, имеется в виду попытка взглянуть на мир глазами носителей изучаемого языка, с их точки зрения [Корнилов 2003: 78].

Для того чтобы «узнать язык» иностранец должен приобрести черты *русской языковой личности*, приобрести *вторичную языковую личность*. Это становится возможным по мере освоения *лингвокультурологической компетенции*, «за которой стоит определенная картина мира, исторически сложившаяся для нации. *Лингвокультурологическая компетенция* предполагает знание идеальным говорящим – слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [Тхорик, Фанян 2005: 251].

Такое понимание межкультурной коммуникации актуализирует исследования *языковой картины мира*, *концепта*, *языковой личности* в рамках исследований, посвященных коммуникации.

Comunicación intercultural понимается в испанской научной литературе как «comunicación aquella que resulta de la interacción entre hablantes de lenguas y culturas diferentes»[41]. И в этой же словарной статье поясняется: в процессе межкультурной встречи коммуниканты проявляют различие в знаниях, опыте и ценностях, социально обусловленных. Именно такое понимание comunicación intercultural отражается в научно-исследовательской литературе [Aguirre 1997; Byram, Fleming 2001; Elosúa, 1994; Oliveras 2000].

[41] «коммуникация, являющаяся результатом взаимодействия между говорящими на разных языках и представителями разных культур» [DT ELE].

В современной испанской научной литературе наиболее частотным понятием, характеризующим comunicación intercultural, является *interculturalidad***.**

Данное понятие не обозначено в русском языке, попытку перевести его как *межкультурная коммуникация* не считаем корректной, так как в испанском языке есть *comunicación intercultural*. Interculturalidad - некое свойство, признак, характеристика. Понятие interculturalidad имеет четкую соотнесенность с понятием *tolerancia* (толерантность). В работах испанских лингвистов мы встречаем interculturalidad как некое новое сознание, или осознание действительности; говорящий на иностранном языке должен приобрести умения и навыки intercultural. В Diccionario de términos clave de ELE дается следующее определение этого понятия: «La interculturalidad es un tipo de relación que se establece intencionalmente entre culturas y que propugna el diálogo y el encuentro entre ellas a partir del reconocimiento mutuo de sus respectivos valores y formas de vida»[42]. Понятие включает в себя отношения между людьми, принадлежащими разным этническим группам, социальным, профессиональным и др.

Такое понимание межкультурной коммуникации в испанской лингвистике основывается на теории межкультурной коммуникации М. Бирама, Дж. Шуманна, Э. Мерфи и др. Ученые говорят об актуальности межкультурной коммуникации в современном мире, где коммуникация протекает не между представителями двух культур, например, между носителем и иностранцем, изучающим язык, а коммуникация в прямом смысле многокультурна. Каждый коммуникант имеет свои ценности, нормы поведения, веру, и в то же время – множество отличных друг от друга способов интерпретировать это. Для диалога, успешного контакта нет необходимости знать особенности культуры каждого участника [Alsina

[42] «Interculturalidad – это тип отношения, который преднамеренно устанавливается между культурами и который поддерживает диалог и контакт между ними, основываясь на узнавании присущих им ценностей и форм жизни» [DT ELE].

Rodrigo 1999; Sampedro, Llera María 2003; Cohn Bendit 1998; Intercilturalidad 2002].

Невозможно достичь interculturalidad, минуя два этапа: признания этноцентризма и отказ от него и осознание культурной относительности, т.е. того, что все социокультурные нормы относительны и нет абсолютных (См. схему № 18).

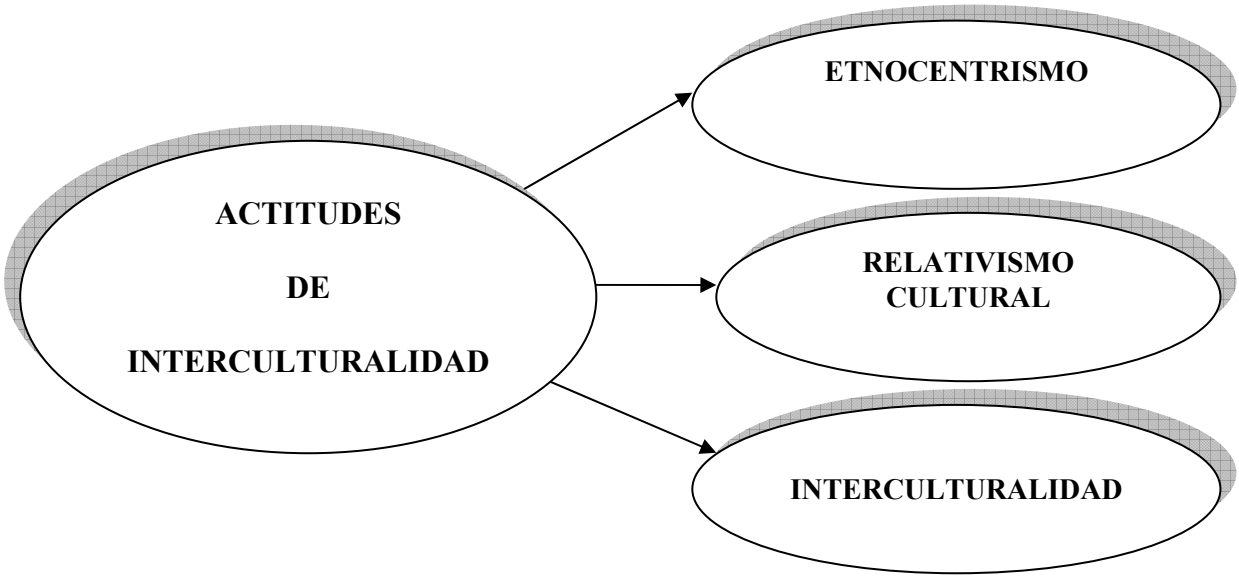


Схема № 18. Этапы достижения interculturalidad[43].

Подобное понимание межкультурной коммуникации испанскими лингвистами обусловливает репрезентацию научного концепта «коммуникация» в испанском лингвистическом дискурсе такими единицами, как *contacto pluricultural, mediador cultural, intercultura, interlengua, autodescubrimiento, plurilengua* и др.

С целью выявления основного содержания компонентов исследуемого концепта и причин различного понимания *межкультурной коммуникации* и

[43] Позиции interculturalidad: этноцентризм, культурная относительность, interculturalidad.

comunicación intercultural обратимся к научным лингвистическим текстам и выделим ряд бинарных оппозиций, которые охватили бы множество интерпретаций понятий, составляющих суть межкультурной коммуникации.

1. Оппозиция *культура и cultura*

В русском языке, испанском, да и почти во всех европейских языках, культура обозначается сегодня одним и тем же словом латинского происхождения, имеющим широкий спектр значений: 1) «обрабатывать, возделывать», 2) «взращивать», 3) «населять» [Асоян, Малафеев 2000: 29]. На первый взгляд, это совпадение имени весьма симптоматично – оно как будто лишний раз подчеркивает единство культуры народов, объединенных европейским сообществом. Тем не менее анализ содержания данных понятий позволяет нам сделать несколько иной вывод.

В.В. Колесов обобщает современное понимание *культура*, подчеркивая ее многоаспектность: это 1) совокупность достижений человеческого общества, чем культура противопоставлена независимой от воли человека природе (материальная культура); 2) уровень, степень развития человеческого общества, способного к созданию ценностей, чем культура противопоставлена культу; 3) это способ организации и развития человеческой деятельности, т.е. создание норм и правил, согласованных в слове действий (духовная сторона культуры) [Колесов 1999]. Данное понимание культуры ни в коей мере не противоречит cultura в осмыслении испанских исследователей, с одной лишь разницей: культура в российской научной традиции рассматривается в материальном и духовном аспектах, в испанской – духовная культура не выделяется. В испанской науке мы можем встретить разделение культуры на высшую культуру как результат напряжения и метода, которая представлена в музеях, театрах, библиотеках и т.д., и низшую как культуру популярную, обыденную (джинсы, гамбургеры, кока-кола, например); на культуру с большой буквы (искусство, литература) и культуру с маленькой буквы, к которой относятся поведение и характер

индивида, форма деятельности в обществе, а также еда, традиции, праздники и т.д. [Oliveras 2000; Alsina Rodrigo 1999].

О специфически русском представлении культуры говорят многие российские мыслители [Лихачев 1981; Лосский 1991; Лотман 1992]. По мнению ученых, культура не противопоставлена природе, природа является составной частью культуры; культура, в русском понимании, восходит к культу, т.е. представляет собой духовную ипостась человеческих ценностей. Уже этих двух отличий достаточно, чтобы обозначить культуру как полную противоположность западноевропейской культурности, воплощенной в цивилизации, которая «определяется степенью государственно-правового регулирования, т.е. отражает телесно-вещную сторону человеческих ценностей» [Колесов 1999: 181]. Культура находится в оппозиции к цивилизации по признакам: «внутреннее – внешнее», «религиозно-духовное – материальное», «логос – рацио», «символизм – прагматизм», «индивидуальное – социальное», «идеал – модель, схема» и т.д. Русская культура устремлена к Богу, к духовности; цивилизация же отражает уровень развития общества. Специфичность понимания культуры осознается носителями российской научной мысли, и как следствие этого - *культура сопряжена с народом и нацией, она связана с этносом. Принадлежность к национальной культуре определяет систему ценностей того или иного человека. Постичь культуру - значит постичь склад мышления нации, приобщиться не столько к материальным ценностям, сколько к духовным* [Верещагин, Костомаров 1990; Колесов 1999; Корнилов 2003; Караулов 2003; Гачев 1988; Постовалова 1988 и др.]

В каком соотношении находятся испанские понятия cultura и civilización? Cultura определяется как «1. Conjunto de conocimientas de una persona; 2. Conjunto de conocimientas, costumbres y actividades de un lugar o época»[44]. Важно для последующих выводов, что cultura соотносится с

[44] «1. Совокупность знаний человека; 2. Совокупность знаний, традиций, деятельности, характеризующих определенное место или временную эпоху » [DB: 174].

отдельным человеком, конкретным местом и временем. Значимы для нас и синонимы cultura – formación, saber, civilización[45]. Civilización понимается как «conjunto de ideas, creencias, cultura, artes y modos de la vida de un pueblo»[46], синоним - cultura. Такое определение данных понятий объясняет понимание носителями испанского языка и культуры, когда *культура соотносится с обществом, социумом, социальной группой, отдельным человеком.* Cultura является синонимом civilización. Разность в культуре, следовательно в способе мышления, объясняется принадлежностью к разным социальным группам либо просто разным культурным уровнем[47]. *Духовность* (espiritualidad) не рассматривается как признак культуры. На становление испанской культуры повлияла *религиозность* (religiosidad), *набожность* (devoción), *католицизм* (catolicismo). Эти понятия не отражают понятие *духовность*.

Подобное понимание культуры и cultura обусловливает следующую оппозицию – *национальная культура и transcultura.*

2. Оппозиция *национальная культура и transcultura*

Понятия *национальная культура*, *национальный характер*, *национальная картина мира, ментальность нации* являются высоко частотными в российской науке о языке, более того, взаимосвязь языка и культуры многими исследователями рассматривается как взаимосвязь языка и национальной культуры [Колесов 1999, Верещагин, Костомаров 1990;; Стернин 2002; Прохоров 2003 и др.]. Принадлежность к *nacional* в испанской научно-исследовательской литературе встречается только в работах по этнолингвистике. Понятие *caracter nacional* в науке не выделяется, термин *visión del mundo* был предложен Э. Керо Хервилья для перевода работ

[45] Образование, знания, цивилизация

[46] «Совокупность идей, идеология, культура, искусство и способы жизни определенного общества» [Там же: 129].

[47] Мысль, что каждая социальная группа имеет свою культуру – субкультуру, рассматривается как вполне допустимая и в отечественной научной литературе, но субкультуры малых групп тесно зависят от некоторой культуры более высокого порядка. Функцию данной всеобъемлющей силы выполняет национальная культура [Верещагин, Костомаров 1990].

немецких и российских исследователей, посвященных языковой картине мира; *visón del mundo nacional* испанскими учеными не выделяется; *mentalidad* понимается как образ мысли [DB: 399], синонимично pensamiento[48], ideología[49], на русский язык переводится и как *ментальность*, и как *менталитет*; употребление *mentalidad* в контексте *nacional* невозможно. Подобная ситуация объясняется, на наш взгляд, тем, что идентичность в российской научной мысли может быть сопряжена с национальным, а в испанской – нет. Культурная идентичность - это все те черты культуры, которые заставляют людей, принадлежащих одной группе или одному культурному уровню, ощущать, понимать, предвидеть одинаково [Tabouret-Keller 1997].

Различие в понимании ***культура*** и ***cultura*** более ощутимо через соотношние ***национальность*** и ***nacionalidad.*** Национальность есть «принадлежность к какой-нибудь нации, народности» [СРЯ: 398]. Нация – «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика» [СРЯ: 399]. Национальность отличается от ***гражданства***, «принадлежность к числу граждан государства, правовое положение гражданина» [СРЯ: 143].

Мы встречаемся и с подобным пониманием ***nacionalidad*** («особенность и характер, присущие определенному народу или нации»), но слово «nacionalidad», как правило, употребляется в значении «принадлежность к государству (территории) человека, рожденного на ней или получившего право на проживание» [DRA][50]. В сознании испанцев *nacionalidad* является показателем государства, в котором проживает человек, общества с административными границами[51,52].

[48] Мышление, мысль.
[49] Идеология.
[50] Diccionario de Real Academia.
[51] Вспомним, cultura определяется как совокупность знаний, характеризующих место.
[52] Большинство респондентов слова nacionalidad и ciudadanía (гражданство) считают синонимами.

Что же противопоставлено национальной культуре в испанской научной мысли? *Transcultura* и *multicultura*.

Transcultura и *multicultura* являются одним из основных предметов исследования в испанской прагматике. *Multiculturalismo* является некой концепцией, согласно которой все культуры, в том числе и малочисленные, обладают собственной ценностью. *Multiculturalismo* детерминировано зависимостью культуры от пола, социальной или профессиональной группы, сексуальной ориентации, этноса и т.п. *Multicultura* противопоставлена национальной в том смысле, что национальность является основным критерием в определении идентичности в российской науке о русском языке, а в испанской *identidad* может определяться по множеству различных критериев, вплоть до культуры отдельного человека, где критерием выступает его неповторимость.

Transcultura – это иная модель развития культуры, связанная со свободой и правами человека как основными ценностями западноевропейского общества. В этом ряду свобод возникает еще одна – свобода от собственной культуры. *Transcultura* приобретается на выходе из своей собственной и на перекрестке чужих культур. М. Эпштейн, характеризуя транскультуру, поглотившую Европу, отмечает, что человек освобождается от плена природы, от обычаев, традиций, условностей, автоматизмов своей собственной культуры, которые он впитывает как групповое существо, член своего клана, этноса, консенсуса. Культура – «немецкая», «русская», «мужская», «женская» - это новая окаменелость на теле природы, новая система психофизического принуждения, символического насилия, предзаданных ролей и идентичностей: «национальный характер», «женское письмо», «гомоэротическая гордость»… Транскультура заново растворяет эти жесткие, оприродненные черты культуры, придает смысловую подвижность и новую сочетаемость элементам разных культур [Эпштейн 2003]. Транскультура – это следующий

порядок освобождения, на этот раз от безотчетных символических зависимостей, предрасположений и предрассудков родной культуры.

В испанской научно-исследовательской литературе мы встретились с двумя терминами, взаимозаменяемыми при обозначении данных процессов в обществе: *transcultura* и *pluricultura*. Испанская наука о языке находится еще в состоянии выбора: процессы, которые происходят с современным человеком, она обозначает то как появление чего-то общего, нового (в том числе, новых ценностей, новых норм, новой практики, нового мышления) – *transcultura*, то как способность человека сочетать в себе ценности и нормы нескольких культур, быть представителем нескольких культур одновременно – *pluricultura* [Marco 2003; DT ELE].

Оппозиция *национальная культура – transcultura* обусловливает несовпадение единиц-репрезентантов научного концепта «коммуникация» в научном специализированном лингвистическом дискурсе на русском и испанском языках. Если в русских научных текстах, посвященных коммуникации, выделяются такие единицы, как *языковая картина мира*, *концепт* как единица языковой картины мира, то в испанских научных текстах данные единицы отсутствуют как не имеющие отношения к коммуникации.

Исследования *языковой картины мира* (ЯКМ) и *концепта* как ее элементарной единицы находятся в центре изучения и когнитивной лингвистики, и лингвокультурологии и, как правило, объединены практической значимостью – выходом на межкультурную коммуникацию. Языковая картина мира отражает национальную культуру, что выявляется в языковых единицах разных уровней. Элементарной единицей языковой картины мира является *концепт*.

Концепт в понимании российских исследователей многомерен: в нем выделяется рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этническое, национальное. Концепт включает в себя как

понятийную основу, так и социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка, сколько переживается им; она включает в себя ассоциации, эмоции, оценки, национальный образы, коннотации, присущие данной культуре. Несомненно, концепт есть некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Но концепт и – «семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры» [Маслова 2005: 36]. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Концепт связывает людей в нацию/этнос.

Такое понимание концепта определяет и метод его анализа: делать заключение о духовном следует по проявлениям материального. Российские лингвисты привлекают к анализу самый разнообразный контекст: философский, поэтический, научный, публицистический, др. В анализе осуществляются попытки ответить на вопрос, почему сформировался в недрах языка именно такой концепт; анализ внутренней формы концепта ведет к ценностям этнокультуры и русскому национальному характеру.

Национальная языковая картина мира настолько привлекает отечественных исследователей, что в поисках наиболее оптимальной номинации единицы НЯКМ как явления, находящегося на стыке языка и культуры, специалисты предлагают выделить и *лингвокультурему*, и *коммуникативную категорию*, и *культурные константы*, и *лингвоэпистему* (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьев, И.А. Стернин).

Знания основных концептов русской языковой картины мира являются обязательными для коммуниканта – представителя другого языка и культуры, иначе коммуникация с носителем русского языка и культуры может и не состояться (О.А. Корнилов, В.В. Воробьев, Ю.Е. Прохоров). Исследования концептов русской культуры носят и прикладной характер,

предполагают выход на межкультурную коммуникацию или на процесс обучения русскому языку иностранцев.

Термину *языковая картина мира* в испанской лингвистике соответствует *visión del mundo*, употребляемый в переводах немецких и российских лингвистов. Анализ испанского научного специализированного лингвистического дискурса показал, что visión del mundo является низкочастотным предметом исследования, рассматривается только в рамках этнолингвистики. Выводы, полученные в ходе анализа, были подтверждены информантами – специалистами в области филологии (Гранадский университет, Институт Сервантеса (Испания)).

Concepto рассматривается испанскими специалистами как лингвистическая категория, но не характеризуется актуальностью исследования. Концепту в лингвокультурологическом и когнитивном понимании в отечественной науке противопоставляется *concepto* как понятие. *Concepto* понимается как понятие (noción), либо как символ (simbol) [DB 2001: 144]. Concepto возникает из значения слова, не имеет лингвокультурной специфики. Проблема метода описания *concepto* не характеризуется как актуальная, *concepto* не интерпретируется. Испанский лингвист не стал бы связывать *concepto* с этнокультурой, для него *concepto* есть показатель неких мыслительных процессов, выраженных в языке и с помощью языка.

3. **Оппозиция *языковая личность* и *mediador cultural***

1. Выделение понятия *языковая личность* самым непосредственным образом связано с понятием *идеальный говорящий / слушающий*; понятие, широко используется русистами также и в описании межкультурной коммуникации, коммуникативного акта и лингвокультурологической компетенции. Основу данного понятия составляет мысль о том, что человек, говорящий на иностранном языке, способен говорить, писать, читать и слушать как носитель данного языка и культуры. В межкультурной

коммуникации иностранец настолько успешен, насколько он способен приобрести черты носителя, т.е. черты языковой личности. В отечественной науке мы сталкиваемся с понятием и *вторичной языковой личности* (Г.И. Богин, Н.Д. Гальскова, И.И. Халеева).

Языковая личность рассматривается как «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Тхорик, Фанян 2005: 258]. Изучение языковой личности в русистике многоаспектно, во многих случаях связано с коммуникативным, прагматическим уровнем. Исследователей интересует языковая способность как органическая возможность научиться вести речевое общение; коммуникативная потребность, т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив; коммуникативная компетенция как выработанное умение осуществлять общение в его различных регистрах для оптимального достижения цели [Слышкин 2000; Тхорик, Фанян 1999]. В.И. Карасик причисляет к ним и речевое поведение как осознанную и неосознанную систему поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [Карасик 1996, 2004].

Наиболее полное исследование языковой личности проводится Ю.Н. Карауловым. Говоря об основных вехах отечественной лингвистики: исторической, психологической, системно-структурной, социальной, – Ю.Н. Караулов отмечает, что именно языковая личность как объект лингвистического изучения позволяет рассматривать все четыре фундаментальные языковые свойства в их взаимодействии вследствие того, что 1) личность есть средоточие и результат социальных законов, 2) личность есть продукт исторического развития этноса, 3) личность характеризуется мотивационными предрасположениями, возникающими из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями, 4) личность есть создатель и пользователь знаковых, т.е. системно-структурных образований [Караулов 2002: 22]. Языковая личность является видом

полноценного представления личности, вмещающим в себя и психический, и социальный, и этический и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс.

Модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, трехмерна: нулевой уровень назван исследователем семантическим, второй – лингво-когнитивным и третий – прагматическим. Нулевой уровень включает в себя комплекс структурных черт общенационального, общерусского, языкового типа, «нерастворенный» в исторических преобразованиях «остаток» в фонологии, морфологии, синтаксисе, стилистике, лексике, семантике…». При этом, как указывает Ю.Н. Караулов, «на уровне ординарной языковой семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений еще нет возможности для проявления индивидуальности… Языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень ее изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира». Есть некая доминанта, определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологии. Эта доминанта позволяет обозначить базовую личность, под которой понимается «структура личности (установки, тенденции, чувства), общая для всех членов общества и формирующаяся под воздействием семейной, воспитательной, социальной среды» [Там же: 37].

Анализ уровней в модели языковой личности был бы неполным без специфических типовых элементов.

На нулевом, вербально-семантическом, уровне в качестве единиц фигурируют отдельные слова, отношения между ними охватывают все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей, совокупность которых суммируется вербальной сетью. Стереотипами являются наиболее ходовые, стандартные словосочетания, простые формульные предложения и фразы типа ехать на троллейбусе, пойти в кино, купить хлеба.

Вербально-семантический уровень представляет для нас интерес и в том смысле, что именно он дает общерусский языковой тип, под которым Караулов понимает «такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем, т.е. меняясь в сторону усложнения, некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему как-то опознать «русскость» какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова» [Там же: 138].

Единицами лингво-когнитивного уровня являются обобщенные понятия, концепты, идеи. Отношения между этими единицами выстраиваются в упорядоченную, достаточно строгую иерархическую систему, в какой-то степени отражающую структуру мира. Аналогом этой системы может служить тезаурус.

Лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень организации языковой личности имеет дело не семантикой слов, а со знаниями. Источниками знаний о мире являются чувственный опыт, деятельность, язык, тексты, именно поэтому Караулов считает, что единицы тезауруса разнородны, как анизотропным является само когнитивное пространство. К ним можно отнести и научные понятия, и просто слова, приобретшие статус обобщения, символа, за которым скрывается целая область знания, и образы, картины и «осколки» фраз («обрывки мыслей»), стереотипные суждения, вербальные и другие формулы. Сущность и содержание этого уровня достаточно четко, по мнению исследователя, передается понятием картина мира.

Лингво-когнитивный уровень предполагает и свои стереотипы. К ним автор относит устойчивые стандартные связи между дескрипторами, находящие выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, крылатых выражениях, пословицах и поговорках. Из этого многообразия каждая языковая личность выбирает именно те, которые соответствуют устойчивым связям между понятиями в ее тезаурусе и

выражают тем самым незыблемые для нее ценности, определяющие ее жизненную доминанту.

Если на нулевом уровне слова, вербально-грамматическая сеть, стереотипные словосочетания принимаются каждой языковой личностью как данность, то на первом уровне возможным становится индивидуальный выбор, личностное предпочтение одного понятия другому. Оказывается допустимым придание статуса не той идее, которая имеет место быть в стандартно-усредненном тезаурусе социально-речевого коллектива, а той, которая наиболее важна в субъективной иерархии ценностей.

Единицы прагматического уровня обозначены Ю.Н. Карауловым как коммуникативно-деятельностные потребности, безграничные и неисчисляемые в том смысле, что «тонкая варьируемость их не дает возможности найти столь емкие именования, которые не допускали бы в дальнейшем введения каждый раз еще одной новой потребности, не покрываемой уже существующей классификацией…» [Там же: 211]. Потенциальная бесконечность потребностей связана с процессом накопления духовных и материальных ценностей, что формирует ценностный потенциал и общества, и человека. Попытка выделения пяти типов потребностей: в человеческих связях, в самоутверждении, в привязанности, в самосознании, в системе ориентации – не так уж плоха. Понятно, что перечисленные типы тесно связаны с коммуникативными; потребности, заложенные в них, удовлетворяются прежде всего в человеческом общении и реализуются в коммуникативных ситуациях.

Коммуникативно-деятельностные потребности личности вступают в отношения, между которыми задаются условия сферами общения, особенностями коммуникативной ситуации, исполняемыми коммуникативными ролями.

Вопрос о характере и содержании стереотипов прагматического уровня для Ю.Н. Караулова остается недостаточно проясненным. Он предполагает, что эту роль может взять на себя определенный символ, образ, знак

повторяющегося, стандартного для данной культуры, прецедентного, т.е. существующего в межпоколенной передаче текста – сказки, мифа или былины, легенды, притчи, анекдота (в изустной традиции) и классических текстов письменной традиции – памятников, произведений классической художественной литературы и других видов искусства (архитектуры, скульптуры, живописи). Языковой способ выражения прецедентного текста может иметь вид цитаты, ставшей крылатым выражением, имени собственного и т.д.[53].

Модель языковой личности, предложенная Ю.Н. Карауловым, прочно вошла в современную лингвистику, основной чертой которой является обращенность к «человеческому фактору». Современные лингвистические исследования так или иначе затрагивают проблему языковой личности, хотя бы в том смысле, что «система языка локализована в мозгу говорящих людей» [Попова, Стерин 1984: 13].

Языковая личность связана с такими понятиями, как *нация* и *национальный характер*, национальное пронизывает все уровни организации языковой личности. Глубинная аналогия между национальным характером и языковой личностью позволяет говорить о *русской языковой личности*, которая характеризуется наличием общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры), базовой частью общей для русских картины мира (первый уровень) и устойчивым комплексом коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (второй уровень).

Русская языковая личность является важным элементом ***межкультурной*** *коммуникации***,** которая мыслится исследователями русского языка как *коммуникация с носителем русского языка и культуры*, что актуализирует такие предметы исследования, как

[53] Свое решение проблемы стереотипов дают Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров, вводя понятие облигаторности. Если прецедентные тексты рассматриваются в своей принадлежности к русской языковой личности и их роли в ее речевом общении, то облигаторное произведение – с позиции качественной оценки их роли в данной культуре [Верещагин, Костомаров 1990: 196-199]. Прохоров Ю.Е. предлагает свою типологию стереотипов, обеспечивающих организацию речевого общения [Прохоров 2003: 149 – 176].

- особенности культуры носителей русского языка и культуры и проявление этой культуры в личности – ее носителе, *общение с которым и является основной целью как овладения русским языком иностранцем, так и целью межкультурной коммуникации*;

- выявление параметров самой личности, так как в этих параметрах могут заключаться как те отличия, которые определяют ее принадлежность к данной культуре, так и те, которые реализуются в речевом поведении индивида;

- установление специфики организации самого речевого общения представителей определенной культуры (определенного этноса) [Прохоров 2003: 9].

Таким образом, понятие *языковой личности* является определяющим в понимании *межкультурного коммуникативного контакта*.

2. Характеристика *коммуникативного акта* и *коммуникантов* в процессе межкультурной коммуникации является ключом в понимании *межкультурной коммуникации* отечественными исследователями. Рассмотрим четыре типа коммуникативных актов, предложенных в отечественной научно-исследовательской литературе (См. схему № 18).

Тип межкультурного взаимодействия	**Иностранец**	**Носитель языка и культуры**
• ***Первый*** →	монокультуризм / билингвизм (свое для чужих)	монокультуризм / билингвизм (свое для чужих)
	Каждый участник коммуникации ведет ее на базе собственной культуры, по собственным стереотипам общения[54]	

[54] Под стереотипами речевого общения Ю.Е.Прохоров понимает «социально маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемую в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [Прохоров 2003: 98].

• ***Второй***	бикультуризм / билингвизм (свое/чужое для чужих)	монокультуризм / билингвизм (свое для чужих)
→	*Иностранец пользуется в общении своими и чужими стереотипами общения*	*Носитель изучаемого языка пользуется своими стереотипами общения*
• ***Третий***	монокультуризм / билингвизм (свое для чужих)	бикультуризм / билингвизм (свое/чужое для чужих)
→	*Пользуется в общении своими и чужими стереотипами общения*	*Пользуется своими стереотипами и учитывает в организации общения специфику стереотипов общения иностранца*
• ***Четвертый***	Бикультуризм / билингвизм (свое/чужое для чужих)	Бикультуризм / билингвизм (свое/чужое для чужих)
→	*Каждый участник общения пользуется в зависимости от потребностей общения как своими, так и чужими стереотипами*	

Схема № 18. Основные типы коммуникативных актов [Прохоров 2003: 102].

Исследователи предлагают и типы языковых контактов, относя к ним:

1. *Соприкосновение*. Данный тип языкового контакта характеризуется несовпадением стереотипов общения, принятых в разных культурах.
2. *Приобщение* как тип языкового контакта характеризуется определенным наличием знания особенностей общения каждой из сторон, однако реально одна из сторон пользуется двумя типами стереотипов общения – своим и чужим, а вторая исходит только из своего типа.
3. *Проникновение* может рассматриваться как система определенного взаимного учета специфики общения, но в большей мере той из сторон, которая говорит на иностранном языке и находится в инокультуре, при этом овладевая и новыми стереотипами в общении.
4. *Взаимодействие* как тип языкового общения основано на использовании любым участником общения стереотипов общения любой из двух культур.

Данная классификация интересна для нас тем, что дает четкое представление о процессе протекания *межкультурного коммуникативного контакта* и о позиции и роли *коммуникантов*. *Коммуникативный контакт* мыслится как контакт между двумя участниками межкультурной коммуникации, один из которых – иностранец, говорящий на русском языке, другой – носитель русского языка и культуры. Ответственность за успех в коммуникации лежит на иностранце: именно он, по мере знакомства со стереотипами речевого общения, проходит стадии от соприкосновения, когда велика угроза срыва коммуникации, до стадии взаимодействия, когда иностранцем учитываются все нормы коммуникации на русском языке, а носитель лишь сигнализирует о каких-либо нарушениях. «Все рассмотренные типы межкультурных контактов включают, в большей или меньшей степени, определенную адаптацию к стереотипизированным элементам организации речевого общения инокультурного реципиента,

благодаря которой и осуществляется межкультурное общение» [Прохоров 2003: 113]. Коммуникант–иностранец будет настолько успешен в коммуникации с носителем, насколько он сам будет успешен как говорящий/слушающий на русском языке. Иностранец мыслится как идеальный говорящий/слушающий, способный говорить, писать, читать и слушать по-русски как русский. Для эффективной коммуникации с носителем русского языка и культуры иностранец должен стать «русским», включая жестикуляцию. Вспомним, четвертый уровень владения РКИ называется *уровень носителя* (для сравнения в других языковых системах – *уровень профессионала*). Кстати, практика обучения русскому языку как иностранному, развивающаяся под влиянием основных тенденций, характеризующих русистику в целом, рассматривает обучение русскому языку иностранцев как обучение межкультурному общению на русском языке. Цель обучения РКИ – русская национальная личность. Высший критерий владения русским языком иностранцами – эффективная коммуникация с носителем русского языка и культуры.

3. Интересно, что в испанской научно-исследовательской литературе мы встретились с понятием ***identidad lingüística***, отличающимся низкой частотностью употребления и исследования. При характеристике identidad lingüística испанских исследователей интересуют факты языка, являющиеся специфичными для говорящих на испанском в Аргентине, Венесуэле, на Кубе и т.д. Данное понятие не является многоуровневым, как, например, языковая личность в понимании российских ученых, не соотносится с национальной культурой и национальным характером. В рамках анализа данного понятия испанские коллеги анализируют речь представителей определенных социальных групп или женщин и мужчин, детей и взрослых, собственно носителей и эмигрантов и т.д. Таким образом, мы не можем считать понятие Identidad lingüística эквивалентным языковой личности.

Более того, данное понятие не входит в поле comunicación и вообще не соотносится с коммуникацией.

4. ***Hablante / oyente ideal*** был предметом исследования до недавнего прошлого. Данное понятие также было связано с *comunicación intercultural***,** раскрывало ее сущность и напрямую выходило на *eficaz de comunicación* (эффективность коммуникации). В современной испанской лингвистике исследования *hablante / oyente ideal* уходят на периферию концептуального поля ***comunicación***. Причину этого испанские исследователи видят в ином понимании межкультурного коммуникативного контакта. Предлагая отказаться от идеи идеального говорящего / слушающего, испанисты приходят к мысли о том, что человек, говорящий на иностранном языке, всегда сохраняет свою культурную идентичность.

Коммуникация на сегодняшний день понимается как коммуникация мультинациональная. Мы не можем предположить, с представителем какой культуры мы встретимся сегодня, сейчас. В качестве доказательства испанскими исследователями приводится туризм, мультинациональные школы, университеты, фирмы, корпорации. Особое внимание специалистов привлекает коммуникация в среде эмигрантов. Такая точка зрения на коммуникацию связана с глобализацией и интеграцией всех сфер жизни в Европе. Современный мир не имеет границ. Это обусловливает современную коммуникацию: это уже не встреча двух культур, одна из которых твоя, другая – культура изучаемого языка. «Necesidad transitar desde el concepto del hablante ideal hacia el de hablante intercultural: las personas que aprenden una L2 entran en contacto con una cultura que no es la propia y en esa toma de contacto debe conservar su propia identidad»[55].

Такое понимание коммуникации изменяет представление и о самих коммуникантах: их характеризует высокий уровень толерантности и

[55] «Необходимо отойти от концепта идеального говорящего к говорящему intercultural: люди, говорящие на иностранном языке, входят в контакт с другой культурой и, поддерживая этот контакт, должны сохранять свою собственную идентичность» [Sanz 2003: 28].

способность решать конфликт, способность избавиться от высокомерности «цивилизации» при контакте с представителем другой культуры, поиск причин этнической поляризации и ненависти к иностранцам и др.

Таким образом, новое представление о межкультурной коммуникации меняет понимание и коммуникативного акта, и самих коммуникантов, и их роли. Коммуникативный акт не ограничен в количестве участников, причем каждый из них может быть представителем разных культур. Язык коммуникации перестает быть языком одного из участника или нескольких. Этот язык может быть одинаково чужим для всех коммуникантов, выполняя функцию средства межкультурного общения.

Важно, по мнению Мейера, во время контакта, сохраняя свою культурную идентичность, помочь другим участникам сохранить свою. Участник современной межкультурной коммуникации должен быть посредником (mediador) между различными культурами, чтобы избежать столкновения и достичь диалога. ***Mediador cultural*** – «это человек, который облегчает коммуникацию, понимание и взаимодействие между людьми и группами, которые имеют хоть какие-то минимальные отличия в языке и культуре» [Oliveras Vilaseca 2000: 37]. Мейер описывает коммуникантов, разделяя их по уровню, где движение от уровня к уровню происходит в процессе изучения иностранного языка:

- ***Nivel monocultural. Уровень монокультурный***. Человек мыслит только категориями своей культуры. Иностранный язык и культура интерпретируются с точки зрения своей собственной.
- ***Nivel intercultural. Уровень интеркультурный***. Этот уровень предполагает контакт между представителями двух культур, эффективность коммуникативного взаимодействия достигается благодаря знанию иностранного языка, культуры, ценностей, норм поведения и умению интерпретировать с точки зрения изучаемого языка.

- ***Nivel transcultural. Уровень транскультурный.*** Это уровень культурного посредника. Он мыслит категориями своей собственной культуры, но избегает что-либо интерпретировать с опорой на нее. Он способен к диалогу с носителем любого языка и культуры. Эта способность и есть interculturalidad [Marco 2003].

Таким образом, если в российской науке о языке *межкультурная коммуникация* мыслится как коммуникация на русском языке, с носителем русского языка и культуры, то испанское понимание *comunicación intercultural* предполагает участие представителей нескольких лингвокультурных обществ, при этом общение протекает на языке международного общения, который может и не являться родным для кого-то из участников. Такое понимание межкультурной коммуникации (коммуникативного акта) приводит к тому, что в центре исследований российских ученых находится понятие *русская языковая личность,* а *mediador cultural* - в центре исследований испанских коллег.

По мнению российских ученых, иностранец с целью достижения эффективной коммуникации должен владеть, помимо коммуникативной, компетенцией лингвокультурологической. В испанской лингвистике для эффективной коммуникации все участники должны обладать компетенций intercultural.

4. Оппозиция *лингвокультурологическая компетенция и competencia intercultural*

Над понятием *competencia intercultural* работают многие лингвисты, сравнивая ее прежде всего с *competencia comunicativa*. Как и *competencia comunicativa*, *competencia intercultural* включает в себя знания и умения эти знания использовать в коммуникации, а именно знания *что делать* и *как делать*. В отличие от системы РКИ, обучающийся не приобретает новую форму поведения и общения (русскую), или черт русской языковой

личности, а превращается в plurilingue. Благодаря знанию другого языка изменяется собственная языковая и культурная компетенция, что способствует формированию нового сознания *interculturalidad*. Такой подход к обучению позволяет человеку развивать личность, более богатую и сложную, оптимизировать способность обучения языкам и открытия нового культурного опыта. *Un mediador cultural* не только обогащается сам, но и добивается результата в коммуникации между представителями различных культур, владеющих иностранным языком, но не имеющих способности к *interculturalidad*.

При описании *competencia intercultural* выделяются следующие компоненты:

- Способность вести себя адекватно в момент мультикультурного контакта.
- Умение устанавливать и поддерживать мультикультурные отношения на когнитивном и эмоциональном уровне.
- Способность сохранять самоидентичность, при этом являясь посредником между культурами.

По мнению исследователя, *competencia intercultural* по своему содержанию шире, чем *competencia comunicativa*. *Competencia intercultural* состоит из двух составляющих. Прежде всего, это способности и умения к адекватному поведению в различных мультикультурных ситуациях, установлению и поддержке мультикультурных отношений и сочетанию своих собственных национальных черт и черт культурного посредника (*un mediador cultural*). Эти способности подкрепляются знаниями, как добиться успеха в коммуникации на иностранном языке (*competencia comunicativa*). Эти знания составляют компетенцию прагматическую, компетенцию лингвистическую, компетенцию культурную и социолингвистическую, речевую компетенцию, компетенцию психолингвистическую и компетенцию текстуальную (текстовую).

Таким образом, *competencia intercultural* предполагает, что говорящий на иностранном языке, вступающий в контакт между представителями разных культур, должен, во-первых, уметь достичь успеха в коммуникации, во-вторых, не задеть национальные чувства собеседника, в-третьих, сохранить свою национальную идентичность.

М. Бирам, развивая теорию *competencia intercultural*, выделяет следующие компоненты:

- Savoir – entre
- Savoirs
- Savoir – faire

В схеме, предложенной М. Бирам, в основе *competencia intercultural* лежат saberes (знания), помогающие коммуниканту достичь эффективной мультикультурной коммуникации. Эти знания позволяют устанавливать межкультурные отношения и достигать взаимопонимания благодаря умению отказаться от позиции этноцентризма; представляют собой систему культурных отношений, структурированные имплицитные и эксплицитные знания, что способствует достижению согласия во взаимодействии, необходимом для всех коммуникантов. *Competencia intercultural*, в понимании исследователей, способствует сближению культурных норм, символических значений, веры, что сегодня практически недостижимо (См. схему № 19). В данной схеме отражены основные аспекты *competencia intercultural*:

- ***S-etre*** изменяет жизненную позицию
- ***Savoirs*** предполагает знание фактов неродной культуры
- ***S-faire*** дает знания о нормах поведения в чужой культуре
- ***S-apprendre*** помогает изучить неродную культуру
- ***S-comprendre*** позволяет правильно интерпретировать факты чужой культуры

- ***S-s´engager*** способствует принятию чужой культуры [Byram 2001].

Competencia intercultural является одной из основных проблем современной лингвистики. В качестве обобщения можно привести основные характеристики данного понятия, выделенные Содербергом:

- Эффективность: достигается благодаря тому, что человек способен входить в коммуникацию со своим собеседником, принадлежащим другой культуре, отличной от его, с другим типом общения, по-иному интерпретирующим его сообщения.
- Уместность: достигается благодаря тому, что человек в момент межкультурного контакта способен действовать правильно и адекватно, в соответствии с ситуацией, в конкретном социальном контексте.
- Эмоциональная составляющая: включает эмпатию, толерантность, гибкость в двусмысленной ситуации.
- Когнитивная составляющая: включает понимание культурных различий, знания особенностей какой-либо культуры, желание рассуждать по поводу отличия, стереотипов и предубеждений.
- Коммуникативная составляющая: включает способность к пониманию и умение выражать мысли (вербально и невербально), интерпретировать социо- и культурноспецифические знаки.

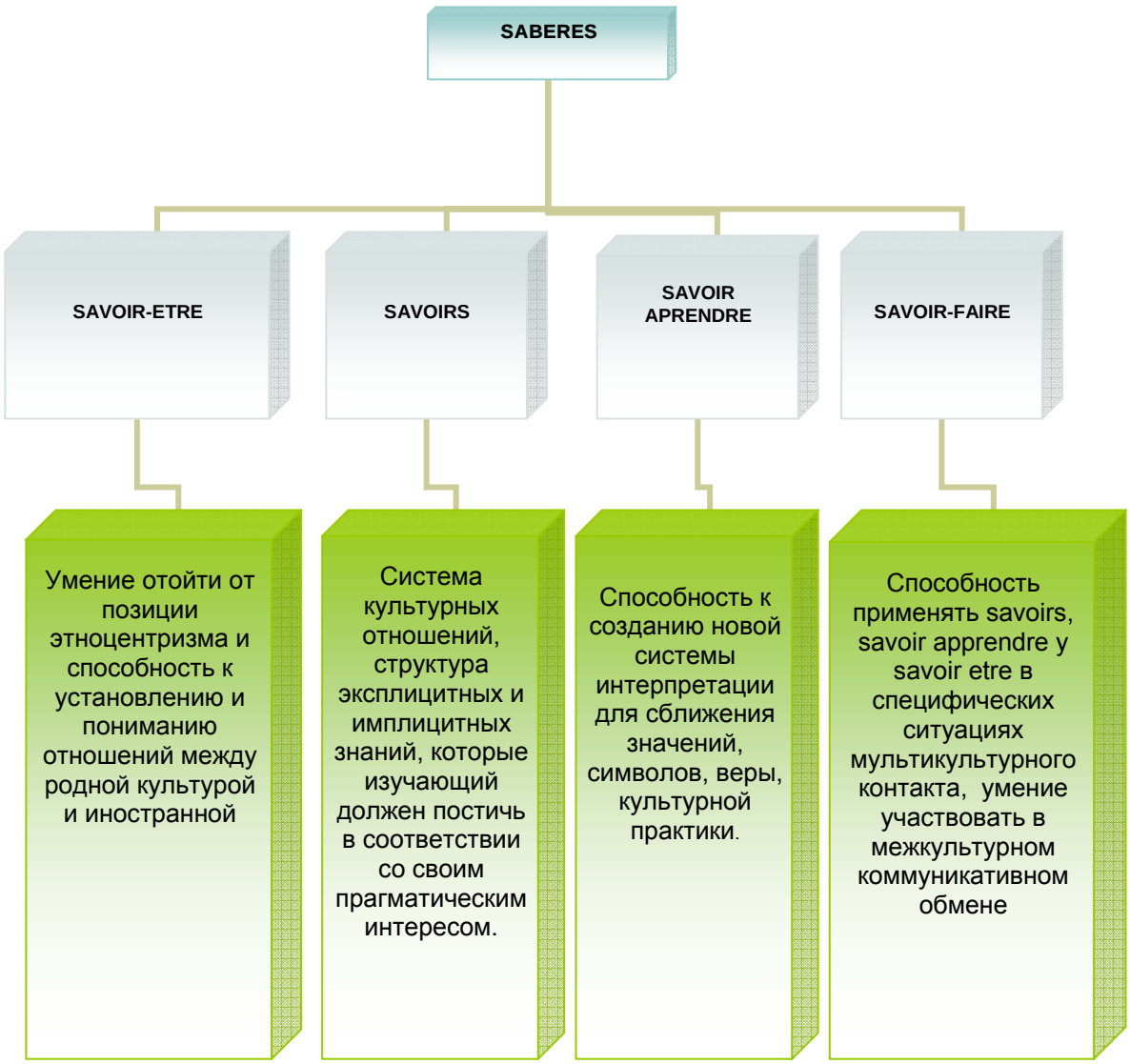


Схема № 19. Competencia intercultural.

Competencia intercultural противопоставлена *лингвокультурологическая компетенция*, за которой стоит определенная картина мира, исторически сложившаяся для нации. *Лингвокультурологическая компетенция* предполагает знание идеальным говорящим/слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Лингвокультурологическая компетенция является обязательной для иностранца, участвующего в коммуникативном взаимодействии с носителем русского языка и культуры.

Таким образом, на содержание межкультурной коммуникации и comunicación intercultural оказали влияние национальные научные традиции.

Культура имеет свой эквивалент в испанском языке - *cultura*, что создает иллюзию идентичности понятий. Первая попытка интерпретировать данные понятия показывает различия в их осмыслении. Наиболее важным для нас является то, что в российской традиции существует четкое разделение *культуры* и *цивилизации*, *cultura* же в понимании испанских мыслителей тождественна *civilización*. *Культура* соотносится, как правило, с *национальной культурой*, отсюда понимание межкультурной коммуникации как коммуникации между представителями разных национальных культур; культурная идентичность в испанской научной традиции является многофакторной, что обусловливает понимание comunicación intercultural как коммуникации между представителями разных культур, при этом, если учесть, что *cultura* может пониматься и как совокупность ценностей отдельного человека, любая коммуникация мыслится как comunicación intercultural.

Понимание межкультурной коммуникации как коммуникации между представителями разных национальных культур обусловливает выделение таких репрезентантов в русском научном специализированном лингвистическом дискурсе, как *лингвокультурная общность, коммуникативный шок, коммуникативное сознание, коммуникативный признак, коммуникативный факт, коммуникативная категория, лингвоэпистема, лингвокультурема, коммуникативный фактор, аспект коммуникативного поведения, коммуникативное сознание, продуктивное и рецептивное коммуникативное поведение, коммуникативные табу, коммуникативные императивы, коммуникативные допущения*. В основном, все эти единицы являются основными категориями новой лингвистической дисциплины - ***коммуникативное поведение*** [Стернин 1993; 1996]. *Лингвоэпистема* и *лингвокультурема* были предложены Е.М.Верещагиным,

В.Г. Костомаровым и В.В. Воробьевым как единицы языковой картины мира, но в активном употреблении носителей российской научной мысли закрепилось понятие *концепт* как понятие, исчерпывающее содержание единицы языковой картины мира.

4.5.2. Одним из основных компонентов научного концепта «коммуникация» является *дискурс* (*discurso*). Анализ научных лингвистических текстов на русском и испанском языках позволил говорить о разном понимании данного понятия.

В российской лингвистической науке дискурс является понятием многозначным: дискурс, во-первых, как элемент коммуникации, во-вторых, дискурс как текст вербализованный, дискурс как любое смысловое пространство, выраженное в любых знаках[56].

В понимании отечественных исследователей дискурс культурно обусловлен, при этом в работах часто встречается ссылка на авторов «этнографии речи», где особое внимание уделяется речи как системе культурно обусловленного поведения и речевой деятельности языкового сообщества как объекту исследования [Степанов 1995; Елизарова 2000]. С этой точки зрения интересны и работы П. Серио, который привносит новое в понимание дискурса, связывая использование языка с особой ментальностью, идеологией [Серио 1999].

Ю.С. Степанов, анализируя различные трактовки дискурса как понятия, называет дискурс «языком в языке», представленным в виде особой социальной данности. «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, - в конечном счете – особый мир» [Степанов 1995: 44]. Для нас важным является тот факт, что явление дискурса в современной науке ученый связывает с осознанием

[56] Понимание дискурса как «осмысленной последовательности любых знаков (например, это и текст устный и письменный, и живописный рисунок, и архитектура, и танец, и обряд)» [ЛЭС 1990: 507], восходит к пониманию текста тартуской школой; дискурс как текст в широком понимании известен российским ученым и благодаря работам Р.Барта [Барт 1994].

«языка как дома духа», которое выводит нас не столько на когнитологический (инструментальный) подход к изучению языка, сколько на созерцательно-философский (культурно-философский) [Там же: 35-36].

Российская лингвистика характеризуется двояким подходом к сущности языка [Степанов 1995]. Первый подход называют по-разному: прагматический, когнитологический, инструментальный. Особенностью его является анализ языка с точки зрения использования его в качестве средства для достижения чего-либо, в качестве инструмента коммуникации, мышления, познания. Второй подход – культурно-философский – поднимает исследования языка на философский уровень. Представители данного подхода отталкиваются от тезиса, что любой этнический язык много шире, чем семиотический код, инструмент коммуникации или инструмент мышления и познания; помимо всего прочего, язык – это «вместилище души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества, которым можно пользоваться не только для конкретных нужд общения, сообщения и хранения информации, оформления логических операций, но и для того чтобы просто наслаждаться им, созерцать его богатство и неповторимость» [Корнилов 2003: 133]. Если исходить из того, что язык – это уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган самопознания, саморефлексии и самовыражения национальной культуры, то вообще «сущность языка» может открыться не инструментальному, а именно философскому взгляду. С этой точки зрения определение Ю.С.Степановым языка как «дома бытия духа» является наиболее точным для характеристики основных тенденций в современной российской лингвистике.

Для нас двоякий подход к сущности языка и возведение его в ранг философской категории подтверждает мысль о национальной специфике мышления, заключающейся в синтетическом подходе к познанию действительности.

Обобщая, можно сказать, что в российской лингвистической литературе в понятии дискурса отражается как понимание discours французскими исследователями, так и discourse в англосаксонской трактовке. В то же время мы можем констатировать осмысление дискурса в традициях российской научной парадигмы, где выделяется не только инструментальный подход к языку, но и культурно-философский, предполагающий национально-специфическую обусловленность дискурса.

Discurso в испанском научном тексте соотносится с текстом, сообщением, высказыванием, реализованными в процессе коммуникации: «texto que tiene coherencia lingüística y puede ser objeto de análisis»[57], называется синонимом enuncio[58], mensaje[59] [DRA]. Испанские исследователи, вслед за Т. Дайком, трактуют discurso как форму использования языка, отражающую то, кто использует язык, как, почему и когда [Dijk 2000]. Discurso включает три измерения: лингвистический аспект, т.е. собственно использование языка; когнитивный аспект передачи знаний; интерактивный аспект взаимодействия субъектов речевой деятельности в социальных ситуациях. Так же, как и в российской научной системе, культурная обусловленность discurso не вызывает сомнений у ученых, работающих в этой области [Blum-Kulka 1999; Calsamiglia, Tusón 1999; Escadell Vidal 1996; Marco 2003]. Предметом их исследования является проблема влияния культурных норм и ценностей на все три перечисленные компонента discurso с целью достижения эффективной коммуникации.

На различия в понимании дискурса российскими и испанскими лингвистами указывают виды discurso, группы, в которые все эти виды объединены, и традиция анализа discurso.

Среди видов discurso выделяются такие, как реклама, журнальная статья, поэма, новелла, научная статья и т.п., объединенные в группы:

[57] «Текст, который имеет лингвистическую согласованность и может быть объектом анализа» [DB: 171].
[58] Высказывание
[59] Сообщение

narrativa[60], descriptiva[61], argumentativa[62], instructiva[63], análitica[64], sintética[65], где две последние во многих лингвистических работах носят единое название expositiva[66]. Каждая группа отличается разными целями, структурой и видами дискурсов, которые в российской лингвистике обозначены как собственно жанры (См. схему № 20).

Tipo (тип)	**Finalidad (цель)**	**Estructura (структура)**	**Géneros (жанры)**
• *Argumentativo (аргументационный)*	Выражать мнение и опровергать с целью убеждения, внушения	Посыл + аргументы + тезис	Юридический и политический дискурсы: анонсы, реклама, эссе, нотации, дебаты, авторские статьи и др.
• *Explicativo (объяснительный)*	Показать причинные отношения, содержащие факты	Почему? + потому что + развитие	Тексты научно-академической сферы, брошюры, инструкции

Схема № 20. Виды discurso [González Nieto 2001: 248].

Мы можем сделать вывод, что discurso понимается испанскими учеными прежде всего как текст в его стилистической и жанровой принадлежности.

[60] повествовательная
[61] описательная
[62] аргументационная
[63] инструктивная
[64] аналитическая
[65] основанная на синтезе
[66] толкующая

Важной для понимания discurso является и классификация, в которой противопоставлены discurso oral и discurso escrito,[67] discursos formal и informal,[68] которые еще могут быть обозначены как público и privado,[69] discursos primarios и secundarios,[70] где к discursos secundarios относятся художественные произведения.

Отметим и традицию анализа discurso, где discurso рассматривается как элемент коммуникативного взаимодействия, характеризуется как высказывание. Анализ осуществляется по схеме:

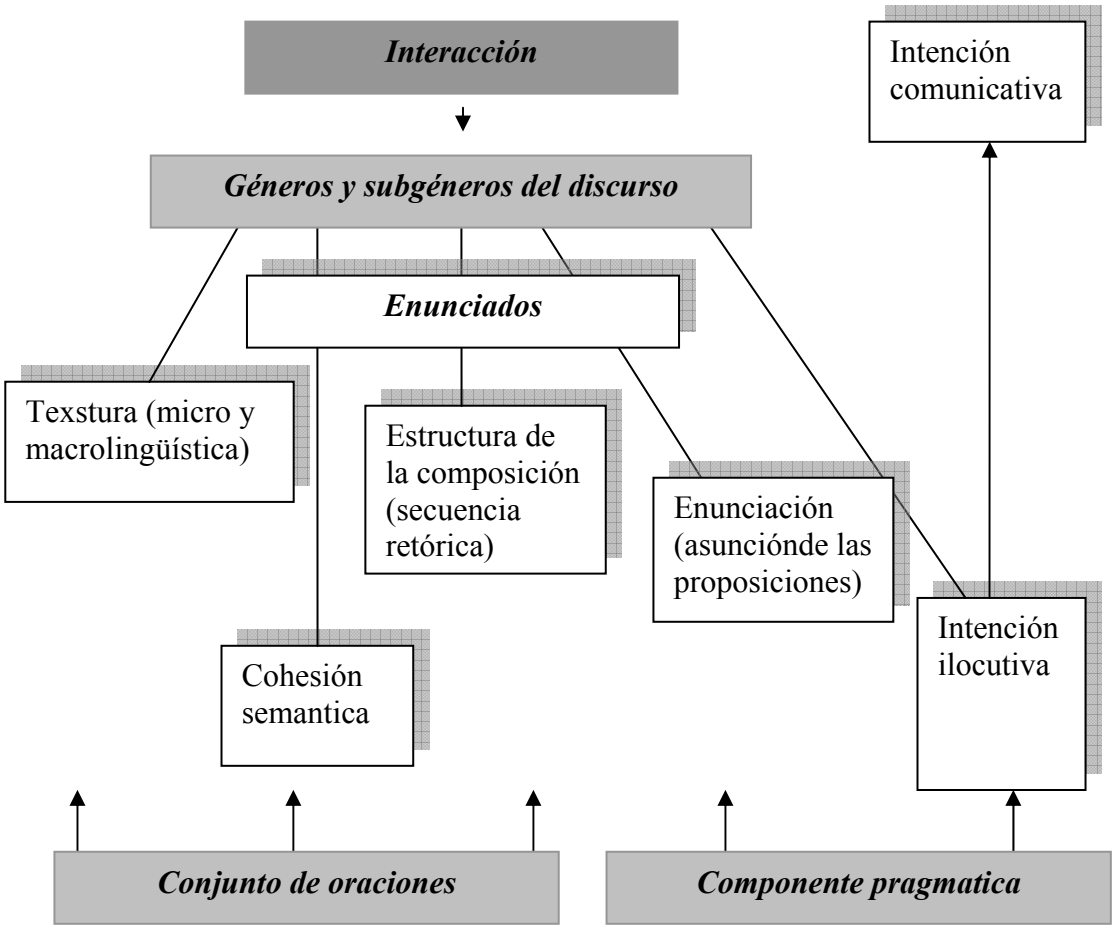


Схема № 21. Анализ discurso[71].

[67] Дискурс устный и письменный.
[68] Дискурс формальный и неформальный.
[69] Публичный и частный.
[70] Первичный и вторичный.
[71] Взаимодействие → типы и подтипы дискурса (высказывания): структура (микро- и макролингвистика), композиция (риторический порядок) – единицы речи; семантическая связь, высказывание как утверждение, суждение, иллокутивное намерение, имеющее связь с намерением коммуникативным – компоненты прагматики [González Nieto 2001: 253].

Итак, во-первых, очевидно, что в основе понимания discurso лежит англосаксонская трактовка: дискурс как текст. Об этом свидетельствуют и ссылки на ученых данной школы. Во-вторых, в научной литературе дискурс часто выступает как синоним enuncio, mensaje и даже acto de habla, что указывает на прямую связь дискурса с коммуникацией. В-третьих, дискурсом в испанской научной литературе называется только текст, реализованный вербально. Такая узкая трактовка discurso, по сравнению с российской, обусловлена пониманием языка как инструмента, и, как следствие, прагматический подход к анализу языка выделяется как основной.

Таким образом, научная традиция оказывает влияние на содержание научного концепта «коммуникация». Так, разное понимание понятия «культура» в испанской и российской научной традиции обусловливает выделение различных репрезентантов в научном специализированном лингвистическом дискурсе на русском и испанском языках, что во многом определяет содержание исследуемого концепта и указывает на специфичное в его структуре.

Специфичное в структуре и содержании научного концепта «коммуникация» обусловлено и преобладающим подходом к языку как инструменту в испанской научной традиции, и выделением, помимо инструментального, культурно-философского – в российской.

4.6. Связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка

Как показал поэтапный анализ, научный концепт «коммуникация» обладает сложной и многомерной структурой, включающей ядро, приядерную зону и периферию.

Ядро концепта представлено понятием «коммуникация», где подчеркивается деятельностный характер коммуникации и рассматривается

коммуникация как конкретное действие по передаче (обмену) информации. В приядерную зону входят компоненты, отражающие процесс и природу коммуникации. Периферию составляет специфичное, присущее определенному лингвокультурному научному сообществу.

Анализ языковой репрезентации научного концепта «коммуникация» позволил сделать вывод о том, что специфичное проявляется в результате интереса исследователей к человеку говорящему: к его культуре, этнической принадлежности, особенностям коммуникативного поведения, характеру, ценностям, идеям и т.д.

Научный концепт как мыслительная категория содержит общее, отражающее универсальное научное знание; в своей языковой репрезентации научный концепт обнаруживает черты, присущие определенному языковому сообществу, что обусловливает специфичное в его структуре и содержании.

Специфичное формируется под воздействием таких факторов, как влияние языковой картины мира национального языка на процесс терминообозначения репрезентантов и их содержание, этнокультурных особенностей общения и научной традиции. Выявление данных факторов позволяет установить связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка как отражения национального менталитета, что показано на схеме № 22.

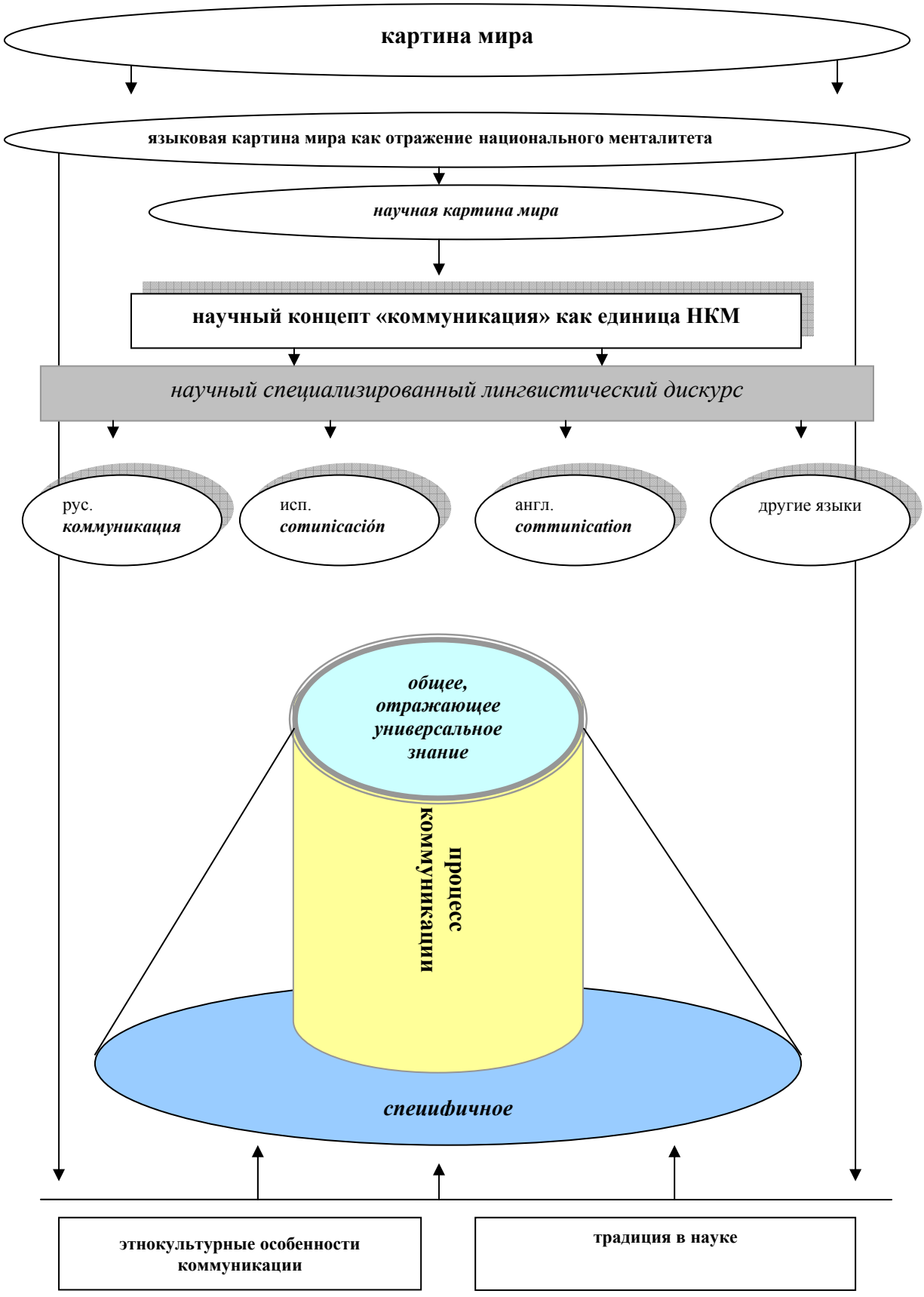


Схема № 22. Связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка.

Выводы к главе II

Таким образом, научный концепт является ключевым концептом в лингвистической частнонаучной картине мира, что является следствием повышенного внимания лингвистов к коммуникации как объекту изучения. В современной лингвистике выделяется ряд научных дисциплин синтезирующего характера, где коммуникация рассматривается как основной предмет исследования. Научный концепт «коммуникация» характеризует различные научные сообщества, относящиеся к разным лингвокультурам.

Формирование научного концепта «коммуникация» проходило на протяжении всего XX века по мере появления новых знаний о человеческой коммуникации. В основе терминообозначения данного концепта лежит лексема латинского происхождения *communicātio*: англ. *communication,* франц. *communication,* исп. *comunicación,* рус. *коммуникация* и др. составляют имя концепта.

Ядром научного концепта является научное понятие *коммуникация*, отражающее коммуникацию как специфический вид деятельности и как конкретное действие по передаче (обмену) информации.

Выделение репрезентантов научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе позволило выделить общее, отражающее универсальный для всех исследователей процесс когниции, и специфичное, присущее определенной научной системе. Общее характеризует процесс коммуникации, специфичное же связано с человеком говорящим, его культурой, ценностными установками, идеями и т.д.

На формирование специфичного в структуре научного концепта «коммуникация» оказала влияние научная традиция, этнокультурные особенности речевого взаимодействия, обыденное языковое сознание профессиональной языковой личности. Таким образом, была установлена связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, целью данного диссертационного исследования является анализ языковой репрезентации научного концепта «коммуникация» в специализированном научном лингвистическом дискурсе и особенностей его структуры.

Исходя из того, что научный концепт отражает знание как результат научного познания окружающей действительности, мы рассмотрели научный концепт как лингвокогнитивный и определили его как способ и результат категоризации и квантификации научных знаний, полученных в результате научно-исследовательской деятельности и вербализованных в подъязыке науки.

Для уточнения содержания концепта «коммуникация» мы выделили его как единицу лингвистической частнонаучной картины мира, представляющей собой совокупность научных лингвистических знаний, вербализованных в подъязыке науки, ядром которой является лингвистическая терминология.

Научный концепт «коммуникация» как единица лингвистической частнонаучной картины мира репрезентируется в специализированном научном лингвистическом дискурсе, определяемом нами как последовательность и/или совокупность научных лингвистических текстов, являющихся результатом вербально опосредованной деятельности профессиональной языковой личности в специальной лингвистической сфере.

В ходе поэтапного анализа научного концепта «коммуникация» было выявлено, что «коммуникация» является ключевым концептом лингвистической частнонаучной картины мира, так как в современной лингвистике рассматривается как актуальный предмет исследования; повышенное внимание лингвистов к коммуникации обусловливает

выделение новых лингвистических дисциплин синтезирующего типа, где коммуникация является основным предметом исследования.

В основе научного концепта «коммуникация» лежат знания, полученные в результате речемыслительной деятельности исследователей, в процессе рождения новых концепций ученых – представителей разных научных традиций: англосаксонской, французской, российской и др., что служит основанием считать данный научный концепт универсальным, т.е. отражающим когнитивный процесс, единый для многих ученых-носителей разных лингвокультур.

В основе терминообозначения средствами национальных языков лежит лексема, заимствованная из латинского языка, *communicātio*: англ. *communication,* франц. *communication,* исп. *comunicación,* рус. *коммуникация* и др. составляют имя концепта.

Формирования исследуемого концепта проходило на протяжении всего XX века; по мере накопления знаний о коммуникации в структуру концепта входили все новые и новые компоненты.

Ядро научного концепта «коммуникация» составляет понятие *коммуникация*, в котором подчеркивается деятельностный характер коммуникации и процесс коммуникации как конкретного коммуникативного действия.

Результатом анализа научно-теоретических текстов на русском, испанском, английском языках явилось выделение терминологических единиц-компонентов, отражающих универсальное знание о человеческой коммуникации и составляющих универсальный инвариант лингвистической частнонаучной картины мира: *диалог, эффективная (успешная) коммуникация, коммуникация вербальная/невербальная, речевой (коммуникативный) акт, иллокуция, перлокуция, коммуниканты, говорящий/слушающий, компетенция* и др. Данные репрезентанты, являющиеся общими для многих научных лингвокультурных систем,

составляют приядерную зону в структуре научного концепта «коммуникация».

В ходе анализа особенностей репрезентации научного концепта «коммуникация» средствами национального языка, в частности, русского и испанского, были выделены языковые репрезентанты, отражающие специфичное в научном знании и расположенные на периферии исследуемого концепта.

Если общее содержит универсальное знание о природе и процессе коммуникации, специфичное связано с интересом исследователей к человеку говорящему с его культурой, особенностями коммуникативного поведения, характером, идеалами и т.д. Общее составляет 74, 6%, а специфичное – 25, 4 %.

Определение смыслового объема компонентов-репрезентантов в результате анализа научно-теоретических текстов, опроса респондентов, работы с информаторами легли в основу определения факторов, оказывающих влияние на формирование специфичного:

- на процесс терминообозначения и смысловой объем некоторых компонентов-репрезентантов оказывает влияние языковая картина мира: из средств национального языка выбираются те, которые максимально точно отражают содержание концепта, обусловленного особенностями той или иной лингвокультуры (например, *influence* (англ.), *influsso* (итал.), *influence* (фран.), *influencia* (испан.), *воздействие* (рус.));

- содержание компонентов-репрезентантов научного концепта «коммуникация» может корректироваться в зависимости от содержания ключевых концептов национальных языковых картин мира. Например, смысловой объем компонентов *espacio comunicativo* (исп.), *коммуникативное пространство* (рус.), *comportamiento verbal* (исп.), *коммуникативное поведение* (рус.) определяется смысловым объемом культурных концептов «пространство», «свобода»;

- ключевые концепты национальной языковой картины мира определяют и культуру общения, этнокультурные особенности коммуникативного взаимодействия, которые, в свою очередь, обусловливают особенности в структуре научного концепта «коммуникация». Так, особенности русского и испанского коммуникативного поведения детерминируют выделение таких репрезентантов на испанском языке, как *comunicación (согласие)*, *tolerancia*, *cortesía, asuntos privados, imagen pública, prestigio social, petición,* на русском - *эмоциональное воздействие, внушение, манипуляция, авторитетность, агрессия*;

- оказывать влияние на содержание научного концепта «коммуникация» может и научная традиция. Так, разное понимание *культура* в испанской и российской научной традиции обусловливает выделение различных репрезентантов в научном специализированном лингвистическом дискурсе на русском и испанском языках, что во многом определяет содержание исследуемого концепта и указывает на специфичное в его структуре.

Таким образом, влияние языковой картины мира национального языка, культуроспецифических особенностей коммуникации того или иного этнолингвокультурного сообщества, научная традиция являются факторами, обусловливающими специфичное в структуре и содержании научного концепта «коммуникация», вербализованного в специализированном научном лингвистическом дискурсе, и указывает на связь научной картины мира и языковой картины мира национального языка.

Научный концепт как мыслительная категория отражает универсальное научное знание; в своей языковой репрезентации научный концепт обнаруживает черты, присущие определенному языковому сообществу, что обусловливает специфичное в его структуре и содержании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аберкромби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. - М.: Экономика, 2000. – с. 413.
2. Авербух, К.Я. Стратификация терминологии в аспекте системных представлений / К.Я. Авербух // Научно–техническая терминология: Науч.–техн. реф. сб. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 6 – 8.
3. Алексеева, Л.М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
4. Алексеева, Л.М. Проблема термина и терминообразования / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 119 с.
5. Алексеева, Л.М. Специфика научного перевода / Л.М. Алексеева. - Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. - 125 с.
6. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. - М., 2005. – 416 с.
7. Аликаев, Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики / Р.С. Аликаев. – Нальчик: Эльфа, 1999. – 317 с.
8. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т.I. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Шк. "Яз.рус.культуры": Изд.фирма"Вост.лит." РАН, 1995. - 472с.
9. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 3 – 6.
10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999. – 896 с.
11. Архипов, И.К. «Знак-предмет» и «знак-ситуация»: текст и дискурс / И.К. Архипов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб., 2001. – С. 46 – 58.

12. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 280.
13. Асоян, Ю. Историография концепта «cultura» (Античность – Ренессанс – Новое время) / Ю. Асоян, А. Малафеев // Открытие идеи культуры. Опыт русской культурной середины XIX – начала XX веков. – М., 2000. – С. 29 – 61.
14. Ахманова, О.С.Научное определение как лингвистическая и семиотическая проблема / О.С. Ахманова, С.А. Тер-Мкртичан // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 57 – 63.
15. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
16. Баженова, Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е.А. Баженова. - Пермь: ПГУ, 2001. – 269 с.
17. Баранов, А.Г. Уровни когниотипичности в текстовой деятельности / А.Г. Баранов // Когнитивная парадигма: тезисы докл. междунар. конф. – Пятигорс, 2005. – С. 24 – 27.
18. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. - М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
19. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
20. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
21. Бисималиева, М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М.К. Бисималиева // Филологические науки. – 1999. - № 3. - С. 78 – 85.
22. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. - Л.: ЛГУ, 1990. – 88 с.

23. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – 123 с.
24. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. - М.: Шк. «Мастер рус.культуры»: Кошелев, 1997. – 574 с.
25. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
26. Вежбицкая, А. Понимание культуры через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая. – М.: Яз.славян.культуры, 2001. – 287 с.
27. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
28. Вернадский, В.И. Живое вещество / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1978. – 351 с.
29. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
30. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 173 с.
31. Володина, М.Н. Термин как элемент системы языкового выражения специальных понятий / М.Н. Володина // Научно – техническая терминология: науч. – техн. реф. сб. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 27 – 29.
32. Воркачев, С.Г. Методологические основы лингвоконцептологии / С.Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып.3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – С. 79 – 95.
33. Воркачев, С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 2003. – Вып. 24. – С. 5 – 12.

34. Ворожцова, И.Б. Культура – язык – текст / И.Б. Ворожцова // Язык – Дискурс – Текст. Межвуз. сб. науч. трудов. – Вып. 1. – Ижевск, 1998. – С. 12 - 23.
35. Ворожцова, И.Б. Ориентации общения в русской и французской культуре / И.Б. Ворожцова // Метод активизации возможностей личности и коллектива 25 лет спустя: Юбилейный сборник статей. – М.: Научно-образовательный центр «Школа Китайгородской», 2000. – С. 168 – 173.
36. Ворожцова, И.Б. Культурная обусловленность восприятия текста / И.Б. Ворожцова // Текст: восприятие, информация, интерпретация / Пленарное заседание. Текст как явление культуры. Информационно-аналитическая обработка текста: Сборник докладов 1 Международной научной конференции Российского нового университета (Москва, 27 – 28 мая 2002 г.). – М.: РОСНОУ, 2002. - С. 110 – 122.
37. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т.А. Воронцова. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
38. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1996. – 414 с.
39. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистических исследований / И.Р. Гальперин - М.: УРСС, 2005. – 137 с.
40. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. – М.: Сов.писатель, 1988. – 445 с.
41. Гойхман, О.Я. Основы речевой коммуникации / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 272 с.
42. Грайс, Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – С. 217 – 237.
43. Грек, А.Г. О словах со значением речи и молчания в русской духовной традиции / А.Г. Грек // Логический анализ языка: Избранное. 1988 –

1995 / под ред. Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Спиридонова. – М.: Индрик, 2003. – С. 581 – 591.

44. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
45. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
46. Гуревич, А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов» / А.Я. Гуревич - М.: Индрик, 1993. – 328 с.
47. Данилевская, Н.В. Познавательная оценка в научном дискурсе (применительно к понятию эпистемической ситуации) / Н.В. Данилевская // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз.сб.науч.трудов / отв. Ред. М.П. Котюрова. – Пермь: Пермский ун-т, 2003. – Вып. 6. – С. 153 – 172.
48. Дейк, Т.А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т.А.ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 153 – 211.
49. Дейк, Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк. – М., 1989. – 311 с.
50. Демьянков, В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 172 с.
51. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории во второй половине XX века / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 239 – 320.
52. Демьянков, В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. - №1. - С. 35 – 47.
53. Дышлевой, П.С. Научная картина мира и мир культур / П.С. Дышлевой, Л.В. Яценко // Научная картина мира: Логико-гносеологический аспект. – Киев, 1983. – С. 5 – 37.

54. Елизарова, Г.В. Культурологическая лингвистика / Г.В. Елизарова. – СПб.: Изд-во «Бельведер», 2000. – 140 с.
55. Желтухина, М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т Языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
56. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
57. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
58. Капанадзе, Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» / Л.А. Капанадзе // Развитие лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1965. - С. 75 – 85.
59. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград - Архангельск, 1996. - С. 3 – 16.
60. Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики. Волгоград, 1999. – С. 3 – 18.
61. Карасик, В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 37 – 64.
62. Карасик, В.И. О категориях лингвокультурологии / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001. – С. 3 – 16.
63. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И.Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
64. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

65. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
66. Караулов, Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в условиях эксперимента / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2003. – С. 67 - 97.
67. Кашкин, В.Б. Введение в теорию коммуникации / В.Б. Кашкин. – Воронеж: Издательство ВГТУ, 2000. - 175 с.
68. Колесов, В.В. «Жизнь происходит от слова…» / В.В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
69. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка / Г.В. Колшанский. – М.: КомКнига, 2005. – 176 с.
70. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
71. Котюрова, М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект) / М.П. Котюрова. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. – 171 с.
72. Котюрова, М.П. Актуализация преемственности знания в научном тексте / М.П. Котюрова. - Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996. – Т. 2. – Ч.1. – С. 143 – 158.
73. Кравец, А.С. О статусе научной картины мира / А.С. Кравец // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. – М.; Обнинск, 1983. – С. 44.
74. Красных, В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций / В.В. Красных. - М.: Гнозис, 2001. – 269 с.
75. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.

76. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. - М., 1997. – 337 с.
77. Кубрякова, Е.С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: Докл.VI междунар. конф. – М., 1998. – Т.1. – С. 47 – 50.
78. Кубрякова, Е.С. Парадигмы лингвистического знания и их строение / Е.С. Кубрякова // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: Грамматика, семантика, словообразование: материалы междунар. конф. – Калининград, 2003. – С. 3 – 10.
79. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о мире: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
80. Кузьменкова, Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян / Ю.Б. Кузменкова. - М., 2005. – 316 с.
81. Куликова, И.С. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии) / И.С. Куликова, Д.В. Салмина. – СПб: «САГА», 2002. – 352 с.
82. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. - М., 2001. – 608 с.
83. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – М.: «Смысл», СПб.: «Лань», 2003. – 286 с.
84. Лихачев, Д. Заметки о русском / Д. Лихачев. – М.: Сов. Россия, 1981 – 71 с.
85. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П.Нерознака. – М., 1997. – С. 280 – 288.
86. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.

87. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
88. Лотман, Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция / Ю.М. Лотман // Избранные статьи: В 3т. Т.3. – Таллинн: Александра, 1993. – С. 127 – 138.
89. Лузина, Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания / Л.Г. Лузина // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. тр. / под ред. Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 41 – 51.
90. Ляпин, С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Вып. 1. – Архангельск, 1997. – С. 11 – 35.
91. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М.Л. Макаров. - Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1998. – 200с.
92. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
93. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В.А. Маслова. – Мн.: тетраСистемс, 2005. – 256 с.
94. Матвеева, Г.Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста / Г.Г. Матвеева. – Ростов: Ростовский университет, 1984. – 132 с.
95. Меликян, С.В. Молчание в русском общении / С.В. Меликян // Финское и русское коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж, 2000. – С. 47 – 52.
96. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): Автореф. дис. …канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. / Е.В. Михайлова. – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т., 1999. – 22 с.
97. Михальчук, И.П. Концептуальные модели в семантической реконструкции (индоевропейское понятие «закон») / И.П. Михальчук. - ИАН СЛЯ. – 1997. - Т. 56. - № 4. – С. 29-39.

98. Нерознак, В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск, 1998. – С. 80 – 85.
99. Нерознак, В.П. Теория словесности: старая и новая парадигма / В.П. Нерознак // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. – 320 с.
100. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., 1991. – С. 117 – 123.
101. Николаева, Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 467 – 472.
102. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв: [в 3 т.]. Т.2: Стилистика научного текста: (общие параметры), ч.1 / под ред. М.Н. Кожиной. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 1996. – 378 с.
103. Павиленис, Р.И. Язык. Логика. Философия / Р.И. Павиленис. – Вильнюс: Мингис, 1981. – 238 с.
104. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. тр. / под ред. Кубряковой Е.С., Лузиной Л.Г. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – 164 с.
105. Передриенко, Т.Ю. Модели концептуального анализа / Т.Ю. Передриенко // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. – С. 119 – 124.
106. Пирогова, Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений / Ю.К. Пирогова // Проблемы прикладной лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 209 – 227.

107. Планк, М. Единство физической картины мира / М. Планк. – М.: Наука, 1966. – 282 с.

108. Планк, М. Смысл и границы точной науки / М. Планк // Вопросы философии. – 1958. - № 5. – С. 104 – 106.

109. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.

110. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 30 с.

111. Поршнев, Б.Ф. Социальная психология и история / Б.Ф. Поршнев. – М.: Наука, 1979.

112. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Б.А. Серебренников, Е.С.Кубрякова, В.И.Постовалова и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8 – 70.

113. Потебня, А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.

114. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефлбук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.

115. Прохоров, Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М., 2002. – 277 с.

116. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 224 с.

117. Прохоров, Ю.Е. Концепт, текст, дискурс в структуре содержания коммуникации: дис. …д-ра филол. Наук / Ю.Е. Прохоров. – Москва, 2006. – 338 с.

118. Радченко, О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства / О.А. Радченко. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 312 с.

119. Ракитина, С.В. Научный текст: когнитивно-дискурсивные аспекты: монография / С.В. Ракитина. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – 278 с.

120. Ракитина, С.В. Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. Дис…. Д-ра филол.наук. / С.В. Ракитина. – Волгоград: ГОУВПО «Волгоградский государственный педагогический университет», 2007. – 46 с.

121. Ревзина, О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестник МГУ. Филология. – 1999. - №1. – С. 25 – 33.

122. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С.Кубрякова, В.И.Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

123. Руденко, Д.И. Философия языка: путь к новой эпистеме / Д.И. Руденко, В.В. Прокопенко // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 118 – 143.

124. Салимовский, В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (Русский научный академический текст): дис. …д-ра филол. Наук / В.А. Салимовский. – Екатеринбург, 2002. – с. 343.

125. Сепир, Э. Коммуникация / Э. Сэпир // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 210 – 215.

126. Серебренников, Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 319 с.

127. Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. И португал. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12 – 53.

128. Серль, Дж. Что такое речевой акт? / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. 17: Теория речевых актов. – С.151 – 169.

129. Серова, И.Г. Современный проблемы филологии: Учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ТГУ им Г.Д.Державина, 2002. – 162 с.

130. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

131. Слышкин, Г.Г. Концептологический анализ институционального дискурса / Г.Г. Слышкин // Филология и культура. – 2001. – С. 34 – 36.

132. Снитко, Т.Н. Предельные понятия в западных и восточных лингвокультурах / Т.Н. Снитко. – Пятигорск: Изд-во пятиго.гос.лингвист.ут-та, 1999. – 156 с.

133. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М: Прогресс, 1977. – 625 с.

134. Степанов, Ю.С. Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы / Ю.С. Степанов // Лингвистика: Взаимодействие концепций и парадигм. – Харьков, 1991. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 9 – 10.

135. Степанов, Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 35 – 73.

136. Степанов, Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 7 – 34.

137. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2001. – 990 с.

138. Стерин, И.А. Коммуникативное поведение и национальная культура народа / И.А. Стернин // Филологические записки. – 1993. - № 1. – С. 180 – 186.

139. Стернин, И.А. Коммуникативное поведение и межнациональная коммуникация / И.А. Стернин // Этнолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М., 1996. – С. 75 – 81.

140. Стернин, И.А. Речевое воздействие как интегральная наука / И.А. Стернин // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания: Сб.научн.трудов в честь проф. Л.А. Шкатовой. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. – С. 148 – 154.

141. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Полиграф, 2001. – 252 с.

142. Стернин, И.А. Методика исследования структуры концепта / И.А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 58 – 65.

143. Сусов, И.П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы / И.П. Сусов // Прагматика и семантика синтаксических единиц. – Калининград, 1984. – С. 3 – 12.

144. Сусов, И.П. Говорящая личность в лингвосоциальном и лингвопрагматическом пространствах / И.П. Сусов // Социальная стратификация языка: Матер. Межвуз. конф. Пятигорск. гос. пед. ин-та иностр. яз. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1989. – С. 57 – 59.

145. Текст – дискурс – стиль. – СПб.: Изд-во С.-Петерб.гос.ун-та экономики и финансов, 2003. – 192 с.

146. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

147. Троянская, Е.С. Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей / Е.С. Троянская // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 1986. – С. 16 – 27.

148. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: ГИС, 2005. – 260 с.

149. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им.

В.В.Виноградова / Е.В. Урысон. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

150. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт еще одного самосознания / Н.В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2003. – С. 139 – 163.

151. Харченко, Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении / Е.В. Харченко. – Челябинск: Издательство ЮурГУ, 2003. – 336 с.

152. Фесенко, Т.А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений / Т.А. Фесенко // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сб. науч. трудов. – Рязань, 2000. – С. 141 – 144.

153. Филоненко, Т.А. Жанрово-стилистические характеристики англоязычного научно-методического дискурса: дис. …канд. фил. наук / Т.А. Филоненко. – Самара, 2005. – 181 с.

154. Философия науки: Проблемы рациональности. – М.: РАН ИФ, 1995. – 325 с.

155. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация, 1992, № 3. – С. 3 – 29.

156. Цурикова, Л.В. Естественность дискурса как когнитивно-прагматический феномен / Л.В. Цурикова // С любовью к языку. – М., Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 419 – 429.

157. Чернейко, Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л.О. Чернейко. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1997. – 320 с.

158. Чернявская, В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. – СПБ: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11-22.

159. Чернявская, В.Е. Интерпретация научного текста: Учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.

160. Швырев, В.С. Научное познание как деятельность / В.С. Швырев. – М.: Политиздат, 1984. – 232 с.

161. Шеллов, С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения / С.Д. □еллов. – СПб.: Филологический фак-т СпбГУ, 2003. – 280 с.

162. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

163. Штейнталь, Г. Грамматика, логика и психология / Г. Штейнталь // В.А.Звегинцев. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч.1. – С. 8 – 10.

164. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

165. Эйнштейн, А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности / А. Эйнштейн // Собрание научных трудов. – М., 1967. – С. 136 – 139.

166. Эпштейн, М.Н. Транскультура: между глобализмом и многокультурием. / М.Н Эпштейн // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия/под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна.–СПб.: Алетейя, 2003.

167. Эрн, В.Ф. Борьба за Логос. Опыты философские и критические / В.Ф. Эрн. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 589 с.

168. Этнокультурная специфика языкового сознания / отв. Ред. Н.В. Уфимцева. – М., 1996. – 256 с.

169. Язык. Культура. Этнос / С.А. Арутюнова, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов и др. – М.: Наука, 1994. – 234 с.

170. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация: Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 306-330.

171. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

172. Якубинский, Л.П. О диалогической речи / Л.П. Якубинский // Избр. Работы: Язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С. 17 – 59.

173. Adjémian, C. On the nature of interlanguage systems / C. Adjémian // Language Learning. – n. 26 (2). – PP. 297 – 320.

174. Aguirre, Á. Cultura e identidad cultural / Á. Aguirre. – Barcelona: Bardenas, 1997. – 273 p.

175. Alsina Rodrigo, M. La comunicación intercultural / M. Alsina Rodrigo. - Barcelona: Anthropos, 1999. – 270 p.

176. Alsina Rodrigo, M. Teorías de la comunicación. Ámbitos, métodos y perspectivas / M. Alsina Rodrigo. - Barcelona: Bellaterra, 2001. – 235 p.

177. Alba de Diego, V. La cortesía en la petición de permiso / V. Alba de Diego // Actas del V Congreso Inrenacional de ASELE. – Santander, 1992. – PP. 183 – 197.

178. Austin, J. L. Cómo hacer cosas con palabras / J. L. Austin. – Barcelona: Paidós, 1990. – 217 p.

179. Bachman, L.F. Habilidad lingüística comunicativa / L.F. Bachman // Competencia comunicativa. – Madrid: Edelsa, 2000. – PP. 105 – 129.

180. Bertuccelli, M. Qué es la pragmática / M. Bertuccelli. – Barcelona: Paidós, 1995. – 319 p.

181. Blum-Kulka, S. Pragmática del discurso / S. Blum-Kulka, T. Van Dijk // El discurso como interacción social. – Barcelona: Gedisa, 1999. – PP. 67 – 100.

182. Brown, P. Politeness: Some Universal in Language Use / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge, 1987. – 345 p.

183. Byram, M. Perspectivas interculturales en el aprendizaje de idiomas. Enfoques a través del teatro y la etnografía / M. Byram, M. Fleming. -

Cambridge: Cambridge University Press. Colección Cambridge de Didáctica de lenguas, 2001. – 304 p.

184. Calsamiglia, H. Las cosas del decir. Manual de análisis del discurso / H. Calsamiglia, A. Tusón. – Barcelona: Ariel, 2004. – 386 p.

185. Canale, M. From communicative competence to communicative languge pedagogy / M. Canale // Languge and Communication. – Longman Group, 1983. – PP. 2 – 27.

186. Casal Isabel, I. Comunicación intercultural y enseñanza de lenguas extranjeras: hacia la superacóin del etnocentrismo / I. Casal Isabel // Boletín de ASELE. – 1999. – n. 21. – PP. 13 – 23.

187. Cestero, M. Lingüística aplicada y la enseñanza de español como lengua extranjera: desarrollos recientes / M. Cestero. – Alcal de Henares : Universidad de Alcal, 2006. – 94 p.

188. Cerrolaza, O. La cofluencia de diferentes culturas: cómo conocerlas e integrarlas en la clase / O. Cerrolaza // Didáctica del español como lengua exranjera. – Madrid: Expolingua. – 1996. – vol. 3. – PP. 19 – 32.

189. Chomsky, N. Rules and representations / N. Chomsky. – New York: Columbia University Press, 1980. – 299 p.

190. Cohn Bendit, D. La interculturalidad que viene: el diálogo necesario / D. Cohn Bendit. – Barcelona: Fundació Alfons Comín, 1998. – 280 p.

191. Cots, J.M. Hacia una descripción pedagógica de la competencia pragmática de los hablantes nativos de lengua inglesa / J.M. Cots // Competencia comunicativa. – Madrid: Edelsa, 2000. – PP. 63 – 82.

192. Dijk, T. van. El discurso como estructura y proceso : estudios del discurso : introducciyn multidisciplinaria / T. van Dijk. – Barcelona : Gedisa, 2000.

193. Elosúa, M. R. Interculturalidad y cambio educativo. Hacia comportamientos no discriminatorios / M. R. Elosúa. – Madrid: Narcea, 1994. – 63 p.

194. Escandell Vidal, M. V. Introducción a la pragmática /M. V. Escandell Vidal. – Barcelona: Ariel Lingüística, 2005. – 251 p.

195. Escandell Vidal, M. V. Los fenómenos de interferencia pragmática / M. V. Escandell Vidal // Didáctica del español como lengua extranjera. – Madrid: Expolingua. – 1996. – vol. 3. – PP. 95 – 109.

196. Escandell Vidal, M. V. Politeness: A Relevant Issue for Relevant Theory / M. V. Escandell Vidal // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. – 1998. – n. 11. – PP. 45 – 57.

197. Fernández Cinto, J. Actos de habla de la lengua española: repertorio / J. Fernández Cinto. – Madrid: Edelsa, 2006. – 191 p.

198. González Nieto, L. Teoría lingüística y enseñañza de la lengua (lingüística para profesores) / L. González Nieto. – Madrid: Ediciones Cátedra, 2001.- 391 p.

199. Grice, H.P. Logic and Conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. Speech Acts. – New York, 1975. – PP. 41 – 58.

200. Gumpertz, J.J. Introduction: Linguistic relativity revisited / J.J. Gumpertz, S.C. Levinson // Rethinking Linguistic Relativity. – Cambridge University Press, 1996. – PP. 1 – 18.

201. Haverkate, H. Acerca de los actos de habla expresivos y comisivos es español / H. Haverkate, K. Hengeveld, G. Mulder. – Amsterdam: Rodopi, 1993. – PP. 149 – 180.

202. Hymes, D. The Ethnography of Speaking / D. Hymes // Language, Culture and Society. – Prospect Heights, 1995. – PP. 248 – 282.

203. Hymes, D.H. On communicative competence / D.H. Hymes. – Competencia comunicativa. – Madrid: Edelsa, 2000. – 159 p.

204. Intercilturalidad. – Madrid: Sociedad General Española de Librería, 2002. – 160 p.

205. Kramsh, C. Language and Culture / C. Kramsh. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 134 p.

206. Lanturi-Laura, G. Introducción al estructuralismo / G. Lanturi-Laura. – Buenos Aires: Nueva Visión, 1972. – 191 p.

207. Lourdes, M. Lengua y cultura desde una perspectiva pragmática: algunos ejemplos aplicados al español / M. Loudes // Frecuencia. – 1997. – num. 5. – PP. 3 – 14.

208. Marco común europeo de referencia para las lenguas: aprendizaje, enseñanza, evaluación [электронный ресурс]. – Madrid: Ministerio de Educación, Cultura y Deporte, Instituto Cervantes, Anaya, 2003. – режим доступа: http: //cvc.cervantes.es /obref /marco.

209. Moreno Fernández, F. Demografía de la lengua española / F. Moreno Fernández, J. Otero // El español en el mundo. – Madrid: Arco/Libros, 1998. – PP. 59 – 86.

210. Morris, Ch. Fundamentos de la teoría de los signos / Ch. Morris. – Barcelona: Paidós, 1985. – 122 p.

211. Mourelle de Lema, M. El español, lengua de comunicación multinacional (consideraciones desde el campo de la lingüística general) / M. Mourelle de Lema // Actas 1988. – vol. 2. – PP. 1291 – 1298.

212. Mulder, G. ¿Por qué no coges el teléfono?: acerca de los actos indirectos / G. Mulder // H. Haverkate, K. Hengeveld, G. Mulder. – Amsterdam: Rodopi, 1993. – PP. 181 – 207.

213. Oliveras, A. Hacia la competencia intercultural en el aprendizaje de una lengua extranjera. Estudio del choque cultural y los malentendidos / A. Oliveras. – Madrid: Edinumen, 2000. – 134 p.

214. Peter Nauta, J. ¿Que cosas y con qué palabras? En busca de una competecia cultural / J. Peter Nauta // Cable. – 1996. – n. 10. – PP. 10 – 14.

215. Placencia María, E. Actos de habla y cortesía en español / E. Placencia María, D. Bravo. – München: Lincom Europa, 2002. – 250 p.

216. Reyes, G. El abecé de la pragmática / G.Reyes. – Madrid: Arco Libros, 2003. – 71 p.

217. Sampedro, V. Interculturalidad: interpretar, gestionar y comunicar / V.Sampedro, María del M. Llera. – Barcelona: Bellaterra, 2003. – 277 p.
218. Sanz, M. Actividades para la enseñanza de la cultura en ELE. Intercultura, pragmática y gramática / M. Sanz. – Madrid: Julio, 2003.
219. Tabouret-Keller, A. Language and Identity / A. Tabouret-Keller // The Handbook of Sociolinguistics. – Oxford: Blakwell, 1997. – PP. 315 – 326.
220. Thomas, J. Cross-Cultural Pragmatic Failure / J. Thomas // Applied Linguistics. – 1983. – vol. 4. – PP. 91 – 112.
221. Van Ek, J. Across the readings from the modern languages projects of the Council of Europe / J. Van Ek. – Oxford: Pergamon Press, 1984.
222. Widdowson, H.G. Knowledge of Language and Ability for use / H.G. Widdowson // Competencia comunicativa. – Madrid: Edelsa, 2000. – PP. 83 – 91.

СЛОВАРИ

1. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. – М., - 1973. – Т.12. (**БСЭ**)
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. Яз., 2000. – Т. 2. – 779 с. (**СД**)
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. – М.: Рус.яз, 2000. – 846 с.
4. Краткая философская энциклопедия. – М.: «Прогресс», 1994. – 576 с. (**КФЭ)**
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с. (**ЛЭС**)
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, нац. Общ.-науч. Фонд. – М.: Мысль, 2000. (**НФЭ**)
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с. (**СРЯ**)
8. Русский Ассоциативный словарь. Книга 5: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка /

Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: «ИРЯ РАН», 1998. – 204 с.

9. Русский Ассоциативный словарь. Книга 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: «ИРЯ РАН», 1998. – 324 с.
10. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / под ред. Э.Г. Азимова, А.Н. Щукина. – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с. (**СМТ**)
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: АН СССР, Ин-т рус. Яз. – 1981-1984. – Т. 2. – 736 с. (**МАС**)
12. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус.яз.,1993. – 740 с. (**ССИС**)
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 696 с. (**СЭС РЯ**)
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – Т.2. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 672 с. (**ЭС**)
15. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – 685 с. (**Языкознание 1998**)
16. Dauzat A. Nouveau dictionnaire ètimoligique et historique. – Paris : Larousse, 1981. – 806 p. (**NED**)
17. Diccionario básico de la lengua española. – Madrid: Santillana, 2001. – 687 p. (**DBE**)
18. Diccionario de Real Academia [электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // www.rae.es (**DRA**)
19. Diccionario de términos clave de ELE [электронный ресурс]. – Режим доступа: http: // www.cervandes.es. (**DT ELE**)
20. Dictionnaire Le ROBERT. – Paris : S.N.L., 1980. – 307 p. (**DR**)
21. Hornby A.S. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 1974. – (**OD**)

22. Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman, Edinburgh Gate, 2003. – 1949 p.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture. –Longman, Edinburgh Gate, 2000. – 1568 p. (**LD**)
24. Martínez de Sousa J. Diccionario de Lexicografía Práctica. – Barcelona: VOX, 1995. – 381 p. (**DL**)

Источники анализа, не вошедшие в раздел «Библиография»

- ***Научные статьи, монографии***

1. Акишина, А.А. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедеческий словарь / А.А. Акишина; Т.Е. Акишина, Х. Кано. – М., 1991. – 144 с.
2. Арутюнов, А.Р. Справочник «Интенции диалогического общения и их стандартные реализации» (Проект «Банки методических данных»: каталог коммуникативных единиц, интенции) / А.Р. Арутюнов, П.Г. Чеботарев // Русский язык за рубежом. – 1993. - № 5 – 6. – С. 75 – 82.
3. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. — Воронеж: Изд–во Воронеж. ун–та, 1996. — 103 с.
4. Богданов, В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении / В.В. Богданов // Языковое общение. Единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. – С. 18 – 25.
5. Быков, А.Ю. Что такое коммуникации / А.Ю. Быков // Известия Уральского государственного университета. – 2006. - № 40. – С. 86 – 97.
6. Быкова, О.Н. Языковое манипулирование: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестн. Российской риторической ассоциации. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 91 – 103.
7. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: сингулярные речеповеденческие тактики / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос.ин-т рус.яз им. А.С. Пушкина, 2000 – 64 с.
8. Верещагин, Е.М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Гос.ин-т рус.яз им. А.С. Пушкина, 1999. –84 с.

9. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропологической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. - №1. – С. 64 – 72.
10. Воробьев, В.В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В.В. Воробьев. – М.: ИРЯП, 1994. – 75 с.
11. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 1997. – 331 с.
12. Воронцова, Т.А. Русский речевой этикет: в поисках универсального обращения / Т.А. Воронцова. – Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докладов международ конф. Екатеринбург, 24 – 26 октября 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. – С. 180 – 182.
13. Горелов, И.Н. Этнокультурная ассимиляция: прогнозы и реальность / И.Н. Горелов // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2003. – С. 113 – 129.
14. Городецкий, Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач / Б.Ю. Городецкий // Б.Ю.Городецкий, И.М.Кобзева, И.Г.Сабурова. Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск: ВЦ СОАН СССР, 1985. – С. 64 – 78.
15. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. - М.: Гнозис, 2003. – 286 с.
16. Демьянков, В.З. Коммуникативное воздействие на структуру сознания / В.З. Демьянков // Роль языка в структурировании сознания. – М.: Ин-т философии АН СССР, 1984. – Ч.1. – С. 138 – 161.
17. Завьялова, М. В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) / М.В. Завьялова // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 60 – 85.

18. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / под ред. В.И.Карасика, Г.Г.Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5 – 20.
19. Караулов, Ю.Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента / Ю.Н. Караулов // Этнокультурная специфика языкового сознания, М.: Институт языкознания РАН, 1996. – С. 67 – 96.
20. Касьянова, К. О русском национальном характере / К. Касьянова. – М.: Академ. Проект, 2003. – 560 с.
21. Клюканов, И.Э. Заметки по теории языковых контактов / И.Э. Клюканов // Психологические и лингвистические проблемы языковых контактов. – Калинин, 1984. – С. 28 – 34.
22. Кобозева, И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности / И.М. Кобозева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 7–21.
23. Кобозева, И.М., Лауфер Н.И. Интерпретирующие речевые акты / И.М. Кобозева, Н.И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – М., 1994. – С. 63–71.
24. Меньшиков, М.О. Письма к русской нации / М.О. Меньшиков. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2005. – 560 с.
25. Мечковская, Н.Б. Коммуникативная деятельность человека. Функция речи и языка / Н.Б. Мечковская // Социальная лингвистика. – М.: Аспект-пресс, 1996. – С. 7 – 29.
26. Муравьева, Н.В. Речевая агрессия как форма проявления конфликтного сознания журналиста [Электронный ресурс] / Н.В. Муравьева // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. – М., 2002. – Режим доступа: http://www.tolerance.ru.

27. Николаева, Т.М. Качели свободы/несвободы: трагедия или спасение? / Т.М. Николаева // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 83 – 88.
28. Норейко, Л.Н. Современное лингводидактическое тестирование в свете коммуникативной теории / Л.Н. Норейко // Преподаватель. – М., 1998. – С. 7 – 10.
29. Прохоров, Ю.Е. Лингвострановедение в обеспечении межкультурного общения на русском языке / Ю.Е. Прохоров // Русский язык за рубежом. – 1995. - № 2. – С. 94 – 101.
30. Романов, А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге / А.А. Романов // Текст как структура. – М.: ИЯ АН СССР, 1992. – С. 55-76.
31. Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация / А.П. Садохин. – М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2006. – 208 с.
32. Седов, К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. – С. 32 – 41.
33. Слышкин, Г.Г. Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И.Карасика, Г.Г.Слышкина. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 38 – 45.
34. Стернин, И.А. Межкультурный аспект коммуникации / И.А. Стернин // Психолингвистика и межкультурное взаимопонимание. – М., 1991. – С. 285 – 287.
35. Таранцей, Ю.В. Средства установления контакта в русском, английском и американском общении / Ю.В. Таранцей // Речевое воздействие. – Воронеж, 1998. – № 1. – С. 15–17.
36. Тарасов, Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2003. – С. 7 – 23.

37. Формановская, Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты / Н.И. Формановская. – М.: Русский язык, 1982. – 126 с.
38. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) / И.И. Халеева. – М., 1989. – 238 с.
39. Шилихина, К.М. Коммуникативное давление в русском общении / К.М. Шилихина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж: ВГТУ, 2000. – Вып. 2. – Язык и социальная среда. – С. 103 – 108.
40. Aranguren Gonzalo, Luis A. De la tolerancia a la interculturalidad : un proceso educativo en torno a la diferencia / Luis A. Aranguren Gonzalo, Pedro Ortega; prólogo de Juan Carlos Tedesco. - Madrid: Anaya, 1998. - 246 p.
41. Casal Isabel, I. Diversidad cultural en el aula de E/LE: la interculturalidad como desafío y como provocación / I. Casal Isabel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «http: //www.ucm.es /info /especulo /ele».
42. De Castro, M. Las connotaciones socioculturales en el proceso de adquisición del léxico / M. de Castro // Didáctica del español como lengua exranjera. – Madrid: Expolingua. – 1999. – vol. 4. – PP. 67 - 86.
43. Dolz, J. La interacción de las actividades orales y escritas en la enseñanza de la argumentación / J. Dolz // Comunicaión, Lenguaje y Educación. – 1995. – núm. 26. - PP. 17 – 27.
44. Escandell Vidal, M. V. Towards a Cognitive Approach to Politeness/ M. V. Escandell Vidal // K. Jaszczolt, K. Turner. Contractive Semantics and Pragmatics. – vol. 2. – Discourse Strategies. – Oxford: Pergamon Press, 1996. – PP. 629 – 650.
45. Estévez, M. La interculturalidad y el entorno en las clases de E/LE y Español como segunda lengua / M. Estévez // Didáctica del español como lengua exranjera. – Madrid: Fundación Actilibre, Collección Expolingua. – 1994. – PP. 13 – 21.

46. García Canclini, Néstor. Diferentes, desiguales y desconectados: mapas de la interculturalidad / Néstor García Canclini. - Barcelona: Gedisa, 2004. - 223 p.
47. Gilabert, R. ¿Podemos favorecer el aprendezaje autónomo del significado de las palabras? / R. Gilabert, E. Vidal-Abarca // Comunicación, Cultura y Educación. – 1993.- núm. 18. – PP. 81 – 89.
48. Gonazález Blasco, M. Aprendizaje intercultural: desarrollo de estrategias en el aula / M. González Blasco // Didáctica del español como lengua exranjera. – Madrid: Expolingua. – 1999. – vol. 4. – PP. 109 - 127.
49. Hornberger, N.H. The Acquisition of Second Language Communicative Competence for One Speech Event in Puno, Peru / N.H. Hornberger // Applied Linguistics. – 1982. – n. 2.
50. Lipski, J. El español de América: los contactos bilingües / J. Lipski // Historia de la lengua española. – Barcelona: Ariel. – PP. 1117 – 1138.
51. Marcos Marín, F. Lingüística aplicada / F. Marcos Marín, J. Sánchez Lobato. – Madrid: Síntesis, 1991.
52. Martín Morillas, J.M. La enseñanza de la lengua: un instrumento de unión entre cultura / J.M. Martín Morillas [Электронный ресурс]. – Granada, 2000. - Режим доступа: «http: //www.ub.es /filhis /culturele /morillas.html».
53. Martín Peris, E. Gramática y enseñanza de segundas lenguas / E. Martín Peris // Carabela. – num. 43. – PP. 5 – 33.
54. Mendoza, A. Conceptos clave en didáctica de la lengua y la literatura / A. Mendoza. - Barcelona: Horsori, 1998. - 428 p.
55. Parra, S. Actitudes básicas del profesor con los trabajadores extracomunitarios / S. Parra // Didáctica del español como lengua exranjera. – Madrid: Expolingua. – 1996. – vol. 3. – PP. 185 – 204.
56. Sánchez, I. Actividades Interculturales / I. Sánchez, A. Castillo. – Barcelona, 2004. – Режим доступа: «http: //www.ucm.es /info /especulo /ele».
57. Zayaz, F. El lugar de las tipologías textuales en la didáctica de la lengua / F. Zayaz // Aspectos didácticos de Lengua y Literatura. – VV.AA, 1994. – pp. 99 – 128.

- ***Сборники научных статей, научные журналы***

1. Очерк американского коммуникативного поведения / Ред. И.А. Стернин, М.А. Стернина. – Воронеж, 2001.

2. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1999.

3. Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2001. – Вып. 1.

4. Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2002. – Вып. 2.

5. Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2004. – Вып. 3.

6. Язык, коммуникация и социальная среда. – Воронеж: ВГТУ, 2006. – Вып. 4.

7. Языковое общение и его единицы: Сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во Калинин. ун-та, 1989.

8. Barcelona, mosaic de cultures: [mostra de la colleción del Museu Etnologic de Barcelona, en la Capella del Convent dels Angels] / coordinación Carme Fauria, Yolanda Aixela. - Barcelona: Bellaterra , 2002.

9. Carabela (2005 - 2007)

10. Comunicación, Cultura y Educación (2004 - 2007)

11. Culturas cara a cara : relatos y actividades para la comunicaciyn intercultural / Grupo CRIT (Comunicaciyn y Relaciones Interculturales y Transculturales). - Madrid : Edinumen, 2006.

12. Lingüística Española (2005 - 2007)

13. Menores tras la frontera: otra inmigración que aguarda / Francisco Checa y Olmos, Angeles Arjona, Juan Carlos Checa Olmos (eds.). - Barcelona: Icaria, D.L., 2006.

14. Pragmalingüística, U. Cádiz (2004 - 2007)

15. Pragmática cultural (2000 - 2004)

16. Revista Española de Lingüística (2005 - 2007)

- ***Диссертационные исследования***

Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дис. …д-ра филол.наук. – Л., 1984.

Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2000.

Шилихина К.М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: дис. …канд.филол.наук. – Воронеж, 1999.

- ***Электронный ресурс***

Официальный сайт «Русский язык»: «http: //www.gramota.ru»

Официальный сайт Института Сервантеса: «http: //www.cervantes.es»

Официальный сайт Королевской Академии наук Испании «http: //www.rae.es»

Официальный сайт по исследованиям коммуникации «El portal de los estudios de la comunicación»: «http://www.portalcomunicacion.com/esp»

Приложение № 1

Языковые репрезентанты научного концепта «коммуникация»

1. Репрезентанты научного концепта «коммуникация» в русском специализированном научном лингвистическом дискурсе

Текст[1]
Общение
Взаимодействие
Речевой акт
Коммуникативный акт
Речевой этикет
Коммуникация вербальная и **невербальная**
Коммуникативное поведение
Коммуниканты
Адресант
Адресат
Говорящий
Идеальный говорящий / слушающий
Культура
Национальная культура
Носитель языка и культуры
Носитель русского языка и культуры
Средства массовой информации
Реклама
Речевое поведение
Межкультурная коммуникация
Дискурс
Языковая личность
Национальная языковая личность
Русская языковая личность
Вторичная языковая личность
Языковая картина мира
Концепт
Коммуникативная роль
Лингвокультурная общность
Речевое воздействие
Речевое взаимодействие
Стереотип
Фоновые знания
Речевые тактики
Речеповеденческие тактики

[1] Жирным шрифтом выделены единицы, являющиеся основным предметом исследования в анализируемых текстах.

Сингулярные речеповеденческие тактики
Речевые стратегии
Речевая ситуация
Безэквивалентная лексика
Частичноэквивалентная лексика
Лакуны
Национально-специфическая лексика
Прецедентные тексты
Культурный шок
Молчание
Категория авторитетности
Компетенция лингвокультурологическая
Компетенция коммуникативная
Компетенция языковая
Компетенция речевая
Компетенция социокультурная
Авторитет
Носитель иностранного языка и культуры
Речевое действие
Коммуникация
- Внутриличностная
- Межличностная
- Групповая
- Массовая
- Устная
- Письменная

Модель речевого поведения
Коммуникативный шок
Коммуникативное сознание
Коммуникативный признак
Коммуникативная категория
Коммуникативный фактор
Аспект коммуникативного поведения
Продуктивное и рецептивное коммуникативное поведение
Коммуникативное табу
Коммуникативные императивы
Коммуникативные допущения
Коммуникативная категория
Коммуникативное пространство
Коммуникативный контакт
Коммуникативная неудача
Коммуникант – инофон
Речевые акты
- Локутивные
- Иллокутивные
- Перлокутивные

Лингвокультурема
Лингвоэпистема
Национальный стереотип
Социокультурный стереотип
Монокультуризм
Бикультуризм
Билингвизм
Интерференция
Межэтнокультурная интерференция
Межэтнокультурная конвергенция[2]
Межэтнокультурная конгруэнция
Межкультурные контакты
- Соприкосновение
- Приобщение
- Проникновение
- Взаимодействие

Реалии (социокультурные)
Социализация
Инкультурация
Аккультурация
Апперцепция
Аттракция
Культурные ценности
Идентичность
Чужеродность
Эффективная (успешная) коммуникация
Высоко- и низкоконтекстуальные культуры
Монохронные и полихронные культуры
Коллективистские и индивидуалистские культуры
Феминные и маскулинные культуры
Детерминанты межкультурной коммуникации
- Отношение к природе
- Отношение к времени
- Отношение к пространству
- Отношение к общению
- Тип информационных потоков
- Отношение к личной свободе
- Отношение к природе человека

Формы межкультурной коммуникации
- Прямая
- Косвенная
- Непосредственная и опосредованная

Контекст межкультурной коммуникации
Визуальный контакт
Восприятие

[2] Курсивом выделены единицы, зафиксированные нами только один раз

Денотация
Коннотация
Доминанта
Многоязычие
Билингвизм
Естественный язык
Консенсус
Конформизм
Культурная перцепция
Кинесика
Культурный релятивизм
Полилог
Перцепция
Аффилиация
Преамбула
Проецирование
Рефлексия
Фрустрация
Этноцентризм
Формальное – неформальное общение
Вежливость
Просьба
Оскорбление
Дистанция общения
Жесты
Преконтакт
Начальный контакт
Завершение контакты
Телекоммуникации
Социальное взаимодействие
Личностное взаимодействие
Межкультурное взаимодействие
Высказывание
Интерпретация
Обращение
Непонимание
Недопонимание
Нулевой речевой акт
Текстовое общение
Дискурс
- **политический**
- **публицистический**
- **научный**
- **эмотивно-оценочный**
- **экономический**
- **педагогический**

институциональный
персональный
Конфликтная ситуация
Вербально-конфликтная ситуация
Конфликт
Язык конфликта
Агрессия
Вербальная
Речевая
Языковая
Манипуляция
Манипуляция
политическая
речевая
в СМИ
Манипулятивные стратегии
Манипулятивная коммуникация
Толерантность
Толерантное поведение
Интолерантное поведение
Статус лица
Языковое сопротивление
Коммуникативное рассогласование
Коммуникативное давление

Всего*: 198 репрезентантов, 61 ед. характеризует только русский специализированный научный лингвистический дискурс (31 %)*

2. Репрезентанты научного концепта «коммуникация» в испанском специализированном научном лингвистическом дискурсе

Comunicación intercultural
Interculturalidad
Discurso
Comunicación virtual
Comunicació de inmigrantes
Interacciones intraculturales
intercultirales
transculturales
Relativismo cultural
Acto de habla
Participantes
Mensaje
Intención
Emisor

Receptor
Situación
Influencia
Interacción
Cultura
Uso de la lengua
Malentendidos
Mediador cultural
Petición
Contacto pluricultural
    intercultural
    multicultural
    plurilengua
Multilengua
Multiculturalidad
Multiculturalismo
Multilingüísmo
Plurilengua
Pluriculturalidad
Plurilingüísmo
Universalismo cultural
Transcultural
Transcultura
Transculturalidad
Aculturación
Deculturación
Interlengua
Autodescubrimiento
Competencia
Comparación no valorativa
Identidad cultural
Choque cultural
Interpretación
Comunicación eficaz
Universalismo cultural
Relativismo lingüístico
Transmisión
Efecto de comunicación
Acción
Tolerancia
Imagen pública
Prestigio social
Códico
Comportamiento verbal y no-verbal
Espacio comunicativo
Campo de influencia

Emisión
Bilingüismo individual
Bilingüismo social
Infortunio
Discurso aportado
Discurso de aula
Discurso modificado
Discurso
Narrativo
Descriptivo
Argumentativo
Instructivo
Análitico
Expositivo
Competencia
comunicativa
lingüística
gramatical
pragmática
ilocutorua
discursiva
socioligüística
estratégica
textual
social
plurilingüe
Cohesión de formas
Coherencia de sentido
Comunidad de habla
Interlocutor
Conflictos comunicativos
Comunicación real
Estrategias
Convención
Adecuación
Principio de cooperación
Relevancia
Inferencia
Transferencia
Transferencia negativa
Interferencia
Transferencia positiva
Contexto
Enuncio
Hablante
Oyente

Hablante – oyente ideal
Finalidades
Secuencia de actos
Clave
Instrumentos
Normas
Género
Gestión
Estructura de interacción
    inicio
    desarrollo
    fin
Tema
    presentación del tema
    mantenimiento
    cambio
Grado de formalidad – informalidad
Canal
    escrito
    oral
    audiovisual
    iconográfico
Variedad de habla
    lengua
    dialecto
    registro
Ruidos de asentimiento
    de rechazo
    de asco
    de incompresión
Gestos
Posición
Distancia de los cuerpos
Normas de interpretación
Enunciados indirectos
Presuposiciones
Referencias implícitas
Diálogo
Narración
Argumentación
Exposición
Acto de habla indirecto
Acto ilocutivo
Acto locutivo
Acto perlocutivo
Teoría de errores

Conciencia lingüística
Conciencia metalingüística
Conocimiento explícito
Conocimiento implícito
Conocimiento inconsciente
Conocimiento instrumental
Contexto cognitivo
Contexto discursivo
Contexto comunicativo
Contexto discursivo
Contexto de aprendizaje
Contexto escolar
Contexto de aprendizaje
Contexto formal
Contexto de aprendizaje
Contexto natural
Contexto de aprendizaje
Conversación
Conversación exolingüe
Conversación interaccional
Conversación transaccional
Corrección de errores
Corrección
Error evolutivo
Error fosilizado
Fosilización
Error pragmático
Error transitorio
Estadios sucesivos
Cinética
Cinésica
Estrategias comunicativas
Estrategias cognitivas
Estrategias de compensación
Estrategias comunicativas
Estrategias de evitación
Estrategias comunicativas
Estrategias metacognitivas
Estrategias socioafectivas
Estructuras textuales
Etnografía de la comunicación
Habilidades
Distancia lingüística
Distancia psicológica
L1 > Lengua materna
L2 > Lengua meta

<u>Всего</u>*: 199 репрезентантов, 39 ед. характеризует только испанский специализированный научный лингвистический дискурс (19, 5 %)*

Всего выделено 397 репрезентантов научного концепта «коммуникация», из них 25, 4 % - специфичное в структуре и содержании данного концепта; 74, 6 % - общее.

Приложение № 2

Результаты лингвопсихологического эксперимента

1. Участники эксперимента: носители русского обыденного языкового сознания (100 чел.)
    - *Реакция на стимул* ***влияние***

Оказывать влияние (32); благотворное влияние (5); чужое влияние (2); хорошее влияние (7); плохое влияние (8); негативное влияние (5), сильное влияние (14); попасть под влияние (27); испытывать влияние (29); влияние школы (15); пользоваться влиянием (11); быть под влиянием (4); повлиять на ребенка (7); влияние погоды (2); воздействие (25); влиять на кого-то непрямо, косвенно (6); наставление (3); влияние старших (9); влияние окружающей среды (4); под влиянием родителей (7); влияние друзей (12); устойчивое влияние (2); выявить влияние (1); определенное влияние (1); влиятельность (1); чрезвычайно влиятельный человек (1); абсолютное влияние (1); влияние-отторжение (1); международное влияние (7); изменить (8).

- *Реакция на стимул* ***воздействие***

Воздействие физическое (13); воздействие наркотиков (4); воздействие алкоголя (7); негативное воздействие (6); сильное воздействие (25); чужое воздействие (3); быть под воздействием (2); под воздействием наркоза (1); влияние (36); воздействовать на сознание (3); воздействовать на совесть (1); вредное воздействие (14); авторитет (18); сила (9); давление (76); давить (39); добиваться (32); добиваться любым способом (3); влиять с силой (7); результат (22); с целью получить результат (27); заставлять (11), изменять (8), вступать в непосредственный контакт (2); разрушительное воздействие (4); силовое воздействие (11); выраженное воздействие (1); раздавить (1); унизить (2); лишить мнения (1); подчинение (7); заставить подчиняться (3); воздействие – уничтожение (1); воздействие – противодействие (5); революция (1); воздействие на систему (1); грубое вмешательство (3); вмешательство помимо воли (4); экстренное воздействие (1); необходимое воздействие (1); разумное воздействие (1).

- *Реакция на стимул* ***взаимодействие***

Общее (84); обоюдное (36), взаимное (92), объединение (21), действие с кем-то (5), общий результат (54); вместе (81); взаимодействие людей (11); созидание (7); взаимодействие социумов, систем (1); взаимодействие с окружающей средой (12); взаимодействие полей (1); взаимодействие сил (1); взаимодействие полов (рождение детей - результат) (3); взаимопроникновение (5); уважение (1), добрая воля (1).

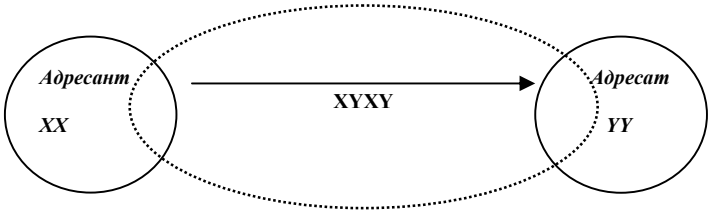
2. Участники эксперимента – носители русского научного сознания, специалисты в области русского языка (40 чел.).

Варианты ответов на вопрос, каким образом протекает коммуникации? (выборка высказываний, связанных с взаимодействием, воздействием):

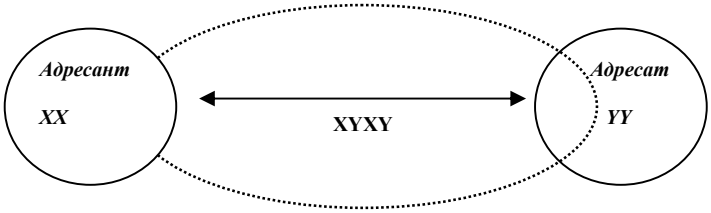
адресант воздействует на адресат; говорящий воздействует в процессе коммуникации на слушающего с целью …; воздействуя, говорящий хочет добиться результата; адресант и адресат, взаимодействуя, создают общее пространство; адресант, воздействуя, может оказать давление, например, эмоциональное, или убеждать собеседника, возможна манипуляция; говорящий, воздействуя, аргументирует, убеждает, может оказать моральное давление; для эффективной коммуникации необходимо общее коммуникативное пространство…

Респондентам предлагалось выбрать из трех схем-моделей коммуникации одну, оптимально отражающую процесс коммуникации или предложить свою.

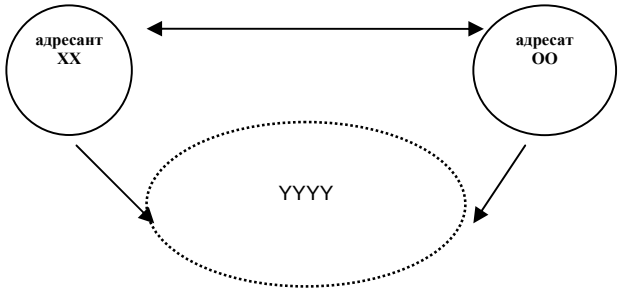
Варианты ответов:
Схема № 1: 78 выборов
Схема № 2: 13
Схема № 3: 9



1.



2.



3.

3. Участники эксперимента: носители испанского обыденного сознания (100 человек)
    - Реакция на стимул ***influencia***

Influir (36), ejercer (tener) ascendiente sobre uno (28), influir para el resultado (41), dejarse influir por uno (12), tener una influencia sobre alguien (15); recurrir una influencia para coseguir (un concierto) (6), caer bajo la influenci (3), dejarse influir (2); influencia buena (18); mala (22); resultado (29); efecto (26); acuerdo (13); consenso (9); común acuerdo (16); armonía (4); concordancia (3); compromiso (14); transacción (2); llegar a un acuerdo (5); obtener éxito (2); salir con la suya (12), tentativa (11); prueba (8); interés (7); respeto (6), tolerancia (2); influencia de los padres (3); tener la influencia sobre gobierno (2), funcionario (1)[3].

- *Реакция на стимул* ***interacción***

Acción recíproca (35); cooperación (42); conjunción (13); interacción (11); interacción de intereses (18); interacción de fuerzas (9); colisión (2); interacción positiva (47); negativa (39); juntos (3)[4].

4. Участники эксперимента – носители испанского научного сознания, специалисты в области испанского языка (40 чел.).

Варианты ответов на вопрос, каким образом протекает коммуникации? (выборка высказываний, связанных с influencia, interacción)

Влияя, говорящий желает, чтобы его сообщение поняли и интерпретировали правильно»; говорящий и слушающий выступают как партнеры; Отправитель пытается влиять на получателя; говорящий, как бы ни хотел добиться своей цели,

[3] Влиять; влиять на кого-то; влиять с целью получения результата; испытывать чье-либо влияние; иметь влияние на кого-то; прибегать к влиянию с целью достижения чего-либо, с целью согласия или гармонии; попасть под влияние; испытывать влияние; влияние хорошее; влияние плохое; результат; эффект; согласие; консенсус; обоюдное согласие; гармония; согласованность, компромисс; компромисс; добиться согласия; добиться успеха; добиться своего; попытка; проба; интерес; уважение; толерантность; влияние родителей; влиять на правительство; влиять на чиновников.

[4] Двустороннее действие; кооперация; совпадение; столкновение; столкновение интересов; столкновение сил; столкновение; взаимодействие позитивное; негативное; вместе.

уважает слушающего; прагматика испанскими учеными трактуется как наука, думающая о собеседнике; равенство позиций говорящего и слушающего объясняется тем, что слушающий стремится стать говорящим, поэтому говорящий только пытается влиять…

Респондентам предлагалось выбрать из трех схем-моделей коммуникации одну, оптимально отражающую процесс коммуникации или предложить свою.
Варианты ответов:
Схема № 1: 2 выбора
Схема № 2: 9
Схема № 3: 89